

Философия Право

№ 2 (101)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2022

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Контарев А.А.

«РУССКАЯ ИДЕЯ» В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО САМОСОЗНАНИЯ
РОССИИ В XIX ВЕКЕ 7

Овчинникова О.Д., Шаганиян А.М.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА 13

Ткачева Н.В.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ:
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 17

ПРАВОВАЯ ПРАКСИОЛОГИЯ

Комаров И.М.

МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ЕГО МЕСТО В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
МЕТОДОЛОГИИ 26

Краснова Е.А., Сагирян И.Г., Кузина С.И.

ПРАВО НА ДОКУМЕНТ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ
В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ 30

Рыжкова О.А., Костенко Н.С.

ПРОФИЛАКТИКА ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В МУНИЦИПАЛЬНЫХ АВТОНОМНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ 36

Тошилина А.В. СПЕЦИФИКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ САЛЬВАДОР В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН И БОРЬБЫ С ФЕМИНИЦИДАМИ	41
Чернобровкина Н.И. ЭТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	48

ПРАВОВАЯ АКСИОЛОГИЯ

Рожковский В.Б. ФЕНОМЕН НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ И СЕКТ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ: РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ, КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА	54
Косов Г.В., Галда М.В., Гандалоев И.И. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И НОВЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ	60
Колантай В.А. (свящ.) О НАПРАВЛЕНИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ИММУНИТЕТА СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	66
Чудина-Шмидт Н.В. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ» РАЗНЫМИ ДИСКУРСИВНЫМИ СИСТЕМАМИ	75
Шаталов Е.А. ДИСКУССИЯ О ПРЕДМЕРЕ НАУКИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	82

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Кобец П.Н. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КИБЕРТЕРРОРИЗМА НА ОСНОВЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕР КОНТРОЛЯ ЗА БЕЗОПАСНЫМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ	90
Виноградов А.И., Красова Е.М. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ НАЦИЗМА	96
Небрятенко Г.Г., Студеникина С.В., Татьяна А.В. ДОНСКИЕ «НОМЕРНЫЕ СЫСКНЫЕ НАЧАЛЬСТВА» КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ	100
Айвазова О.В. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛИЦОМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ, КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ: ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	106
Мацлян А.В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА «ФИШИНГ»	112
Шанько В.В. «ТЕРРОРИЗМ» КАК МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ)	116
Щербинин С.В., Лотарев К.А. СПОСОБЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ МАССОВЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭСКАЛАЦИИ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ	120

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Бредихин А.Л. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА	128
Москаленко С.Г. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИЯМ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	132
Тишкин Д.Н., Бабенко С.В., Напханенко И.П. ВОЗМОЖНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРИ КОРРЕКТИРОВКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ КОМПЛЕКСНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	137
Черныш М.А. СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И СИЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО	144

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА

Гайдай М.К., Кадырова Ч.А. ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК» И «СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	153
Березина Е.А. ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ КАК НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	157
Девятовская С.В., Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. ЗАГЛАЖИВАНИЕ ВРЕДА КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛЬЗЫ	161

Трибуна молодого ученого

Богун О.Н. ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ «ОСМОТР МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ»	167
Фисаков М.Ю. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	172

Главный редактор: **К.А. Плясов**, доктор юрид. наук, доцент
Заместитель главного редактора: **С.В. Пахомов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ерыгин, д-р филос. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небрятенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Понделков, д-р полит. наук, проф.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В.Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-34
Электронная почта: guiperiodika@mvd.ru
Официальный сайт журнала: <https://рюи.мвд.рф>

Оформить подписку на журнал можно через интернет-каталоги www.akc.ru и www.pressa-rg.ru
Индекс – 79848.

Цена подписки на издание за минимальный подписной период – 500 руб.

Выпускающий редактор: *И.А. Мосенцева*
Корректор: *И.А. Мосенцева*
Компьютерный набор и верстка – *Е.Е. Пелехатой*

Подписано в печать 20.06.2022. Выход в свет 30.06.2022.
Формат 60x84 1/8. Объем 22,3 п. л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 21. Тираж 300 экз. Заказ № 72.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

EPISTEMOLOGY AND METHODOLOGY OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL RESEARCH

Kontarev A.A. «RUSSIAN IDEA» IN THE STRUCTURE OF STATE-LEGAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIA IN THE XIX TH CENTURY	7
Ovchinnikova O.D., Shaganyan A.M. THE PROBLEM OF LAW NIHILISM IN THE CONDITIONS OF THE RUSSIAN STATE	13
Tkacheva N.V. SPECIFICS OF CRIMINAL PROCEDURAL LEGAL RELATIONS: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECT	17

LEGAL PRAXEOLOGY

Komarov I.M. METHOD OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND ITS PLACE IN FORENSIC METHODOLOGY	26
Krasnova E.A., Sagiryayn I.G., Kuzina S.I. RIGHT TO PROFESSIONAL CREDENTIALS IN JUDICIAL PRACTICE	30
Ryzhkova O.A., Kostenko N.S. PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR OF MINORS IN MUNICIPAL AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTIONS	36
Topilina A.V. SPECIFICITY OF THE REPUBLIC OF SALVADOR CRIMINAL LEGISLATION RELATING TO THE PROTECTION OF WOMEN'S RIGHTS AND THE FIGHT AGAINST FEMINICIDES	41
Chernobrovkina N.I. ETHICAL CONTROL OF THE DISSEMINATION OF INFORMATION IN THE DIGITAL SPACE: SETTING OF A PROBLEM	48

LEGAL AXIOLOGY

Rozhkovsky V.B. PHENOMENON OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS AND CULTS IN THE RUSSIAN PUBLIC CONSCIOUSNESS: THEOLOGICAL, CONFSSIONAL AND STATE-LEGAL ASSESSMENT	54
Kosov G.V., Galda M.V., Gandaloev I.I. POLITICAL PARTICIPATION IN CRISIS: THEORETICAL FOUNDATIONS AND NEW EMPIRICAL DATA	60
Kollantai V.A. (priest). ON THE TRENDS OF THE REALIZATION OF THE LEGAL PRIVILEGE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH CLERGYMAN IN OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES	66
Chudina-Schmidt N.V. DEFINITION OF THE PHENOMENON «EXTREMALITY» BY DIFFERENT DISCURSIVE SYSTEMS	75
Shatalov E.A. DISCUSSION ON THE SUBJECT OF SCIENCE OF THE UNIVERSAL HISTORY OF STATE AND LAW	82

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF STATE LEGAL POLICY AND COMBATING CRIME

Kobets P.N. PREVENTION OF INTERNATIONAL CYBERTERRORISM BASED ON THE IMPROVEMENT OF CONTROL MEASURE OVER THE SAFE FUNCTIONING AND DEVELOPMENT OF TELECOMMUNICATION NETWORKS	90
Vinogradov A.I., Krasova E.M. SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF NAZISM	96
Nebratenko G.G., Studenikina S.V., Tatyaynina A.V. DON «NUMBERED DETECTIVE AUTHORITIES» AS A REGIONAL PHENOMENON BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION	100

Aivazova O.V. CRIMES COMMITTED BY A PERSON USING HIS OFFICIAL POSITION AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE: LEGAL AND FORENSIC ASPECTS	106
Mailyan A.V. ACTUAL ISSUES OF INVESTIGATION AND SOLUTION OF CYBER FRAUD «PHISHING»	112
Shanko V.V. «TERRORISM» AS A METHOD OF POLITICAL STRUGGLE (POLITICAL TERRORISM)	116
Shcherbinin S.V., Lotarev K.A. MEANS OF MASS POLITICAL CONSCIOUSNESS MANIPULATION AS A TOOL FOR ESCALATING PROTEST ACTIVITY AMONG YOUNG PEOPLE	120

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE STATE POWER DIMENSION

Bredikhin A.L. CONSTITUTIONAL FRAMEWORKS OF THE IDEOLOGICAL FUNCTION OF THE STATE	128
Moskalenko S.G. COUNTERING FALSIFICATIONS OF THE RUSSIAN STATEHOOD HISTORY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS	132
Tishkin D.N., Babenko S.V., Napkhanenko I.P. POSSIBLE PRIORITIES WHEN ADJUSTING THE STATE POLICY OF COMPREHENSIVE COUNTERING ORGANIZED CRIME	137
Chernysh M.A. STRONG STATE AND STRONG CIVIL SOCIETY: CONFRONTATION OR COOPERATION	144

SOCIAL AND CULTURAL FUNDAMENTALS OF LAW

Gaidai M.K., Kadyrova Ch.A. THE CONCEPT OF «SOCIAL APPEARANCE» AND «SOCIAL PORTRAIT» IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF THE PERSONALITY OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES	153
Berezina E.A. TECHNIFICATION OF LEGAL REALITY AS A NEW VECTOR FOR THE COMMUNITY DEVELOPMENT	157
Devyatovskaya S.V., Ishchenko D.P., Ishchenko G.K. REPARATION OF HARM AS A TOOL FOR ACHIEVING SOCIAL BENEFIT	161

TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

Bogun O.N. TACTICAL OPERATION «INSPECTION OF A TRAFFIC ACCIDENT SCENE»	167
Fisakov M.Yu. TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES	172

Контарев Анатолий Александрович
Kontarev Anatoly Aleksandrovich

заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор.
E-mail: anatolykontarew@rambler.ru

Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor.

«РУССКАЯ ИДЕЯ» В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИИ В XIX ВЕКЕ

«Russian Idea» in the structure of state-legal consciousness of Russia in the XIXth century

Статья представляет собой анализ понятия «русская идея» в структуре государственно-правового самосознания России. Доказывается несостоятельность попыток навязывания некоторыми представителями политического истеблишмента «коллективного Запада» «русской идее» инструментального свойства легитимации геополитических притязаний России начиная с XV–XVI веков. Автор сосредоточивает внимание на структурных компонентах «русской идеи» как интеллектуально-духовного комплекса. Особое внимание уделяется учению «Москва – Третий Рим» как компоненту «русской идеи», анализу его религиозного содержания, показывается бездоказательность интерпретации этого учения как политического.

Ключевые слова: государственно-правовое самознание, «русская идея», Москва – Третий Рим, славянофилы, западники.

The article represents an analysis of «Russian idea» concept in the Structure of the Self-Awareness of Justice of Russia. The author shows the insolvency of attempts of imposing to «Russian idea» implement remnants geopolitics claims of Russian legitimation which has some of persons represents the collective Vest beginning from XV–XVI centuries. The author pay attention to structure components of «Russian idea» as intellectual-spiritual complex. The main attention he pays to theory «Moscow – Third World» as one of the components of «Russian idea» to analysis of its religious content, showing invalid of interpretation of this theory as politician.

Keywords: self-awareness of justice, «Russian idea», Moscow – Third World, slavianophily, zapadniki.

Новейшая история показывает, что недружественное отношение к нашей стране так называемого «коллективного Запада» обусловлено отнюдь не системой идеологических контроверз и несоответствий политических режимов. Оно связано с неприятием той значительной духовной и геополитической роли, которую Россия всегда объективно играла в мире, подвергая сомнению притязания Запада на мировое господство. В информационно-пропагандистских матрицах западных медиа такое неприятие объективного значения Российского государства часто принимало образ «российской экспансии». При этом проблемы идентификации «русского экспансионизма» порой решались поиском его истоков в русской политической и правовой культуре, в ее ценностях и устойчивых образах, стереотипах ин-

терпретации действительности, сыгравших важную роль в формировании государственного и правового самосознания российского общества. К одному из таких стереотипов относится учение «Москва – Третий Рим», возникшее в период становления централизованного Московского государства и в XIX веке ставшее одним из компонентов такой интеллектуально-духовной конструкции, как «русская идея», представлявшей собой попытку сформулировать универсальный христианско-православный идеал.

Примечательно, что не только ученые мужи, но и некоторые западные политические лидеры предпринимали попытки объяснить «плохое поведение» России посредством исторических ссылок на нашу духовность. Характерным примером является высказывание

бывшего канцлера ФРГ Г. Шмидта, относящееся ко времени Афганской войны: «Политическое поведение России не претерпело реальных изменений начиная с Ивана III и Ивана IV. Я думаю, его источником является до конца не удовлетворенное в ее истории желание экспансии и глубокое убеждение, что Мать Россия принесет спасение всему миру. Эта идея спасения появилась в сознании российской интеллигенции еще в XIX веке, задолго до коммунизма, она состоит в том, что Москва – Третий Рим, наследница Византии» [1, р. 128]. Удивляющее, на первый взгляд, глубокое знание российской истории немецким политиком сопровождается ее серьезным непониманием либо сознательным искажением смысла исторических событий и политико-правовых концепций, имевших важное значение в русской истории. Первостепенной задачей, стоящей перед большинством западных официальных идеологов, являлось и по-прежнему является конструирование генетических источников «плохого поведения» нашей страны сегодня, обоснование его самой природой русской нации. Одна из глубоко христианских идей – мессианство, которая нашла отражение во многих учениях начиная с XVI века, интерпретируется как идеологическая форма российской геополитической экспансии. В то же время хорошо известны примеры экспансионистской политики стран «коллективного Запада», в результате которой исчезали с лица земли целые народы. В частности, политика Германии в новейшей истории мотивирована отнюдь не христианской идеей спасения, а концепцией национального превосходства перед другими народами.

Относительно же упомянутой теории «Москва – Третий Рим» следует отметить, что верховная государственная власть эпохи становления централизованного Русского государства в лице Ивана III, Василия III и Ивана IV никогда не была мотивирована представлениями о том, что имеет какие-то особые права или привилегии по сравнению с другими странами как преемница Второго Рима – Византии. Причем речь идет как о светской, так и о духовной власти. Церковь, несмотря на принятую автокефалию, признавала верховенство Константинопольского патриарха. Более того, известно, что в 1557 году Иван IV искал поддержки у Константинопольского патриарха в связи с принятием титула царя.

Порой такие оценки нашей истории политико-правовых учений пытаются объяснить и особенностями дискурса в этой сфере. Так, один из исследователей пишет: «“Москва – Третий Рим” была поддержана и распропагандирована как недоброжелателями России с целью опорочить ее, так и теми, на повестке которых ее прославление, так и теми, кто никогда не обращался к первоисточникам, но хотел легкого объяснения исторических событий, представляя путаные доказательства» [2, р. 177].

Считается, что создателем этого учения является инок псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофей (1465–1542). Он изложил его в своих посланиях к великим князьям Василию III и Ивану IV [3]. Однако впервые эта идея была озвучена митрополитом Московским и всея Руси Зосимой (1490–1494). Вместе с тем лишь Филофей дает пространное обоснование этой теории. При ее рассмотрении существенными представляются два обстоятельства. Во-первых, при венчании Ивана IV на царство использовались некоторые атрибуты этой теории, суть которых сводится к признанию того, что после падения Византии, оплота православия, именно он является единственным хранителем истинного православия и, соответственно, законным христианским государем. Данный факт может свидетельствовать об официальном государственном признании этой теории, а также о том, что она стала частью русского религиозного сознания того времени. Во-вторых, аналогичная теория, провозглашавшая Константинополь наследником павшего Первого Рима, существовала в Византии. Корень таких идеологических конструкций усматривается в древнеримской истории, ее имперском периоде, когда власть императора сопровождалась идеологически эффективной идеей о Вечном Риме, тем самым выражая незыблемость власти императоров и вечное могущество Римской империи.

Подчеркнем, теория «Москва – Третий Рим» никогда не несла в себе имперских притязаний, хотя и имела идеологическое значение в процессе становления централизованного государства, интерпретируя его духовные истоки. Ее квинтэссенцией является мысль об ответственности России за судьбы всего мира благодаря сохранению первоизданной правды христианского вероучения. Г. Шмидт – не

столь значимая фигура в сфере подобного рода учений, однако его оценка является типичной для части политического западного истеблишмента, оказывающего влияние на сферу информационно-пропагандистского обеспечения принимаемых политических решений. Ссылка на фундаментальные для российского политико-правового самосознания идеи как на генетический источник экспансионистской природы нашего народа по принципу *highly likely* создает необходимый смысловой контекст исторической виновности России.

Примечательным представляется указание на метаполитический характер этой идеи, т. е. на то, что она обусловлена не особенностями политического режима, не его идеологией, а более глубокими ментальными факторами русского сознания и культуры, приобретает обобщенную форму в представлениях отечественной интеллигенции XIX века об исторической судьбе России. Интеллигенцией, о которой идет речь, конечно, являются славянофилы, создавшие целый ряд учений о смысле русской истории, ставших основным теоретико-методологическим источником «русской идеи» – социально-философской, культурологической и политико-правовой модели интерпретации роли и места России в мире, о ее исторической судьбе и предназначении. В конструкции «русской идеи» учение «Москва – Третий Рим» играет важную роль, но оно не единственное. «Русская идея» включает в себя также учения о Святой Руси и соборности. Лишь учитывая их триединство, можно вести речь об общем смысловом комплексе «русской идеи», в котором приписывание учению «Москва – Третий Рим» имперского содержания теряет всякое значение.

Давая характеристику русской мысли первой половины XIX века, Н.А. Бердяев писал: «Русская самобытная мысль пробудилась на проблеме историософической. Она глубоко задумалась над тем, что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба» [4, с. 36]. Этот вопрос давно был для русского человека одним из главных, некоторые не находили на него ответа, в чем видели большую трагедию. Например, П. Чаадаев так и не смог в контексте своего европоцентристского мировоззрения найти место России в мире. Он писал: «Про нас можно сказать, что мы составим как бы исключение среди народов. Мы

принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в человечество, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру» [5, с. 24–25]. Дело в том, что «мы не принадлежим ни одному из семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, не имеем традиций ни того, ни другого. Мы находимся как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось» [5, с. 18]. Трагедия Чаадаева – трагедия многих образованных россиян, воспринявших западноевропейскую культуру как абсолютный и безальтернативный идеал, неизбежно ведущий к нигилизму в отношении собственной культуры. Такой западнический крен сознания русской интеллигенции начался еще в период правления Екатерины Великой. В.О. Ключевский очень остроумно и точно охарактеризовал дворянина этой эпохи, сказав, что «чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели как на случайно родившегося в России француза. Так он стал в положение межумка, исторической ненужности» [6, с. 183].

Ответом на вопрос о том, что «замыслил Творец о России», явилась «русская идея» как некоторый интеллектуальный комплекс духовных ориентиров Российского государства, выражающий его национальный идеал, ориентирующий на полную христианизацию жизни русского общества. Она представляет собой перевод трансцендентально-божественных начал мира в посясторонне-историческое существование русского народа и выражается в интерпретации судьбы и предназначения страны. Но объясняя таким образом христианско-православный идеал, она выступает проявлением характерного для Западной Европы универсалистского сознания, не замыкаясь на национальных вопросах, но рассматривая их сквозь призму всечеловеческого бытия.

Такая природа «русской идеи» придает специфическое значение событиям и фактам из истории России, в том числе ее духовным феноменам. Однако, учитывая, что она возникла и функционировала в сознании российского общества как соответствующий интеллектуально-духовный комплекс в указанный выше промежуток времени, следует отметить ее конкретно-исторический характер, состоящий

прежде всего в том, что она является продуктом сознания российского общества XIX века. Применительно к теории «Москва – Третий Рим» это означает, что способы интерпретации «русской идеи» славянофилами и иноком Филофеем, очевидно, различны. Славянофилы видели в ней формулу многообязывающей преемственности и ответственности за судьбу христианства в мире. Попытки поиска в этой идее политического содержания и тем более геополитических притязаний страны времен Николая I напрасны. Как писал один из основоположников славянофильского движения А.С. Хомяков, «главное для России – быть не самым могущественным государством, а самым христианским из всех человеческих обществ» [7].

При этом формула преемственности «Москва – Третий Рим» в трехуровневой структуре «русской идеи» стоит на втором месте, вытекая из ее духовного начала, из образа Святой Руси, означающего тысячелетнюю верность христианству. Этот подвиг сопровождался такими достижениями русского духа, которые придают ему всемирно-историческое значение в контексте реализации трансцендентально-божественных целей в посюстороннем историческом бытии человечества. Верность христианству обусловлена и особенностями русского сознания, состоящего в доминировании соборного начала. Соборность – это цельность и полнота, которые обретают форму свободного, органического единства, основанного на любви к ближнему. В качестве принципа социальной интеграции индивидов в общество соборность противостоит доминирующей на Западе ассоциативности, означающей объединение в общество на основе единства частных интересов. Поэтому русская община, социальное значение которой не претерпело изменений в течение по крайней мере тысячи лет, является социальной проекцией «русской идеи», ее эмпирического подтверждения.

Примечательны представления о природе государства и права, без которых «русская идея» потеряла бы свой социально-политический смысл. В целом эта идея была не политическая, не государственная, а религиозная. Поэтому представления о государстве и праве имеют некоторый оттенок нигилизма. Согласно К.С. Аксакову, русский народ никогда не стремился создать могущественное государство.

Так, если народы Западной Европы всегда старались формулировать внешние правила поведения (закон), то русский народ жил не по праву, а по правде, не по внешней, а по внутренней справедливости. Поэтому следует видеть существенную разницу между государством и страной, поскольку путь страны – это следование правде, учению Христа. Но русский народ был вынужден строить государство, чтобы защитить себя от воинственных соседей. Вплоть до реформ Петра I народ (страна) и государство сосуществовали на основе союза, где народ обладал совещательным голосом, а государь был наделен правом принимать окончательное решение.

Квинтэссенцией «русской идеи» является представление о цельности жизни, которая воплощается в результате следования христианскому вероучению. Запад нарушил эту цельность жизни, разъединив интеллектуальные и духовные силы. За западноевропейским рационализмом теряется духовный смысл жизнедеятельности человека, растворяющийся в его ориентации на стяжательство. Так, западная идея – это идея общественного договора и идея государства, в основе которой лежит вполне определенный частный интерес лиц, его образующих (Т. Гоббс). В то же время это протестантская этика (М. Вебер), идея преумножения богатства. «Русская идея», в отличие от западной, основана на этике христианства, призывающей к цельности жизни, приоритету духовных начал над материальными. Поэтому не случайно социальной проекцией русской идеи является община, поскольку именно она воплощает идеал цельности жизни. Глубокое понимание Русского государства продемонстрировал И.А. Ильин: «Государство – это Мы».

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что учение «Москва – Третий Рим», явившееся в русской истории свидетельством преемственности Россией ответственности за судьбу христианства, выступало в роли легитимизирующего государственно-политического фактора лишь в период становления централизованного Московского государства, но в дальнейшем оно утратило это значение. В нем видится идея христианизации государства, которую трудно найти в древнерусской истории, например, в знаменитой проповеди Илариона Киевского. Отсюда принцип, что спасение души возможно не через государство (закон),

а через церковь, был доминирующим на протяжении длительного периода истории, вплоть до эпохи формирования централизованного Московского государства, когда возникла идея богоданности власти и, соответственно, спасения души через государство, проповедуемая Иосифом Волоцким, создавшим так называемую иосифлянскую идеологию.

В связи с этим необходимо учитывать, что Филофей являлся одним из радикальных сторонников иосифлянства, которое стало официальной идеологией московской монархии. По сути, теория «Москва – Третий Рим» представляет собой результат последовательного развития иосифлянской идеологии. Так, основным положением теории Филофея является утверждение о божественной природе власти великого князя. То, что «сердце царя в руке Божией, он слуга есть Божий», означает его ответственность перед самим Богом. Но речь идет не только и не столько об ответственности за собственные прегрешения, сколько за судьбу страны, которой он управляет. Он должен блюсти правду на своей земле. При этом под правдой понимается закон и христианские нравственные заповеди, она коренится в христовом учении и в заветах предков великого князя.

Следует учитывать, что учение «Москва – Третий Рим» обладает всеми признаками теоретической мысли того времени. Оно опирается на богословскую историческую концепцию, очевидно, широко распространенную в средневековом обществе. Филофей излагает свои историсофские представления псковскому дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину с учетом комментариев к астрологическому «Альманаху» Штоффлера. Этот «Альманах», переведенный врачом Василия III Николаем Булевым, датированный 1522 годом, содержал предсказание о том, что в 1524 году людей постигнет потоп. Филофей, рассуждая о том, что планеты являются неодушевленными телами, а значит, не могут влиять на судьбы народов, высказывает мысль, что истинной причиной исторических изменений является воля Бога, а падение царств есть результат отступничества от истинной веры. И наоборот, верность истинной вере оказывает благотворное влияние на судьбу народов и царств. Вероотступничество Константинополя, заключившего унию с католиками, предредило его падение

как столицы истинной веры – Второго Рима. Такое значение Константинополь приобрел после падения Первого Рима, когда первоначальная христианская вера была сосредоточена лишь в нем. То, что католический Рим сохраняет свое видимое благополучие, Филофей объясняет своеобразно. Он говорит, что свобода Рима – лишь видимость, поскольку души римлян находятся в плену у дьявола. Но падение Второго Рима не является достаточным основанием для перехода центра православия в Москву и объявления Московии Третьим Римом. Это лишь формальный повод. Настоящей причиной является правильность православных обрядов. Так, Филофей особо останавливается на причастии и на том, что причащение дрожжевым хлебом, которое принято в Московии, является наиболее правильным. Это убеждает в том, что именно к Москве должны перейти функции православной столицы мира, т. е. Москва – «Третий Рим, а четвертому не бывать».

Конечно, политический подтекст данного учения не исключен. Оно могло выступать в качестве средства легитимации государственной власти, но, очевидно, далеко не основного. Так или иначе данный политический подтекст полностью выпадает из интеллектуально-духовной конструкции «русской идеи» в XIX веке, где теория «Москва – Третий Рим» выступает лишь формулой ответственной преемственности за судьбу христианства. Смысл же мессианства состоит исключительно в сохранении христианской правды, которую ранее оберегала Византия. Как нравственный и государственно-правовой идеал, «русская идея» являлась вектором самосознания значительной части российского общества, в котором доминировали христианские ценности, идея их наиболее полного воплощения в жизни России. Известен умеренный государственно-правовой нигилизм учений славянофилов, который не позволяет предположить, что их идеи, помимо религиозного содержания и намерения сделать Россию не самым могущественным государством, а самым христианским обществом, могли содержать оправдание геополитической экспансии. Те, кто видит в идее «Москва – Третий Рим» признаки экспансионистских намерений, очевидно, исходят не столько из ее содержания, которое приобрело особые признаки в контексте культуры российского

общества второй половины XIX века, сколько из европейской теории Вечного Рима, имевшей идеологическое значение в поддержании имперской власти королей, которые претендовали на роль императоров Священной Римской империи. Действительно, идея Вечного Рима всегда содержала значительную долю геополитической экспансии в масштабах феодальной Западной Европы и не только. Но харак-

терна ли такая идея для учения «Москва – Третий Рим»? Очевидно, что нет. Идея мессианства, источником которой является и эта теория, никогда не предполагала насильственного навязывания каких-либо ценностей и стереотипов жизнедеятельности иным странам и народам, она означала лишь христианский подвиг России в сохранении истины православного вероучения.

Литература

1. Graig R.W. A Talk with Helmut Schmidt // *New York Times*. 1984. Sept. 16.
2. Ostrovsky D. Moscow – the Third Rome as Historical Ghost // *Byzantium: Faith and Power/Perspectives on Late Byzantine Art and Culture*. New York, 2007.
3. Филофей. Послание о злыхъ днехъ и часахъ; Послание к Великому князю Василию, в немъже о исправлении крестнаго знамени и о садомском блуде. Т. 9: Конец XV – первая половина XVI века // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб., 2000.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. Париж, 1971.
5. Чаадаев П.Я. Философические письма // *Сочинения*. М., 1989.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1956–1960. Т. 5.
7. Хомяков А.С. Политические письма 1848 года // *Вопросы философии*. 1991. № 3.

Bibliography

1. Graig R. W. A Talk with Helmut Schmidt // *New York Times*. 1984. Sept. 16.
2. Ostrovsky D. Moscow – the Third Rome as Historical Ghost // *Byzantium: Faith and Power/Perspectives on Late Byzantine Art and Culture*. New York, 2007.
3. Philophey. The message about evil days and ours; The message to Great Prince Vasily about correction of the Sign of the Cross and Sodomy fornication. Vol. 9: The end of the 15th – the first half of the 16th century // *Library of Literature of Ancient Russia* / ed. D.S. Likhacheva and others. St. Petersburg, 2000.
4. Berdyaev A.N. *Russian Idea*. Paris, 1971.
5. Chaadaev P.Ya. *Philosophic letters* // *Essays*. Moscow, 1989.
6. Kluchevsky V.O. *Coerce of Russian history*. Moscow, 1956–1960. Vol. 5.
7. Homyakov A.S. *Political letters of 1848 years* // *Items of Philosophy*. 1991. № 3.

Овчинникова Олеся Дмитриевна
Ovchinnikova Olesya Dmitrievna

доцент кафедры конституционного и международного права Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: olesya901@mail.ru

Associate Professor, Department of Constitutional and International Law, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Шаганян Анна Михайловна
Shaganyan Anneta Mikhailovna

доцент кафедры конституционного и международного права Барнаульского юридического института МВД России, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Алтайского института экономики Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: sha-anneta@mail.ru

Associate Professor, Department of Constitutional and International Law, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Altai Institute of Economics of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Law, Associate Professor.

**ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА
В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

The problem of law nihilism in the conditions of the Russian state

Статья посвящена такой разновидности деформации правового сознания, как правовой нигилизм. Рассматриваются истоки зарождения изучаемого феномена, отмечается, что правовой нигилизм является отличительной особенностью правового менталитета россиян. Обозначаются причины возникновения правового нигилизма в условиях Российского государства.

Ключевые слова: сознание, правовое сознание, деформация, деформация правового сознания, нигилизм, правовой нигилизм, менталитет, юридический менталитет.

The article is devoted to such a kind of deformation of legal consciousness as legal nihilism, the concept is considered from various points of view. The origins of the origin of the phenomenon under consideration are considered, it is noted that legal nihilism is a distinctive feature of the legal mentality of Russians. The reasons for the emergence of legal nihilism in the conditions of the Russian state are indicated.

Keywords: consciousness, legal consciousness, deformation, deformation of legal consciousness, nihilism, legal nihilism, mentality, legal mentality.

Одна из форм деформации правосознания выражается в возникновении нигилистических взглядов на государственно-правовые явления. Правовой нигилизм как неуважительное отношение к праву и законам не теряет актуальности с момента появления в Российском государстве юридических наук и соответствующих институтов. На различных этапах становления России к данному вопросу обращались многие государственные деятели, философы и др. В наши дни феномен правового нигилизма в полной мере не исследован, однако постоянное развитие общества и социальных отношений обуславливают тенденцию к увеличению

правового нигилизма в сознании российского народа.

Правовой нигилизм – это «сформировавшееся в общественном сознании или психике определенного человека устойчивое пренебрежительное или иное негативное отношение к праву, выражающееся в отрицании его социальной ценности...» [1]. В правовой науке отсутствуют радикальные противоречия по поводу определения понятия и сущности данного явления. Все ученые сходятся во мнении, что правовой нигилизм представляет собой отрицание формализации права, отделения его от норм морали и нравственных начал.

В сознании русского народа обозначенное правовое явление предположительно возникло в начале XVII века вследствие активной европеизации отечественной культуры и внедрения в правовую систему России западных юридических традиций. В противовес данному процессу русский народ стремился сохранить свою национально-культурную уникальность от влияния иностранных ценностей, вероятно, что и стало причиной формирования в сознании россиян негативного отношения к праву.

Деформация правового сознания в виде правового нигилизма, ставшая характерной особенностью правового менталитета россиян, однажды возникшей в сознании людей и закрепившейся в нем, передающейся из поколения в поколение, на современном этапе исторического развития Российского государства вновь начала активно проявляться. Причиной этому послужила «война законов» в виде политического противостояния российских и союзных органов власти в 1990–1991 годах, выразившегося в издании РСФСР нормативных правовых актов, противоречащих союзному законодательству, и ответных актов союзных властей, в противоборстве законодательной и исполнительной ветвей власти, затягивании и длительном воплощении в реальность реформ, дефективности функционирования механизма реализации принимаемых законов. Все эти правовые и политические потрясения в обществе, а также нестабильная обстановка в стране оказали значительное влияние на рост уровня пренебрежения правом в сознании российского народа, деформацию правового сознания.

Любая деформация правового сознания выступает серьезной проблемой для государства. Правовой нигилизм в большей степени несет опасность для государства и общества, поскольку содержит квинтэссенцию безразличия и даже отрицания действующей власти, системы права и ее предписаний. Правовой нигилизм также выражается в отсутствии веры в базовые правообразующие принципы права: равенство, справедливость и свободу. Он имеет тесную связь с кризисными положениями правового сознания, которые приводят к определенным социальным потрясениям в обществе. Так, в российской истории это выражалось в форме революционных преобразований начала XX века, политического кризиса 90-х годов прошлого столетия, а также других прояв-

лений народного недовольства, неудовлетворения действующим политическим режимом.

Противоборство и преодоление правового нигилизма всегда выступали одной из главных задач, стоящих перед Российским государством, но, как отмечает А.Е. Маховиков, ни революции, ни конституционные преобразования, ни модернизация законодательства, ни огромное количество реформ в области права не смогли решить данную проблему [2]. Ученый приходит к выводу, что причины появления и формирования в сознании русского человека правового нигилизма имеют в своей основе «не столько недостатки в системе сложившегося в обществе права, сколько специфику духовной традиции на уровне российской ментальности» [2]. Таким образом, можно сказать, что формирование правового нигилизма происходило под влиянием существовавших ранее в России правовых систем, а также западных юридических норм и традиций, но большее воздействие оказал специфический российский правовой менталитет.

Отчасти с данной позицией можно согласиться, поскольку одним из источников правового нигилизма является свойственный русскому народу самобытный правовой менталитет, точнее, определенные его черты, обнаруживающиеся в неуважительном и безразличном отношении к законам и праву, игнорировании предписываемых государством правил и, как следствие, высоком уровне правонарушений, который сегодня наблюдается в современной России. Следовательно, в нашей стране формирование правового нигилизма основано на исторических патриархальных традициях Российского государства (вера и надежда в сильного вождя, царя, императора), общинного устройства жизни, пассивности, соседствующей с нетерпимостью, откровенным пренебрежительным отношением к государственно-правовым явлениям. Перечисленные тенденции способствовали искажению правового сознания русского народа в виде правового нигилизма и одновременно формированию уникального российского правового менталитета.

В рамках анализа правового менталитета, свойственного русскому человеку, и его влияния на формирование правового нигилизма ученые в первую очередь акцентируют внимание на присущей ему специфической взаимосвязи норм права и норм морали или нравствен-

ности. Так, А.Е. Маховиков отмечает, что данные виды норм, регулирующих общественное поведение, следует рассматривать как самостоятельные явления, но в структуре отечественного менталитета они имеют неравное соотношение: в России доминирующая роль всегда отдавалась нравственным нормам [2]. Постоянное сравнение издаваемых государством правовых норм с устоявшимися и сформированными в процессе исторического развития традициями приводило к их отрицанию, если они не соответствовали моральным установкам русского общества. Такое соотношение двух регуляторов общественных отношений в сознании русского народа, по мнению ученых, может являться одной из причин формирования правового нигилизма.

Е.К. Матевосова считает одной из причин появления в отечественном менталитете такого элемента, как правовой нигилизм, экономическое расслоение общества. Значительное расхождение в уровне доходов и жизни населения способствует дифференциации общества на малочисленный круг богатых граждан и многочисленный круг бедных, стремящихся любыми путями обеспечить свое существование. Очень точно влияние материального состояния индивида на положительное или негативное отношение к праву отразил И.А. Ильин, который писал, что именно «частная собственность пробуждает и воспитывает в человеке правосознание...» [3]. Отсутствие материального обеспечения, положение на уровне бедности являются причиной совершения людьми различных правонарушений, которые, с одной стороны, представляют собой вынужденную меру для получения возможности жить дальше, а с другой – приводят к формированию в правосознании устойчивого нигилистического отношения к правовой системе и законодательству. И такое положение наблюдается в Российском государстве не только на современном этапе его развития, но и на протяжении всей истории, когда в стране не создавались должные условия для нормального существования всех слоев населения, что и приводило к формированию юридического менталитета с пренебрежительным отношением к законам, появлению в нем правового нигилизма.

В контексте исследования проблемы правового нигилизма в правосознании русского народа следует обратиться к законодательной

деятельности представительных органов Российской Федерации. Согласно статистике, представленной на официальном сайте Государственной Думы РФ, в 2020 году внесено на рассмотрение 1 110 законопроектов, из них 552 подписаны Президентом РФ и введены в действие [4]. Это говорит о том, что в России издается огромное количество нормативных правовых актов, но при этом нигилистическое отношение к праву в сознании россиян остается на прежнем уровне, активное законодательство сопровождается повсеместным незнанием издаваемых законов и их несоблюдением. Такая ситуация должна стать для государственных органов власти сигналом к формированию умеренного законодательства и улучшению качества издаваемых законов при условии учета особенностей юридического менталитета и правового сознания российского народа, поскольку игнорирование общественных интересов и юридических традиций является одной из проблем отечественного законодательства на протяжении всего его исторического развития. Безразличие и равнодушие к правовым устоям русского общества со стороны государства стали одной из причин формирования правового нигилизма в сознании россиян и дальнейшего его развития сегодня.

Однако в современной юридической науке существует абсолютно противоположное мнение о свойственности российскому правосознанию неуважительного отношения к праву. Такой позиции, в частности, придерживается П.П. Марченя, который говорит о том, что приписываемое россиянам нигилистическое отношение к законам является мифом. Ученый пишет, что «этот миф замешан на откровенно пренебрежительном отношении к самобытности отличных от Запада цивилизаций и своеобразию их культурных (в том числе правовых) ценностей...» [5]. Мнение о свойственности правового нигилизма русскому народу основывается на другом мифе о существовании наиболее правильного, эталонного правосознания, сформировавшееся и получившее свое распространение в результате развития западной правовой системы и соответствующих ей юридических идеалов и ценностей, которые выдаются как общечеловеческие, свойственные всем народам мира, а отступающие от них правовые системы признаются отсталыми, имеющими дефекты и «нуждающимися в воспитании и перевоспитании» [5].

Каждый народ, который имеет государственно-организованную структуру, обладает собственным правосознанием и юридическим менталитетом, сформировавшимся на протяжении исторического развития именно этого народа и отличающимся от правового мышления других этнических общностей людей. Взаимная оценка различных правовых культур способна привести к непризнанию другу друга, к отрицанию уникальности и законного основания на существование одним правом пониманием другого, осознанию нереализованности и непринятия своего собственного понимания права другими народами.

Таким образом, отождествлять правовой нигилизм и отечественное правосознание недопустимо, поскольку русский народ не имеет пренебрежительного отношения к нормам, которые сформировались в структуре российского общества и регулировали отношения внутри него на протяжении всего существования нашего государства. Такие регуляторы всегда уважались и соблюдались россиянами. В свою очередь, в отечественном правосознании мож-

но обнаружить безразличное или негативное отношение к западным юридическим нормам, поскольку, как отмечает П.П. Марченя, они не в полной мере соответствуют нравственным установкам российского общества и тем самым противоречат исторически сформированному отечественному юридическому менталитету.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что однозначно утверждать о свойственности отечественному правосознанию такой характеристики, как правовой нигилизм, нельзя. С одной стороны, в российском обществе наблюдается неприязнь и безразличное отношение к праву, массовое незнание законов, которое выражается в значительно высоком уровне его нарушения, но, с другой стороны, русскому правосознанию всегда был свойственен высокий уровень нравственности, поэтому внедряемые в отечественную правовую систему мировые эталоны правового поведения не всегда соответствовали присущим российскому юридическому менталитету особенностям, вследствие чего не принимались и имели неуважительное к себе отношение со стороны россиян.

Литература

1. Гойман-Калинский И.В., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права. М., 2006.
2. Маховиков А.Е. О правовом нигилизме в российском правосознании: философско-правовой аспект // Ценности и смыслы. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovom-nigilizme-v-rossiyskom-pravosoznanii-filosofsko-pravovoy-aspekt/viewer> (дата обращения: 17.03.2022).
3. Матевосова Е.К. Правовой нигилизм в России и его причины // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-nigilizm-v-rossii-i-ego-prichiny/viewer> (дата обращения: 18.03.2022).
4. Статистика законодательного процесса за 2020 год: Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosduma.net/legislative/statistics/?type=year&c=7&v=2020> (дата обращения: 18.03.2022).
5. Марченя П.П. Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. 2006. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/March_paradoksy.pdf (дата обращения: 19.03.2022).

Bibliography

1. Goyman-Kalinskiy I.V., Chervonyuk V.I. Elementary principles of the general theory of law. Moscow, 2006.
2. Makhovikov A.E. On legal nihilism in Russian legal consciousness: philosophical and legal aspect // Values and meanings. 2015. № 2 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovom-nigilizme-v-rossiyskom-pravosoznanii-filosofsko-pravovoy-aspekt/viewer> (date of access: 03.17.2022).
3. Matevosova E.K. Legal nihilism in Russia and its causes // Actual problems of Russian law. 2011. № 3 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-nigilizm-v-rossii-i-ego-prichiny/viewer> (date of access: 03.18.2022).
4. Statistics of the legislative process for 2020: State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://www.gosduma.net/legislative/statistics/?type=year&c=7&v=2020> (date of access: 03.18.2022).
5. Marchenya P.P. Paradoxes of the mythology of «legal nihilism» in Russia // Law and Law. 2006. № 2 [Electronic resource]. URL: https://www.civis-book.ru/files/File/March_paradoksy.pdf (date of access: 03.19.2022).

Ткачева Наталья Викторовна
Tkacheva Natalia Viktorovna

заведующий кафедрой судебной и правоохранительной деятельности Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: tkachevanv@susu.ru

Head of the Department of Judicial and Law Enforcement, South Ural State University, PhD in Law, Associate Professor.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Specifics of criminal procedural legal relations: philosophical and legal aspect

В статье исследуется философский аспект понятий «отношения», «правоотношения», «уголовно-процессуальные правоотношения». Автор рассматривает исключительные отличия уголовно-процессуальных отношений от правоотношений в целом. Дается обзор источников философии права, теории права, уголовно-процессуального права, которые освещают точки зрения ученых на исследуемые понятия. Определяются отличительные признаки содержания уголовно-процессуального правоотношения, его состав и структура, акцентируется внимание на специфическом методе правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений, детерминировании их уголовно-правовыми правоотношениями, а также их ярко выраженном властном характере.

Ключевые слова: правоотношение, уголовно-процессуальное правоотношение, содержание правоотношения, публичность, властеотношения.

The article explores the philosophical aspect of the concepts of «relations», «legal relations», «criminal procedural legal relations». The author considers the exceptional differences between criminal procedural relations and legal relations in general. An overview of the sources of the philosophy of law, theory of law, criminal procedure law is given, which illuminate the points of view of scientists on the concepts under study. The distinctive features of the content of the criminal procedural legal relationship, its composition and structure are determined, attention is focused on the specific method of legal regulation of criminal legal relations, their determination by criminal legal relations, as well as their pronounced imperious nature.

Keywords: legal relationship, criminal procedural legal relationship, content of legal relationship, publicity, power relations.

Изучение вещей, их свойств и отношений между ними как философских категорий – это закономерный процесс, т. к. в любой науке требуется установить сущность исследуемого понятия. Вещь и ее свойство можно видеть, слышать, осязать, а отношение не подвластно чувственному восприятию. Рассматривая точки зрения ученых на проблему отношений, приходим к выводу, что существует многообразие мнений по этому вопросу. Так, под отношениями понимается: взаимоположение обособленных предметов, явлений, которое возникает в силу их общих качеств, таких как природа и свойства [1, с. 37]; поведение членов общества, соотносящееся по своему смыслу с поведением других людей, складывающееся в общественное отношение, выражающееся в различных формах коммуникации – взаимозависимости, взаимосвязи, взаимодействии [2, с. 752–753];

общественные отношения, берущие начало из действий людей, как и действия человека в обществе исходят из тех общественных отношений, в которые он вступает для достижения определенных благ [3, с. 51].

Рассмотрим отличительные признаки и взаимосвязь понятий «отношение», «общественное отношение», «правоотношение», «процессуальное правоотношение», «уголовно-процессуальное правоотношение».

Качественный признак явления всегда лежит в основе разграничения одного от другого. В юридической науке правоотношению, отличие от отношения, придаются такие свойства, как единство правовой связи с явлениями, которые предполагаются в качестве его элементов [1, с. 42], объективно существующая связь, применительно к человеческой деятельности выражающаяся в разных поступках

[4, с. 37], возможность воздействия на поведение человека [5, с. 37].

В разные периоды развития науки правоотношения играли роль субъективного права, бытового отношения, связи между двумя лицами (дореволюционный период) [6, с. 37; 7, с. 143–164]. Правоотношение связано с реализацией норм права, поскольку они должны выполнять свою социальную функцию по регулированию отношений (постреволюционный период). Правоотношение рассматривается как общественное отношение, урегулированное нормой права (советский период). В итоге сложились две концепции. Ученые, придерживающиеся материального подхода к понятию «правоотношения» [8, с. 45; 9, с. 380], рассматривают их как социальную связь между субъектами, фактическое общественное отношение, урегулированное правом. Для сторонников формального подхода правоотношение – это не само общественное отношение, а его юридическая форма [10, с. 89–98]. Еще один подход основан на когнитивной интерпретации отношений. Он делит правоотношения на актуальные (реальные), связанные с реальным поведением участников, и когнитивные (виртуальные), правовая коммуникация в которых заканчивается на информационной стадии [2, с. 754–755].

Содержание, структура, состав явлений помогают выявить их отличия. Ученые проявляли особый интерес к исследованию строения правоотношения, подчеркивая его сложность, системность, структурированность. Так, С.С. Алексеев отмечает, что правоотношение, будучи сложным образованием, имеет внутреннее строение, а под составом правоотношения следует понимать ряд элементов: объект, права и обязанности субъектов и их поведение [11, с. 98–100]. Р.О. Халфина выделяет элементы структуры правоотношения, к которым относит взаимосвязь субъективных прав и обязанностей, его участников и реальное их поведение в соответствии с этими правами и обязанностями, т. е. добавляет еще и участников, однако объект правоотношения она оставляет за пределами состава. В.Н. Протасов отмечает, что правоотношение системно по своей природе, т. к. его нормативная модель создается как конструкция, призванная решать определенные социальные задачи и достигать конкретных целей [1, с. 48].

Представляется, что концепция придания правоотношениям системности является наиболее приемлемой. Элементы состава правоотношения, находясь во взаимосвязи, создают своей созависимостью систему. Правоотношение не существует абстрагированно от тех конкретных действий, совершаемых участниками, поведение которых и будет выступать элементом состава правоотношения как элемент состава правоотношения. Поведение же, в свою очередь, очерчивается правами и обязанностями, которые придают ему форму. Относительно закрепленных в правовой норме прав и обязанностей оно оценивается отдельными индивидами, обществом или государством как правомерное (желательное) либо неправомерное (нежелательное). Закон выступает силой, которая, наделяя участников правами и обязанностями, заставляет работать структуру, формируя нужное поведение.

Все находится в отношениях, но не все состоит в связях, поэтому правильнее считать, что субъект права находится с другими субъектами не в связях, а в правовой зависимости от их деятельности. С общефилософской точки зрения связь принципиально отличается от отношения тем, что приводит к изменению одной вещи вследствие воздействия на нее другой [12, с. 50–51]. Таким образом, представляется, что в правовом смысле нам важно не отношение, которое есть само по себе, и даже не связь, которая тоже существует, т. к. есть социум, нам важны действия, реальное поведение участников, которые с помощью прав и обязанностей способны на их реализацию.

Ряд ученых рассматривают объект в качестве элемента правоотношения как сложного системного явления. Полагаем, что объект не может быть элементом правоотношения как явления, он всегда вовне. Например, объект преступления не зависит от того, есть субъект, посягающий на него, или нет, объект, охраняемый нормами права, определен государством законодательно.

В научной литературе на этот счет сформировались две позиции. Согласно первой объект, наряду с субъектом, содержанием и юридическими фактами, является элементом структуры правоотношения [13, с. 65]. Вторая позиция заключается в том, что объект противостоит воздействию на него явления и таким образом находится вне него, следовательно, объект не может быть элементом явления.

Полагаем, что состав правоотношения представляет собой набор элементов, а его структура – это способ зависимости элементов целого, которая придает им упорядоченность. При этом содержание правоотношения включает в себя элементный состав: участники правоотношения, обладающие качеством правосубъектности; действия участников, демонстрирующие их реальное поведение (содержание правоотношения); права и обязанности участников, закрепленные нормой права (форма правоотношения). Структура правоотношения – это зависимость между его элементным составом, которая выражается следующим образом: действия, т. е. реальное поведение участников правоотношений, совершаются в рамках их прав и обязанностей.

Процессуальные правоотношения имеют особенности в составе и структуре, поэтому их выделение из общего понятия «правоотношения» является закономерным процессом. Представляется, что в процессуальных правоотношениях права и обязанности участников обусловлены реализуемой функцией, обеспечение которой заставляет их совершать действия, демонстрируя реальное поведение. Это и является одним из отличительных признаков процессуальных отношений, наряду с признаком, в соответствии с которым их можно считать «чисто» правовыми, т. е. регулируемые только правовыми нормами, поэтому их можно назвать регулятором «чисто» правовой деятельности.

Данная полемика нам кажется достаточно интересной. Так, Ю.Г. Ткаченко утверждает, что в процессе правового регулирования в социальной структуре никакого правового «слоя» не создается, а правовых отношений как особой разновидности общественных отношений не существует, т. к. «чисто» правовая деятельность отсутствует [14, с. 92–93]. Возражая ей, В.Н. Протасов отмечает, что «чисто» правовая деятельность и «чисто» правовые отношения существуют, и приводит в качестве примера процессуальную деятельность и процессуально-правовые отношения [1, с. 59].

Анализ источников теории права и процессуальных правоотношений позволяет говорить о существовании нескольких подходов к пониманию процессуального правоотношения. Оно представляет собой набор прав и обязанностей участников, которые они используют в

своей деятельности, тем самым формируя собственное поведение: правоотношение складывается из реального взаимодействия в сфере права, из фактического поведения его субъектов; трактуется как возможность реализации ряда компетенций, формирующихся из правомочий и обязанностей, как права и юридические обязанности, закрепленные нормами права, как взаимодействие в виде юридически предусмотренной и значимой деятельности в форме, предписанной нормой права; является специфической социальной связью, при которой есть права и обязанности, а также полномочия и ответственность [15, с. 97]. Важно подчеркнуть, что правоотношения в основе имеют связь, т. е. участники органически скреплены между собой, нуждаются друг в друге, их права и обязанности или полномочия и ответственность либо компетенции коррелируют друг с другом. Такая связь между субъектами процессуального правоотношения выражается в обоюдной заинтересованности, односторонней зависимости, во взаимном отчуждении либо в вариациях этих связей. Однако существует мнение, что правоотношение и правовая связь отличаются тем, что отношения, участником которых человек является в силу определенных событий, становятся правовыми связями, а отношения, в которых человек участвует в силу своих поступков, можно назвать правоотношениями. В основу данного разграничения положена воля лица, присутствующая в правоотношении, в которое вступает субъект в силу своих поступков, и отсутствующая в правовой связи, которая возникает независимо от его воли под воздействием различных внешних факторов (выступающих в качестве юридических фактов событий) [16, с. 13–14]. Право как продукт сознания функционирует в реальной действительности для всех и каждого, вне зависимости от чьего бы то ни было понимания окружающей действительности, определяя направление, характер, цели человеческой деятельности [17, с. 17–21]. Право не может быть статичной совокупностью юридических норм, т. к. только общезначимый, общеобязательный и правообязывающий правовой текст вызывает в сознании социального субъекта определенную поведенческую реакцию и генерирует норму права. Это связано с тем, что правовая коммуникация происходит, когда члены общества пользуются социально признанными правами

и исполняют корреспондируемые ими обязанности. Объективный характер права в правоотношениях очевиден, поскольку оно, устанавливая права и обязанности, компетенции и ответственность, определяет правила поведения, давая четкие указания, как следует действовать в той или иной ситуации в рамках предписываемой функции, чтобы осуществить задуманные государством действия в рамках формы (например, состязательной формы уголовного судопроизводства).

Представляется, что правовая связь – это качественное свойство правоотношения, выражающееся в заинтересованности или зависимости, или отчуждении либо вариациях этих выражений, как упоминалось выше, а событие и поступок выступают основанием для возникновения правоотношений.

Человек вовлекает воображение, ум, чувствительность, чтобы, располагая в правоотношении других участников, занять в нем свое место. Качество правоотношения не что иное, как чувства, размышления и поступки, которые совершают люди сообразно своему психическому строению и мотивам, поскольку человеку свойственно отзываться на внешние обстоятельства, в том числе и законодательство, авторитетные обращения, поведение окружающих [18, с. 21]. Так, психическая деятельность человека выступает двигателем создания правоотношений, при которой он складывает образ как физически существующих участников правоотношений, так и условных, таких как государство, самым определяя свое место среди них, и совершает действия.

Многранность структуры правоотношения можно исследовать с точки зрения организации и качественных характеристик общества, т. е. рассмотреть, выявить и уяснить, установить особенности, специфику и взаимосвязи внутри и вне отдельных видов и разновидностей отношений в обществе. Чем больше и разнообразнее критерии, тем более разноплановые группировки общественных отношений можно выявить [19, с. 5].

Ученые предлагают понимать под содержанием процессуального правоотношения связь участников этих правоотношений, которая воплощается в субъективных правах и юридических обязанностях, полномочиях, ответственности и фактическом поведении, им соответствующем. Некоторые авторы [20, с. 148] делают

акцент на корреляции элементов содержания процессуального правоотношения и указывают на его полиаспектный характер. Так, действия (бездействие), именуемые фактическим поведением, вытекающие из нормы объективного права, называют материальным содержанием правоотношения, которое обязательно коррелирует с юридическим содержанием, т. е. правами и обязанностями. Материальный, волевой и юридический аспекты включают в содержание правоотношения некоторые авторы [21, с. 390–392], отмечая, что общественное отношение, которое закрепляется правоотношением, – это материальный аспект, который, в свою очередь, предопределяется его волевым содержанием, закрепленным при помощи юридического аспекта, конкретизируемого в субъективных правах и обязанностях его участников. Выходя за пределы права, трактуя правоотношение как единство материального содержания и правовой формы, можно исследовать соотношение реального поведения участников с их правами и обязанностями. Важным представляется понимание того, как на самом деле ведут себя участники правоотношений, зная законодательно закрепленный набор прав и обязанностей, т. к. понимание правоотношения в виде правовой формы – это просто перечень того, что должен делать участник, т. е. каким должно быть его поведение.

Ученые, анализируя процессуальные правоотношения, указывают на их отличия по различным критериям. Есть мнение, что каждое процессуальное правоотношение отличается собственным материальным и юридическим содержанием ввиду того, что при воздействии различных факторов правоотношения приобретают специфические черты, а также ввиду неодинакового набора прав и обязанностей у участников правоотношений [20, с. 149]. Состав участников процессуальных отношений и функции, которые они призваны выполнять, отличают их друг от друга. Так, участники процессуального правоотношения как участники властеотношений имеют характерные только для них права и обязанности, обусловленные выполняемыми функциями.

Еще одна из особенностей уголовно-процессуальных правоотношений – это своеобразный метод правового регулирования, детерминированный предметом правового регулирования, который связан с единой целью участников

уголовно-процессуальных отношений – установлением истины, общим объектом множества отношений в ходе производства по уголовному делу, а также с наличием публично-правового начала в их содержании и объекте [19, с. 8].

Исследования предмета правового регулирования уголовно-процессуального права многочисленны. В.П. Божьев, обобщая их, сделал вывод о том, что мнения ученых разделились: уголовно-процессуальные правоотношения, предметом которых является определенная область общественных отношений, регулируют общественные отношения, деятельность (действия) и отношения [19, с. 23]. Автор придерживается позиции ограничения предмета правового регулирования уголовно-процессуального права только правоотношениями, т. е. деятельность в уголовном процессе обусловлена пределами прав и обязанностей соответствующих участников уголовного процесса, установленных Уголовно-процессуальным кодексом РФ, не исключая, однако, того факта, что правоотношение и действие связаны между собой не только как форма и содержание, но и как целое и часть, при этом действие является ядром [19, с. 27].

Следует обратить внимание на то, что уголовно-процессуальные правоотношения детерминированы уголовно-правовыми, которые, будучи порожденными таким юридическим фактом, как совершение преступления, возникают независимо от сознания участников, обладающих властными полномочиями (следователя, суда и др.). Уголовное правоотношение, имея свое содержание, рамки, объект, в том числе возникают из юридического факта, наряду с необходимостью наличия признаков преступления, которые сформулированы в Особенной части уголовного закона.

Ряд особенностей уголовно-процессуальных правоотношений отмечен в науке уголовно-процессуального права. Так, П.С. Элькин к ним относит органическую связь уголовно-процессуальных отношений с уголовно-правовыми правоотношениями, особый круг участников, специфику их прав и обязанностей, а возникновение, развитие, изменение и прекращение правоотношений она связывает с уголовно-процессуальной деятельностью [22, с. 7]. Б.А. Галкин отмечает такие особенности уголовно-процессуальных правоотношений,

как наличие органа власти, более двух участников, реализацию норм материального права наряду с процессуальным [23, с. 73–78]. В.П. Божьев характеризует особенности уголовно-процессуальных правоотношений, подчеркивая их системность, множественность и многосубъектность, существование их в правовой форме, применение в них норм материального права наряду с процессуальными, наличие общего объекта во всех процессуальных отношениях в совокупности и специального объекта для каждого индивидуального правоотношения [19, с. 89–90].

В качестве основания возникновения уголовного правоотношения ученые называют правовой (юридический) факт [19, с. 105; 2, с. 782], хотя есть принципиальные возражения на этот счет, т. е. материально-правовая природы юридических фактов не позволяет им служить правопорождающим средством для возникновения, изменения и прекращения уголовно-процессуальных отношений. Существует мнение, что момент привлечения лица в качестве обвиняемого является основанием возникновения уголовного правоотношения. Интересными представляются мнения ученых, которые полагают, что появление уголовного правоотношения связано с деятельностью суда первой инстанции, т. е. уголовно-правовое правоотношение возникает в момент вступления приговора в законную силу [24, с. 44] или на основе приговора [17, с. 485]. Думается, что юридический факт, имеющий огромное разнообразие видов, описанных в теории права, являясь правопорождающим средством правоотношения, может охватить все случаи возникновения правоотношения. Так, юридические факты классифицируют по следующим основаниям: жизненные обстоятельства, которые не зависят от воли и сознания человека, – события (абсолютные события, не связанные с действиями человека); жизненные обстоятельства, происходящие по воле человека, – действия (правомерные: коммуникационные и некоммуникационные, неправомерные: проступки и преступления); правовые состояния; правообразующие, правопрекращающие, правоизменяющие; положительные и отрицательные; правовые презумпции и фикции [2, с. 784–787].

Еще одна характерная особенность уголовно-процессуальных правоотношений – это

ярко выраженный властный характер. Без властного начала в уголовно-процессуальных правоотношениях невозможно достижение стоящих перед уголовным процессом задач, поэтому в силу публично-правового начала и специфики каждого уголовно-процессуального правоотношения обязательным является наличие в уголовно-процессуальном правоотношении представителя государственной власти [19, с. 153]. Публично-правовое начало, когда органы государственной власти принимают социально значимое решение на основе установленной в полном объеме картины прошлого и баланса интересов, выявления и защиты законных интересов всех участников уголовного процесса, как считает, например, А.С. Барабаш, должно быть присуще российскому уголовному процессу в силу формирования русского этноса [25, с. 78–93]. Представляется, что в рассуждениях о моменте возникновения уголовно-процессуальных правоотношений следует основываться на таком значимом признаке уголовно-процессуальных правоотношений, как их публичное начало, а точнее его существенное преобладание. Являясь детерминированными уголовно-правовыми правоотношениями, как было выяснено ранее, возникновение уголовно-процессуальных отношений связано с желательным и нежелательным поведением человека относительно установленных государством запретов в уголовном законе. Придерживаемся мнения, что реализация норм уголовного права происходит и тогда, когда человек соблюдает и исполняет запреты, что является его желательным поведением для государства, и тогда, когда есть признаки преступления, т. е. человек нарушил запрет, законодательно установленный. Момент, в который желательное поведение человека перерастает в нежелательное, можно считать моментом возникновения уголовного правоотношения. Установив грань, когда считать поведение человека желательным, а когда нежелательным, государство оставляет за собой право привлечения к уголовной ответственности, а у лица, которое повело себя нежелательно для государства остается обязанность нести ответственность за свое поведение. Такое проявление публичности в уголовно-процессуальных правоотношениях не зависит от качества деятельности их участников, обладающих властными полномочиями, от желания или

нежелания лица нести ответственность за содеянное, более того, от воли лица, которое стало жертвой и впоследствии участником уголовно-процессуальных правоотношений путем признания его потерпевшим. Именно поэтому институт примирения в уголовном судопроизводстве является неприемлемым в том качестве, в котором он существует в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

История России богата на интересные примирительные процедуры, такие, например, как совестные суды, которые рассматривали уголовные дела, требующие снисхождения к преступнику в силу смягчающих обстоятельств, а в гражданских делах играли роль третейских судов. Вообще примирительный механизм урегулирования конфликтов – это врожденная, эволюционно развитая функция человека, в которую вносятся новые этносоциальные и культурные компоненты. Исторически в XVI веке примирение было нормативно установлено в виде процедур, непосредственно предшествующих судебному разбирательству, являющихся его составной частью, а впоследствии примирение проводилось либо одновременно с непосредственными судебными действиями или заменяло их, либо осуществлялось после вынесения решения судом. В 1775 году указом Екатерины Великой примирение получило законодательное оформление. Примирительные процедуры широко обсуждаются в современной научной литературе. Авторы, ссылаясь на достаточно распространенный характер примирительных процедур в таких странах, как Англия, Германия, Канада, США, Финляндия, Франция, отмечают необходимость развития альтернативных методов разрешения споров, называя право на примирение сторон уголовного судопроизводства составной частью прав человека, а само примирение сторон – соглашением о разрешении уголовно-правового конфликта (спора) частного характера, отмечая, что ст. 25 УПК РФ носит процедурный характер и регулирует порядок примирения сторон конфликта. Согласимся с мнением Л.П. Масленниковой, которая указывает, что соотношение публичного и диспозитивного начал в уголовном судопроизводстве выражается через интересы, охраняемые и защищаемые в сфере уголовного судопроизводства. При этом главный уголовно-процессуальный

интерес, выраженный через назначение уголовного судопроизводства в ст. 6 УПК РФ, предопределяет в целом субстанцию публичного начала и его соотношения с диспозитивным началом, поскольку последнее обусловлено закономерностями взаимоотношений государственной власти и личности в обществе и социальным назначением уголовного судопроизводства [26].

Государственно-властный признак отличает уголовно-процессуальные отношения от иных процессуальных правоотношений в сфере правового регулирования. Проявлением принципа публичности В.П. Божьев считает властное начало при применении норм уголовно-процессуального права, не соглашаясь с теми учеными, которые не исключают возможность ссылаться на данные нормы и при отсутствии властного начала [19, с. 12, 49]. При этом отсутствует спор по поводу того, что государственный орган обязан совершить установленные законом действия, тем самым реализовывая свою функцию, если имеет место юридический факт, который является основанием для возникновения уголовно-процессуальных отношений. Именно поэтому уголовно-процессуальные отношения именуют властеотношениями. Однако признак властеотношения не означает, что только с одной стороны может выступать государственный орган или должностное лицо. Возможны проявления уголовно-процессуальных отношений, когда оба субъекта государственные органы или должностные лица либо, когда одна сторона обладает властным признаком, а другая – нет. В то же время признак властеотношения свидетельствует о том, что участники, не являющиеся должностными лицами или государственными органами, не могут формировать между собой уголовно-процессуальные правоотношения при условии невключенности в них участника, имеющего полномочия власти, возложенные на него государством. Участники уголовно-процессуальных правоотношений, не являющиеся должностными лицами или государственными органами, не обладающие признаком наличия власти, свою деятельность связывают исключительно с реализацией своих процессуальных прав и обязанностей. Так, все участники уголовно-процессуальных правоотношений обязаны свои действия соотносить с нормами уголовно-процессуального

права. Форма его реализации внешне выражена всегда в обращении к участникам уголовно-процессуальных правоотношений и показывает, что руководящая роль в уголовно-процессуальных правоотношениях отведена властному лицу. Этим подчеркивается направляющая роль государственных органов в расследовании или судебном рассмотрении уголовного дела. Указанные субъекты соблюдают правила, используют права, исполняют обязанности, соотнося свои реальные поступки с нормами права. Таким образом, чтобы сложилось правоотношение между участниками уголовного процесса, не являющимися государственными органами или должностными лицами, между ними должен появиться третий участник, который может сформировать властеотношения, т. к. он обладает специальными полномочиями, возложенными на него государством.

Участники уголовно-процессуальных отношений все права и обязанности, которыми их наделяет закон, реализуют в рамках тех функций, которые за ними закреплены в соответствии с уголовно-процессуальной формой. Таким образом, в состав уголовно-процессуального правоотношения входят участники уголовно-процессуального правоотношения, их права и обязанности, действия. Однако отличительной чертой уголовно-процессуальных отношений является наличие у участников уголовно-процессуальной функции, которая возложена формой уголовного судопроизводства. Этот феномен подчеркивается специфической структурой уголовно-процессуальных правоотношений, которая заключается в том, что действия, т. е. реальное поведение участников уголовно-процессуальных правоотношений, осуществляется в рамках прав и обязанностей участников, которые, в свою очередь, обусловлены возложенной на них уголовно-процессуальной функцией. Однако необходимость реализовывать возложенную нормами уголовно-процессуального права функцию в рамках формы уголовного процесса снова приводит к действиям, т. е. к реальному поведению в рамках имеющихся прав и обязанностей. Таким образом, налицо системность внутреннего наполнения уголовно-процессуальных правоотношения, поскольку есть элементы, они зависимы друг от друга, что заставляет структуру работать.

1. Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1984.
2. Поляков А.В. Общая теория права: Проблема интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб., 2004.
3. Соковнин В.М. Проблемы нормативно-го общения // *Философские науки*. 1975. № 2.
4. Асланян Н.П., Григорьева М.А. Несколько замечаний к дискуссии о понятии правоотношения // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2015. Т. 25. № 6.
5. Мицкевич А. В. Правоотношения в социалистическом обществе С.Ф. Кечекьян: рецензия // *Правоведение*. 1960. № 2.
6. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003.
7. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917.
8. Гревцов Ю.И. Правоотношение – разновидность общественного отношения / Ю.И. Гревцов // *Правоведение*. 1975. № 2.
9. Гримм Д. Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями / Д. Гримм // *Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича*. М., 2005.
10. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. М., 1955.
11. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961.
12. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.
13. Менглиев Ш. Восстановительные правоотношения в советском гражданском праве. Душанбе, 1986.
14. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношения. М., 1950.
15. Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1983.
16. Бекбаев Е.З. Проблема начала в теоретическом познании правовой системы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
17. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960.
18. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003.
19. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975.

1. Protasov V.N. Legal relationship as a system. Moscow, 1984.
2. Polyakov A.V. General theory of law: The problem of interpretation in the context of a communicative approach: A course of lectures. St. Petersburg, 2004.
3. Sokovnin V.M. Problems of normative communication // *Philosophical sciences*. 1975. № 2.
4. Aslanyan N.P., Grigorieva M.A. A few remarks on the discussion of the concept of legal relationship // *Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics*. 2015. Vol. 25. № 6.
5. Mickiewicz A.V. Rec. in the book: Legal relations in socialist society S.F. Kechekyan // *Pravovedenie*. 1960. № 2.
6. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. St. Petersburg, 2003.
7. Taranovsky F.V. Textbook of the Encyclopedia of Law. Yuryev, 1917.
8. Grevtsov Yu. I. Legal relationship - a kind of social relationship / Yu.I. Grevtsov // *Jurisprudence*. 1975. № 2.
9. Grimm D. Correlation between legal institutions and concrete relations / D. Grimm // *Collection of articles on civil and commercial law. In memory of Professor Gabriel Feliksovich Shershenevich*. Moscow, 2005.
10. Alexandrov N. G. Legality and legal relations in Soviet society / N.G. Alexandrov. Moscow, 1955. 108 p.
11. Alekseev S.S. General theoretical problems of the system of Soviet law. Moscow, 1961.
12. Uemov A.I. Things, properties and relations. Moscow, 1963.
13. Mengliev Sh. Restorative legal relations in Soviet civil law. Dushanbe, 1986.
14. Tkachenko Yu.G. Methodological issues of the theory of legal relations. Moscow, 1950.
15. Theory of legal process / Under the general editorship of V.M. Gorshenev. Kharkiv, 1983.
16. Bekbaev E.Z. The problem of the beginning in the theoretical knowledge of the legal system: author. abstract ... Doctor of Law. Moscow, 2016.
17. Nedbaylo P.E. Application of Soviet legal norms. Moscow, 1960.
18. Aranovsky K.V. Constitutional tradition in the Russian environment. St. Petersburg, 2003.
19. Bozhev V.P. Criminal procedural legal relations. Moscow, 1975.

-
-
20. Проценко Е.Д., Макагон Б.В. Содержание процессуально-ограничительных правоотношений // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. № 9(152). Вып. 24.
21. Общая теория советского права / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самошенко. М., 1966.
22. Элькинд П.С. Сущность советского уголовного процесса. Л., 1963.
23. Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962.
24. Загородников Н.И. О пределах уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. № 7.
25. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005.
26. Масленникова Л.Н. Факторы, определяющие развитие уголовного судопроизводства в России. URL: <http://www.iuaj.net/node/441> (дата обращения 26.02.2022).
20. Protsenko E.D., Makagon B.V. The content of procedural and restrictive legal relations // Scientific Vedomosti. Philosophy series. Sociology. Right. 2013. № 9(152). Issue 24.
21. General theory of Soviet law / Edited by S.N. Bratus and I.S. Samoshchenko. Moscow, 1966.
22. Elkind P.S. The essence of the Soviet criminal process. L., 1963.
23. Galkin B.A. Soviet Criminal procedure law. Moscow, 1962.
24. Zagorodnikov N.I. On the limits of criminal liability // The Soviet state and law. 1967. № 7.
25. Barabash A.S. The nature of the Russian criminal process, the goals of criminal procedural activity and their establishment. St. Petersburg, 2005.
26. Maslennikova L.N. Factors determining the development of criminal proceedings in Russia. URL: <http://www.iuaj.net/node/441> (date of access: 26.02.2022).

Комаров Игорь Михайлович
Komarov Igor Mikhailovich

заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

Head of the Department of Criminalistics, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor.

МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ЕГО МЕСТО В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Method of scientific knowledge and its place in forensic methodology

В статье рассматриваются актуальные для научных и научно-практических исследований вопросы, связанные с методологией, которые используют субъекты познавательной деятельности в своих криминалистических исследованиях. Раскрывая содержание понятия «метод», автор показывает его связь с элементами системы криминалистической методологии – технико-криминалистическими и тактико-криминалистическими методами, а также их значение при использовании в соответствующих исследованиях с целью получения искомых результатов. В заключение делается вывод о том, что в основе криминалистической методологии лежит научный метод познания, дается его теоретическое определение.

Ключевые слова: метод, метод познания, методология, криминалистическая методология.

The article deals with issues relevant to scientific and scientific-practical research related to the methodology used by the subjects of cognitive activity in their forensic research. Revealing the content of the concept of «method» in the article, its connection with the elements of the system of forensic methodology – technical-forensic and tactical-forensic methods, as well as their significance for use in relevant studies in order to obtain the desired results is traced. In conclusion, the article concludes that the basis of the forensic methodology is the scientific method of cognition, its theoretical definition is given.

Keywords: method, method of cognition, methodology, forensic methodology.

Ознакомление с научными и научно-практическими криминалистическими работами последних лет свидетельствует о том, что субъекты исследований в них не всегда правильно определяют их методологию и адекватно исследовательской ситуации используют известные науке методы.

Это обстоятельство стало причиной подготовки нами ряда публикаций, отражающих характер уже сложившейся, однако во многом забытой проблематики, связанной с использованием методов в научных и научно-практических исследованиях.

Правильное использование методологии как в криминалистических, так и в любых других исследованиях, является залогом успеха достоверности искомого результата – выводов и рекомендаций. Известно, что в любых научных и научно-практических исследованиях отдельно взятый метод применяется крайне редко, поэтому субъект исследования использует выбранную совокупность методов для

решения поставленной задачи, т. е. использует определенную методологию.

Вместе с тем как бы ни была актуальна методология определенного исследования, в ее основе лежит метод, понятие которого не все субъекты, проводящие научные исследования, толкуют однозначно.

Прежде чем определиться с понятием метода, следует дать краткую характеристику представлений относительно форм мышления (приемы, методы) как сложного познавательного процесса, который и включает в себя использование множества тех самых форм познания. Хотя различие между ними весьма условно, все же следует отличать их друг от друга.

В этом вопросе нам близка позиция специалистов советской школы теории науки, которые под приемом мышления и научного познания понимали «общелогические и общегносеологические операции, используемые человеческим мышлением во всех его сферах и на любом этапе и уровне научного познания»

[1, с. 250]. Приемы мышления характеризуют гносеологическую направленность хода мысли на этапе познавательной деятельности (от частного к общему, от конкретного к абстрактному и пр.).

К актуальным приемам научного мышления и практической деятельности следует относить такие общеизвестные приемы, как анализ и синтез, индукцию, дедукцию, аналогию, моделирование и т. п.

Методами следует считать более сложные познавательные процедуры. Они содержат определенный набор различных приемов исследования и фиксируют совокупность правил, характеризующих порядок познавательной деятельности.

Метод может представлять собой и определенную операцию (систему действий) или отдельное действие (подсистему приемов деятельности) [2, с. 8]. Известны и другие определения этого понятия [3; 4; 5; 6].

В теории науки методы научного познания в зависимости от их общности и сферы применения классифицируются на три группы: специальные, общенаучные и универсальные.

Специальные методы применимы для отдельных наук, общенаучные характеризуют познание во всех науках, а универсальные методы связывают мышление для использования во всех сферах познавательной деятельности в соответствии с их спецификой. Универсальными методами, например, следует считать все методы философского мышления.

В широком смысле метод – это способ деятельности субъекта познания в определенной форме. В связи с этим функцию метода можно характеризовать в качестве средства внутренней организации и регулирования процесса познания (практического преобразования) объекта.

На этом основании метод сводится к определенной совокупности приемов познания и действий и представляет собой систему «предписаний, принципов, требований, которые должны ориентировать субъекта познания в его решении конкретной задачи, достижении определенного результата в определенной сфере деятельности».

Основная функция метода – это «внутренняя организация, а также регулирование самого процесса познания и практического преобразования того или иного исследуемого объекта» [7, с. 71].

Следует помнить, что любой метод всегда детерминирован предшествующими и одновременно сосуществующими с ним другими мето-

дами. Он обусловлен своим предметом исследования, всегда изменяется в своем содержании (используемые приемы) вместе с этим предметом, на который он направлен. Это означает, что метод не может быть дан весь, «целиком до начала всякого исследования, он в значительной мере должен формироваться всякий раз заново в соответствии со спецификой предмета» [8, с. 177]. Истинность метода всегда детерминирована содержанием предмета познания.

В то же время метод – это не механический набор определенных приемов и рекомендаций по их использованию для решения той или иной задачи, не алгоритм, по которому должен быть реализован процесс познания. Следовательно, применение того или иного метода в различных областях не стоит определять как процесс формального внешнего наложения системы его приемов на предмет познания, а необходимость их использования не приносится извне. В связи с этим не существует метода, который «можно было бы выучить и систематически применять для достижения цели» [8, с. 5–6], т. к. он не является совокупностью умозрительных приемов субъекта познания, выработанных априорно, в независимости от практики и помимо законов объективного ее развития. Метод не следует считать средством, которое однозначно определяет пути и формы полезной деятельности и способно решать любые познавательные и практические задачи.

На этом основании происхождение любого метода обусловлено не сознанием человека, а материальной действительностью, которую обуславливают объективные законы природы и общества.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что метод существует и развивается в соответствии с диалектикой объективного и субъективного. При этом роль объективного фактора является определяющей, любой метод объективен и фактичен. Но вместе с тем он субъективен как продолжение объективности, т. к. ее детерминирован. Субъективный фактор обусловлен тем, что его носителем является определенный субъект познания, который выбрал данный метод в качестве средства своего воздействия на объект.

Далее, для того чтобы провести исследование метода расследования преступления и связать его с предметом любого исследования (например, методикой изучения личности потерпевшего на первоначальном этапе расследования убийств), необходимо раскрыть

отношение метода научного познания и практической деятельности.

Важно отметить, что 78,9 % опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов не смогли обосновать различия между этими понятиями.

Метод научного познания представляет собой способ (описанный в теории и проверенный практикой) получения новых знаний. Основными являются эмпирические и научные методы.

Первая группа имеет непосредственное отношение к изучаемому объекту. Эмпирические методы основаны на восприятии главными органами чувств (зрение, слух, обоняние, осязание), на чувственном познании (ощущение, восприятие, представление). Поэтому в теории познания наблюдение и эксперимент, сравнение и измерение отнесены к основным методам эмпирического исследования, а гипотеза как форма и метод – к методам теоретического исследования, в соответствии с которыми достигается цель познания [1, с. 254, 259].

В связи с этим уместно вспомнить высказывание Г.В.Ф. Гегеля о том, что «цель связывает себя через средство с объективностью» [9, с. 108]. В криминалистике эти средства познания, используемые для решения соответствующих задач, рассматриваются как в широком (понятия, категории, законы, логические приемы исследования [10, с. 33]), так и в узком смысле, в соответствии со специальными приспособлениями (инструментами, материалами и пр.), которые создаются субъектом познания для решения частных познавательных задач. Между тем следует помнить о том, что в познавательных целях эти средства могут использоваться исключительно в соответствии со специальными приемами (операциями). Их разрабатывает субъект познания применительно к особенностям определенного предмета и целям познания.

Криминалистические методы познания имеют свои особенности. Они разделяются на методы научного криминалистического познания и методы, которые разрабатывает криминалистика для целей расследования, т. е. практические методы познания, или методы практической деятельности. Это разграничение используется в криминалистике с начала 70-х годов прошлого столетия относительно всех элементов, образующих структуру метода. В основе такого подхода лежат результаты и выводы дискуссии криминалистов по данной проблеме [11].

Рассматриваемые методы предназначены для использования в правоприменительной практике (следственной, судебной, экспертной, розыскной), т. е. для собирания, исследования, оценки и использования доказательств в расследовании преступлений. Данные методы противодействуют преступности и своей спецификой направлены на особенности объекта познания, т. е. отдельно взятое событие, содержащее признаки преступления, для определенных условий и целей познавательной деятельности.

Существование этих методов обусловлено различиями в формах отражения действительности. Поэтому одна их часть обеспечивает собирание, исследование, оценку и использование материально-фиксированных следов преступления (следов-отображений и пр.), а другая – идеальных следов преступления (показаний свидетелей, потерпевших и пр.).

Фактически это технико-криминалистические и тактико-криминалистические методы познания как научной, так и практической криминалистической деятельности. Такое разграничение удобно исключительно для теоретических исследований, поэтому его следует считать условным и пригодным только для дифференциации в разработке этих методов, т. к. в конкретном расследовании его условия «...обязывают использовать технические приемы и средства в полном и точном соответствии с рекомендациями криминалистической тактики» [12, с. 101].

Однако не следует забывать, что многие научно обоснованные тактико-криминалистические рекомендации, как и приемы криминалистической техники, носят относительно самостоятельный характер для расследования преступлений. Иллюстрацией могут служить тактические приемы допроса, которые разработаны вне всякой связи с технико-криминалистическими приемами, т. к. содержание отражает данные логики и психологии относительно ситуации расследования. При этом специальные технико-криминалистические рекомендации по исследованию вещественных доказательств (пули, гильзы, оружие и пр.) не связаны с данными криминалистической тактики и опираются исключительно на естественно-научные и технические знания.

Отметим важную позицию относительно содержания криминалистических методов расследования преступлений (практической деятельности), которая состоит в том, что оно соответствует многообразию видов преступлений и их особенным признакам. На этой

основе формируется система приемов. В криминалистике ее определяют как частную криминалистическую методику расследования отдельных видов преступлений, в системе которой в качестве элементов могут находиться методики, связанные с разрешением посредством расследования сложных тактических задач (методика – тактическая задача*), таких, например, как изучение личности потерпевшего при расследовании убийств.

В соответствии с вышеизложенным можно сделать следующий промежуточный вывод

о том, что метод научного познания, т. е. система регулятивных принципов, приемов и способов, с помощью которых достигается объективное познание действительности в рамках научно-познавательной деятельности, является основой всей криминалистической методологии, которая используется для научных и научно-практических исследований.

В следующей публикации будут рассмотрены различия между методом научного познания и практической деятельности по расследованию преступлений.

Литература

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика: учебное пособие для вузов. М., 1991.
2. Лаврухин С.В., Комягина Ю.С. Основы криминалистической методологии: учебное пособие. М., 2018.
3. Илларионов С.В. Теория познания и философия науки. М., 2007.
4. Коэн М.Р., Нагель Э. Введение в логику и научный метод / пер. с англ. П.С. Куслия. Челябинск, 2010.
5. Седнев В.В. Методология криминалистики и судебной экспертизы. М., 2017.
6. Мухин Г.Н., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистика: современные проблемы, история и методология. М., 2018.
7. Кохановский В.П. Философия и методология науки: учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д, 1999.
8. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1965.
9. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1: Мысль. М., 1979.
10. Горский Д.П. Применение диалектической логики к изучению процессов мышления. М., 1962.
11. Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики: сборник научных статей. Свердловск, 1972.
12. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973.
13. Головин А.Ю. Системные средства и методы в криминалистической науке: учебное пособие. Тула, 2013.

Bibliography

1. Alekseev P.V., Panin A.V. Theory of knowledge and dialectics: a textbook for universities. Moscow, 1991.
2. Lavrukhin S.V., Komyagina Yu.S. Fundamentals of forensic methodology: a study guide. Moscow, 2018.
3. Illarionov S.V. Theory of knowledge and philosophy of science. Moscow, 2007.
4. Cohen M.R., Nagel E. Introduction to logic and scientific method / transl. from English. P.S. Kusliya. Chelyabinsk, 2010.
5. Sednev V.V. Methodology of criminalistics and forensic examination. Moscow, 2017.
6. Mukhin G.N., Isyutin-Fedotkov D.V. Criminalistics: modern problems, history and methodology. Moscow, 2018.
7. Kokhanovsky V.P. Philosophy and methodology of science: a textbook for higher educational institutions. Rostov-on-Don, 1999.
8. Einstein A., Infeld L. The evolution of physics. Moscow, 1965.
9. Hegel G.W.F. Science of logic. Vol. 1: Thought. Moscow, 1979.
10. Gorsky D.P. Application of dialectical logic to the study of thought processes. Moscow, 1962.
11. Lenin's principle of the inevitability of punishment and the tasks of Soviet criminalistics: a collection of scientific articles. Sverdlovsk, 1972.
12. Luzgin I.M. Methodological problems of investigation. Moscow, 1973.
13. Golovin A.Yu. Systemic means and methods in forensic science: textbook. Tula, 2013.

* Тактическая задача представляет собой обусловленную ситуационным фактором необходимость использования сложившихся или создания благоприятных для дальнейшего расследования условий криминалистической деятельности путем оказания тактического правомерного воздействия на тот или иной объект [13].

Краснова Елена Александровна
Krasnova Elena Alexandrovna

директор института заочного и электронного обучения Самарского государственного университета путей сообщения, кандидат филологических наук, доцент.

E-mail: eakrasnova@mail.ru

Director of the Institute of Correspondence and E-Learning, Samara State University of Communications, PhD in Philology, Associate Professor.

Сагирян Инга Григорьевна
Sagiryan Inga Grigorievna

доцент кафедры уголовного права и криминалистики Донского государственного технического университета, кандидат филологических наук, доцент.

E-mail: sagiryan@yandex.ru

Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminalistics, Don State Technical University, PhD in Philology, Associate Professor.

Кузина Светлана Ивановна
Kuzina Svetlana Ivanovna

профессор кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры уголовного права и криминалистики Донского государственного технического университета, доктор политических наук, профессор.

E-mail: svivk@yandex.ru

Professor, Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor, Department of Criminal Law and Criminalistics, Don State Technical University, Doctor of Political, Professor.

**ПРАВО НА ДОКУМЕНТ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ
В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ**

Right to professional credentials in judicial practice

Проводится обзор судебной практики, сложившейся в связи с реализацией права студента на получение документа об образовании и квалификации, а также соблюдением образовательными организациями сроков и условий выдачи дипломов. Делается вывод о наличии лакун в правовых нормах, в том числе в порядке признания дипломов о профессиональном образовании недействительными и установления последствий такого признания.

Ключевые слова: выдача диплома, судебная практика, права студентов, признание документа об образовании недействительным.

A review of the judicial practice that has developed in connection with the implementation of the student's right to receive a document on education and qualifications, as well as the observance by educational organizations of the terms and conditions for issuing diplomas is carried out. It is concluded that there are gaps in legal norms, including in the procedure for recognizing vocational education diplomas as invalid and establishing the consequences of such recognition.

Keywords: graduation, jurisprudence, student rights, invalidation of the education document.

Анализ судебных толкований отдельных норм права выступает одним из источников изучения становления правовой практики применения конкретного нормативного положения, а порой и свидетельством наличия в нем коллизии. На наш взгляд, обоснованной явля-

ется позиция ряда исследователей о том, что толкование нормативных правовых актов в ходе судебных заседаний «открывает новые возможности в развитии отечественного правосудия, укрепляет судебную систему, способствует реализации конституционного принципа

единообразия судебной практики, эффективности правового регулирования» [1, с. 105].

В настоящем исследовании представлен обзор судебной практики по вопросам правомерности выдачи (невыдачи) документов об образовании за период действия Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2] (далее – ФЗ «Об образовании в РФ»).

Целью каждого, кто поступает в образовательную организацию, является освоение образовательной программы в полном объеме и получение итогового документа об образовании как подтверждение факта присвоения квалификации. Правовые основания прекращения образовательных отношений в связи с завершением обучения, а также условия выдачи документов об образовании и (или) квалификации установлены в ст. 60 и 61 ФЗ «Об образовании в РФ». Порядок выдачи документов об образовании определяется специальными подзаконными актами отдельно по каждому из уровней образования. Так, Порядок заполнения, учета и выдачи документов о высшем образовании и о квалификации и их дубликатов установлен приказом Минобрнауки России от 13.02.1014 № 112 [3] (далее – Порядок выдачи дипломов от 13.02.1014 № 112). Единственным условием выдачи документа об образовании и (или) квалификации в соответствии с ч. 3 и 4 ст. 60 ФЗ «Об образовании в РФ» является успешное прохождение обучающимся итоговой (государственной итоговой) аттестации.

Еще до вступления в силу ФЗ «Об образовании в РФ» судебными органами отказ в выдаче обучающемуся, успешно прошедшему итоговую аттестацию, но имеющему задолженность по договору об оказании платных образовательных услуг, документа об образовании и (или) квалификации признавался нарушением законодательства [4]. В случае неисполнения заказчиком условий договора об оказании платных образовательных услуг по возмещению затрат у образовательной организации есть

возможность воспользоваться предусмотренными законодательством способами защиты своих прав. И, напротив, факт полной оплаты по договору на оказание платных образовательных услуг не может являться основой для истребования обучающимся документа об образовании без прохождения процедуры итоговой аттестации (примером может служить апелляционное определение Московского городского суда от 14 мая 2015 г. № 33-16108).

Удержание диплома со стороны образовательной организации противоречит правовым нормам. Напомним, что действующий ФЗ «Об образовании в РФ» не предусматривает иных оснований для отказа в выдаче документа об образовании, кроме как неудовлетворительный результат или непрохождение обучающимся итоговой аттестации. Так, Ленинским районным судом г. Ставрополя отказ в выдаче диплома выпускнику был квалифицирован как злоупотребление правом (решение от 24 марта 2015 г. по делу № 2-147/2015). Здесь и далее представлен анализ материалов судебной практики, размещенных на интернет-ресурсе «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт) (<https://www.sudact.ru>).

После рассмотрения обстоятельства дела суд установил, что студент был допущен к итоговой государственной аттестации, явился на итоговое испытание и прошел его. Однако между членами государственной экзаменационной комиссии возник спор по вопросу оценки, которую заслуживает выпускник, и в результате документ об образовании и квалификации не был выдан в установленный срок.

Нарушение сроков выдачи документов об образовании – еще одна причина для обращения обучающихся за защитой своих прав в судебные органы.

Сроки выдачи диплома о высшем образовании установлены п. 27 Порядка выдачи дипломов от 13.02.1014 № 112. Причем его формулировка за время существования документа претерпела существенные изменения (см. табл.).

Таблица

Сравнение редакций правовой нормы

Первоначальная редакция	Диплом выдается с приложением к нему не позднее 10 дней после издания приказа об отчислении выпускника.
Редакция после 31 марта 2017 г.	Диплом выдается с приложением к нему не позднее 8 рабочих дней после даты завершения государственной итоговой аттестации, установленной календарным учебным графиком.

Первоначальная редакция явно была неудачной и вызывала определенные возражения со стороны выпускников образовательных организаций, о чем свидетельствует ряд судебных разбирательств, содержащих в том числе требования о взыскании морального вреда.

Так, судебная коллегия по гражданским делам Владимирского областного суда при рассмотрении дела № 33-3424/2014 установила, что обучающийся в соответствии с материалами дела прошел итоговую аттестацию и фактически завершил освоение образовательной программы 13 февраля 2014 года, а диплом специалиста с отличием был выдан ему 10 июня 2014 года (т. е. ожидание документа составило почти 4 месяца). Однако в своем определении № 33-3424/2014 от 1 октября 2014 г. коллегия установила правомерность отказа в удовлетворении исковых требований судом первой инстанции (решение Муромского городского суда Владимирской области от 14 июля 2014 г.), исходявшего из того, что образовательная организация свои обязательства перед истцом исполнила надлежащим образом и в установленный срок, т. е. в течение 10 дней с момента издания приказа об отчислении.

Решением Дзержинского районного суда г. Волгограда от 20 июня 2018 г. по делу № 2-4334/2018 истцу отказано в возмещении убытков, понесенных им в связи с долгим ожиданием получения диплома о высшем образовании. Основанием стал тот факт, что диплом был выдан в установленные сроки после издания приказа об отчислении, а законом не предусмотрен срок издания приказа об отчислении, к которому нормативно привязан срок выдачи диплома.

При вынесении своих решений суды основывались на следующих аргументах:

– процедура выдачи диплома находится за пределами установленного договором срока обучения;

– ни договором об обучении, ни действующим законодательством срок, в течение которого образовательная организация обязана издать приказ об отчислении студента после успешного прохождения итоговой аттестации, не установлен.

Полагаем, что именно жалобы студентов на неоправданно длительные сроки ожидания диплома (с чем, очевидно, может быть связан и финансовый ущерб из-за невозможности

трудоустроиться/ получить перевод на должность, предполагающую определенный уровень образования, подать документы для продолжения обучения) стали причиной внесения изменений в п. 27 Порядка выдачи дипломов от 13.02.2014 № 112 и установления иного срока выдачи, четко привязанного к государственной итоговой аттестации.

В последние годы существенно увеличилась практика судебного признания незаконным факта присвоения квалификации и выдачи диплома о профессиональном образовании. Одним из оснований для подачи подобных исков является установление факта непрохождения обучающимся процедуры оценивания в период обучения. Как правило, такие выводы делают органы прокуратуры после рассмотрения дел о получении педагогическими работниками взяток от обучающихся за внесение заведомо ложных сведений о положительных оценках в зачетные книжки и ведомости без фактического проведения процедуры промежуточной аттестации. Прокуроры инициируют иски в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц к лицам, получившим диплом, и образовательным организациям, их выдавшим, с требованиями признать выданный диплом недействительным, обязать его владельца передать оригинал диплома в образовательную организацию, которую обязать исключить запись в учетных документах о выдаче данного диплома и уничтожить его в установленном порядке. При принятии решения суды исходят из того, что ответчик, будучи обучающимся, не сдавал зачеты и (или) экзамены, т. е. не завершил освоение образовательной программы в полном объеме, а следовательно, не мог быть допущен к прохождению итоговой аттестации, по результатам которой ему была присвоена квалификация и выдан документ установленного законодательством образца. Это значит, что документ об образовании и (или) квалификации был выдан с нарушением законодательства Российской Федерации в отсутствие законных оснований. Примерами могут служить решения Центрального районного суда г. Тюмени от 20 февраля 2020 г. по делу № 2-1670/2020, Бековского районного суда (Пензенская область) от 22 сентября 2020 г. по делу № 2-139/2020, Центрального районного суда г. Оренбурга от 2 июля 2019 г. по делу № 01378/2019, Прикубанского районного

суда г. Краснодара от 18 сентября 2018 г. по делу № 2-8933/2018, Усинского городского суда (Республика Коми) от 18 июля 2018 г. по делу № 2-840/2018, Усинского городского суда от 16 июля 2018 г. по делу № 2-838/2018.

Другим основанием для подачи иска о признании выдачи документа об образовании и(или) квалификации незаконным является установление факта отсутствия у гражданина предшествующего уровня образования, требуемого для поступления и (или) обучения, в том числе для обучения по ускоренной форме.

Решением Калининского районного суда г. Чебоксары от 21 июля 2020 г. по делу № 2-2023/2020 признаны недействительными два диплома о высшем образовании одного лица. В ходе проведения прокурорской проверки установлено, что данный гражданин, достоверно зная о том, что лица, имеющие высшее образование, имеют право зачисления в университет для обучения в сокращенные сроки, умышленно предъявил заведомо подложный диплом по специальности «Технология машиностроения». В дальнейшем он получил высшее образование и квалификацию «Экономист» по сокращенной форме обучения. Полученный диплом ответчик предъявил при поступлении в следующий вуз для получения очередного высшего образования и квалификации «Юрист». По результатам рассмотрения материалов дела, суд пришел к выводу, что поскольку дипломы о высшем профессиональном образовании получены в обход процедуры, предусмотренной действующим в период обучения гражданина законодательством об образовании, данные дипломы необходимо признать недействительными, уничтожить их, а также исключить из учетных документов университетов записи об их выдаче.

Решением Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 13 июля 2020 г. по делу № 2-260/2020 удовлетворен иск заместителя прокурора г. Архангельска в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц о признании недействительным приказа о выдаче диплома о высшем образовании и незаконным решения государственной аттестационной комиссии, а также понуждении образовательной организации исключить запись о выдаче диплома и уничтожить его. Судом установлен факт обучения ответчика в университете по сокращенной (ускоренной) форме

обучения для лиц, способных освоить в полном объеме основную образовательную программу высшего образования за более короткий срок. Право на обучение по сокращенной форме обучения установлено нормативными актами образовательной организации для лиц, имеющих среднее профессиональное образование. В выданный ответчику диплом о высшем образовании внесены сведения о том, что у его обладателя до зачисления на программу высшего образования имелся диплом о среднем профессиональном образовании. Однако в ходе прокуратурой проверки соблюдения законодательства об образовании установлено, что ответчик образовательную организацию СПО не заканчивал и диплом данного уровня не получал. При таких обстоятельствах получение диплома о высшем образовании в сокращенные сроки признано судом незаконным в силу того, что образовательная программа высшего образования не освоена в полном объеме в установленный нормативный срок, а потому обучающийся не мог быть допущен к итоговой государственной аттестации с последующим присвоением соответствующей квалификации и выдачей диплома.

К аналогичным выводам пришел Советский районный суд г. Ростова-на-Дону (решение от 24 сентября 2018 г. по делу № 2-2807/2018), Куйбышевский районный суд г. Иркутска (решение от 25 июля 2019 г. по делу № 2-1679/2019), Новоуренгойский городской суд Ямало-Ненецкого автономного округа (решение от 13 декабря 2019 г. по делу № 2-2392/2019), Центральный районный суд г. Хабаровска (решение М-7857/2019 от 25 декабря 2019 г. по делу № 2-8684/2019).

Особое внимание обращают на себя решения о признании недействительными документов об образовании лиц, занимающих должности государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов, медицинских и педагогических работников, иных общественно значимых сфер, в которых устанавливаются факты о предоставлении указанными лицами заведомо подложных документов умышленно с целью трудоустройства или избрания. Примером могут служить решения Гайского городского суда Оренбургской области от 18 января 2017 г. по делу № 2-104/2017 в отношении лица, принятого на муниципальную службу, Канавинского районного суда

г. Н. Новгорода от 8 февраля 2019 г. по делу № 2-196/2019 о признании недействительными аттестата о среднем образовании и диплома о высшем образовании депутата городской Думы Нижнего Новгорода.

Безусловным доказательством в установлении подлинности документа об образовании является результат обращения в образовательные организации. Официальный ответ образовательной организации об отсутствии сведений (записей, приказов, иных документов) об успешном прохождении итоговой аттестации и выдаче диплома в отношении конкретного лица позволяет сделать однозначный вывод о подложном характере документа об образовании (решение Октябрьского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 19 ноября 2018 г. по делу № 2-356/2018, решение Кировского районного суда г. Иркутска от 29 января 2019 г. по делу № 2-4879/2018, решение Нижневартовского городского суда (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) от 27 сентября 2018 г. по делу № 2-5052/2018, решение Курчатковского районного суда г. Челябинска от 18 сентября 2018 г. по делу № 2-4196/2018, решение Сургутского городского суда (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) от 10 сентября 2018 г. по делу № 2-6482/2018, решение Полярного районного суда Мурманской области от 10 июля 2018 г. по делу № 2-216/2018, решение Полярного районного суда Мурманской области от 4 июля 2018 г. по делу № 2-257/2018).

Еще одним основанием для признания факта выдачи документа об образовании незаконным является установление обстоятельств, препятствовавших законному получению образования конкретным лицом. Решением Октябрьского районного суда г. Барнаула от 15 ноября 2019 г. по делу № 2-2296/2019 признан недействительным диплом о высшем образовании, выданный гражданину, который в период обучения находился в местах лишения свободы. Поскольку личное присутствие обучающегося как на занятиях, так и во время проверки знаний и навыков, является обязательным, то суд сделал вывод о том, что обучающийся не освоил образовательную программу по специальности высшего образования в полном объеме, следовательно, ему не могла быть присвоена квалификация «инженер» по специальности «Промышленное и

гражданское строительство» и выдан диплом о высшем образовании.

Следует отметить, что поскольку законодательством об образовании прямо не предусмотрен порядок признания дипломов о профессиональном образовании недействительными и не установлены последствия такого признания, суды полагают возможным применять в данном случае положения п. 31 Порядка выдачи дипломов от 13.02.2014 № 112: «В случае порчи диплома и (или) приложения к нему либо порчи дубликата, в случае обнаружения в дипломе и (или) приложении к нему либо в дубликате ошибок после получения указанного документа, а также в случае изменения фамилии и (или) имени, и (или) отчества обладателя диплома у обладателя диплома при выдаче дубликата изымаются сохранившийся диплом и (или) приложение к диплому (дубликат диплома и (или) дубликат приложения к диплому). Указанные документы в установленном порядке уничтожаются организацией, выдавшей дубликат».

Понуждение лица, владеющего дипломом, который признан недействительным, к передаче его в образовательную организацию и образовательной организации к уничтожению такого документа призваны предотвратить угрозу правам и законным интересам других лиц, которые могут быть введены в заблуждение при предоставлении оригинала диплома в отсутствие у них информации о признании его недействительным.

Одновременно с этим обращает на себя внимание обстоятельство, что образовательные организации не имеют права принимать решение о признании документов об образовании и (или) квалификации недействительными. Об этом свидетельствуют решения Ленинского районного суда г. Ульяновска от 12 мая 2015 г. по делу № 2-1739/2015 и Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 14 октября 2014 г. по делу № 2-4506/2014, которыми были отменены приказы ректоров образовательных организаций о признании ранее ими выданных дипломов недействительными. Суд разъяснил, что согласно ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образовательная организация не наделена полномочиями принимать решение о признании дипломов, выданных по завершении обучения и подписанных председателем государственной

аттестационной комиссии, недействительными. В случае возникновения спорных ситуаций стороны образовательных взаимоотношений должны обращаться в судебные органы.

Таким образом, анализ правоприменительной практики по вопросам правомерности выдачи (невыдачи) документов об образовании показал, что основная часть обращений в суд связана с отказом в выдаче документов об образовании, нарушением сроков выдачи документов об образовании, а также признанием документов об образовании недействительными. Причиной подобных обращений, как правило, является недостаточная четкость в

формулировке правовой нормы [5] (например, срока выдачи документа об образовании) или отсутствие понятного и прозрачного механизма правового действия (например, механизма признания подлинности или процедуры аннулирования документа об образовании). Полагаем, что одной из основных задач системы управления образованием является установление единых требований к осуществлению образовательной деятельности и связанных с ее обеспечением процедур [6, с. 170], т. е. четкая и однозначная регламентация основных процессов, в том числе и тех, о которых шла речь в настоящей статье.

Литература

1. Напалков С.В. Роль актов судебного толкования в обеспечении единообразия судебной практики Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 2(93).

2. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 года № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 14.04.2022).

3. Об утверждении Порядка заполнения, учета и выдачи документов о высшем образовании и о квалификации и их дубликатов: приказ Минобрнауки России от 13 февраля 2014 года № 112 (ред. от 29 ноября 2016 года). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Смирнова М.В. Обзор судебной практики по спорам, связанным с невыдачей документа о высшем образовании [Электронный ресурс]. URL: <http://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/analitika/obzory/vnimanie-diplom-obzor-sudebnoy-praktiki-po-sporam-svyazannym-s-vydachey-ili-nevydachey-dokumenta-o-v/> (дата обращения: 14.04.2022).

5. Краснова Е.А. К вопросу соблюдения норм права при выдаче дипломов и отчислении выпускника / Е.А. Краснова, И.Г. Сагирян // Правовой порядок и правовые ценности: сб. научных статей III Национальной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 27–28 сентября 2019 года). Ростов н/Д, 2019.

6. Христофорова Л.В. Правовые аспекты контроля качества образования / Л.В. Христофорова, Е.А. Краснова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5.

Bibliography

1. Napalkov S.V. The role of acts of judicial interpretation in ensuring the uniformity of judicial practice in the Russian Federation // Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management. 2018. № 2(93).

2. On education in the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 29, 2012 № 273-FL. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 14.04.2022).

3. On approval of the Procedure for filling out, recording and issuing documents on higher education and qualifications and their duplicates: order of the Ministry of Education and Science of Russia d.d. Febr. 13, 2014 № 112 (amended on Nov. 29, 2016 // Access from reference legal system «ConsultantPlus».

4. Smirnova M.V. Review of judicial practice on disputes related to the non-issuance of a document on higher education [Electronic resource]. URL: <http://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/analitika/obzory/vnimanie-diplom-obzor-sudebnoy-praktiki-po-sporam-svyazannym-s-vydachey-ili-nevydachey-dokumenta-o-v/> (date of access: 14.04.2022).

5. Krasnova E.A. On the issue of compliance with the rules of law when issuing diplomas and expelling a graduate / E.A. Krasnova, I.G. Sagiry-an // Legal order and legal values: collection of scientific articles of the III National Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, Sept. 27–28, 2019). Rostov-on-Don, 2019.

6. Khristoforova L.V. Legal aspects of education quality control / L.V. Khristoforova, E.A. Krasnova // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2017. № 5.

Рыжкова Ольга Анатольевна
Ryzhkova Olga Anatolyevna

преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук.
E-mail: cosmopolitan24@yandex.ru

Lecturer, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
PhD in Law.

Костенко Наталья Сергеевна
Kostenko Natalya Sergeevna

доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: sns8383@mail.ru

Associate Professor, Department of Criminal Process of the Educational and Scientific Complex for Preliminary
Investigation in the Internal Affairs Bodies, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
PhD in Law, Associate Professor.

**ПРОФИЛАКТИКА ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ АВТОНОМНЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

**Prevention of deviant behavior of minors in municipal
autonomous educational institutions**

Статья посвящена проблеме профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних в муниципальных автономных образовательных учреждениях. Раскрываются особенности организации коррекционной работы с подростками и их семьями, направленные на раннее предупреждение и коррекцию девиантного поведения несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, родители несовершеннолетнего, особенность, школа, профилактика.

The article is devoted to the problem of prevention of deviant behavior of minors in municipal autonomous educational institutions. The features of the organization of correctional work with adolescents and their families, aimed at early warning and correction of deviant behavior of minors, are revealed.

Keywords: minor, minor's parents, feature, school, prevention.

«В последнее десятилетие обеспечение благополучного и безопасного детства стало одним из основных национальных приоритетов Российской Федерации. Защита прав каждого ребенка, создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушений самих детей определены ключевыми задачами Десятилетия детства» [1].

Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 18 марта 2021 года № 656-р [1], отражает криминогенную ситуацию, обуславливающую

необходимость совершенствования системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних с учетом актуальных потребностей семьи, общества и государства.

Преступность несовершеннолетних относится к отклоняющемуся поведению детей и считается серьезной проблемой во всем мире. Она вызвана социальными, экономическими и культурными факторами. Подростковая преступность распространена не только в больших городах, в которых дети подвержены воздействию различных социальных сред и культур, но и в деревнях, небольших населенных пунктах, где, как правило, в школах не хватает педагогов. Большинство детей не стремятся получать

отличные оценки, равнодушно проводя время на занятиях. В свою очередь, родители таких подростков не мотивируют их на достижение положительных результатов, уделяя большую часть своего времени работе.

Количество несовершеннолетних, совершающих преступления и ведущих неправильный образ жизни, увеличивается с каждым годом. С научной точки зрения представляется интересным тот факт, что одни подростки стремятся к высоким достижениям в спорте, увлекаются искусством, модой и наукой, а другие склонны к алкоголизму, наркомании и суициду. Конечно, положительные увлечения детей не исключают отклоняющегося поведения и наоборот, но нижеприведенное исследование раскрывает некоторые мотивы и причинно-следственные связи.

Согласно Конституции РФ забота о детях, их воспитание – равные права и обязанности родителей [2]. Родители или лица, их замещающие, обязаны обеспечивать получение детьми основного образования, содержание, воспитание, защиту прав и интересов детей [3]. Кроме того, они должны заботиться об их физическом и психическом здоровье, духовном и нравственном развитии.

Но, к сожалению, не все родители исполняют свои обязанности в полном объеме. Члены некоторых семей даже не интересуются друг у друга, как прошел день. Несовершеннолетние предоставлены сами себе. Иногда они впадают в депрессию, замыкаются или становятся представителями различных субкультур. В других случаях они ведут себя агрессивно, чтобы привлечь внимание близких людей или выместить на ком-то обиду за свою ненужность. При этом родители не всегда понимают, что употребление алкоголя, вызывающий макияж, несуразная стрижка, участие в драках – это крик ребенка о помощи. Наказывая своего сына или дочь и лишая его своего общения, они еще больше увеличивают пропасть между собой и ребенком, толкая его на преступления.

В семейной обстановке происходит возрастное отождествление подростка с родителями, сестрами, братьями. Данный процесс обусловлен воспитанием ребенка, т. к. с самого рождения родители, а затем и более широкое социальное окружение привлекают его к своей общности, передавая ему свойственное им мировосприятие.

Несправедливые требования и ограничения родителей создают почву для чувства стыда и сомнений. Ребенку кажется, что окружающие смотрят на него с осуждением, отсюда возникает неуверенность в себе, стыд за свои ошибки, неловкость. В ситуациях, когда взрослые предъявляют слишком суровые требования, часто ругают и наказывают ребенка, у него появляется постоянная настороженность, скованность, необщительность, которые затем могут деформироваться в отклоняющееся поведение. Если школьному психологу становится известно о такой ситуации в семье, ему следует организовывать встречи с родителями несовершеннолетнего, на которых обсуждать такие темы, как «Права и обязанности семьи», «Бесконтрольность свободного времени – основная причина совершения правонарушений и преступлений», «Ошибки родительского воспитания», «Взаимоотношения в семье», «Пути решения конфликтных ситуаций».

Отметим, что на сегодняшний день планы работы педагога-психолога в муниципальных автономных образовательных учреждениях не содержат таких обязательных коррекционных программ с родителями школьников. Вместе с тем очень важно помочь несовершеннолетнему овладеть гармоничной и социально приемлемой формой поведения, которая будет выступать профилактикой нарушения моральных устоев в обществе, а также норм административного и уголовного законодательства. Нужно принимать во внимание генетическую предрасположенность, личный пример родителей, особенности нервной системы, темперамента, мировоззрения ребенка при проведении с ним коррекционных занятий по развитию навыков общения, формированию адекватного поведения в конфликтных ситуациях.

Даже находясь в школьном коллективе почти весь день, дети могут испытывать чувство одиночества, непонимания, неполноценности. Такие негативные эмоции и чувство неудовлетворенности, отсутствие опоры и понимания в муниципальном автономном образовательном учреждении и семье толкают их на провоцирующие, аморальные поступки, совершаемые с целью привлечения внимания педагогов и сверстников. Запись в дневнике о плохом поведении ребенка на уроке и приглашение родителей в школу делаются с одной целью – наказать, принять меры воздействия,

лишить чего-нибудь. Вместе с тем намного эффективнее было бы подключить на данном этапе школьного психолога и установить истинные причины поведения, провести диагностику психического состояния ребенка, а затем коррекционную работу с ним. Такой алгоритм в муниципальных автономных образовательных учреждениях действительно поможет профилировать отклоняющееся поведение школьника в каждом случае индивидуально.

Нередко школьному психологу удается диагностировать, что несовершеннолетний является зависимыми от Интернета и компьютерных игр. Подростки проводят огромное количество времени в своем виртуальном мире, становятся оторванными от реальности, забывают о правилах поведения в социуме. Такие несовершеннолетние ведут себя точно так же, как и герои их любимых компьютерных игр, – пытаются решить все проблемы при помощи агрессии. Терминология, привычная для компьютерных игр, «мочить», «лагать», «нуб», переходит в повседневную жизнь. Они не осознают, что в реальной жизни такие шаблоны поведения и язык общения не позволят завоевать им приз или новый уровень, а повлекут неблагоприятные последствия. Перенос паттерны поведения из виртуальных игр в реальную жизнь, несовершеннолетние лишаются чувства жалости к своим жертвам, к родителям и близким людям.

Однако подростки, проявляющие виртуальную агрессию, в школьных стенах нередко сами становятся жертвами более сильных старшеклассников. Не умея защитить себя, они впоследствии вымещают свою обиду на тех, кто слабее. В свою очередь, физически сильные «агрессоры» применяют насилие по отношению к более слабым подросткам, чтобы удержать свой авторитет, самоутвердиться. Школьным психологам необходимо уделять внимание таким современным реалиям и после психологической диагностики несовершеннолетнего информировать его родителей при личной встрече о необходимости контроля и ограничения доступа к интернет-ресурсам и компьютерным играм.

Анализируя план работы педагога-психолога МБОУ «ООШ № 1 города Анадырь» по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на 2020–2021 учебный год, приходим к выводу, что работа спе-

циалиста не выстроена эффективным образом. Так, например, в графе «Организация диагностической и коррекционной работы» указано «в течение года», т. е. на усмотрение специалиста такая важная профилактическая мера может быть осуществлена единожды за учебный период. Изучение личностных особенностей обучающихся и выявление причин их отклоняющегося поведения, конфликтности, слабой успеваемости должно обязательно вноситься в план с указанием необходимого количества (например, ежеквартально, ежемесячно). Считаем, что профилактическое значение такой диагностики должно заключаться в следующем:

- формировании чувства опоры на учителей, психолога и директора школы;
- получении школьниками обратной связи о том, как их воспринимает класс. Данную информацию психолог может использовать в работе с подростками, убежденными в своей ничтожности и ненужности, откуда вытекают различные психологические состояния;
- формировании сплоченности в классе, которая формируется благодаря тому, что психолог и учитель уделяют каждому внимание и поддерживают, увеличивая тем самым ресурсные возможности подростка, особенно если он растет в неблагополучной семье;
- психолог, опираясь на естественную потребность подростков в общении, обмене мнениями и чувствами, должен направить их на превентивные цели, содействуя психическому здоровью;
- проведении индивидуальной психологической работы со школьниками по запросу директора или педагога (например, при возникновении конфликтной ситуации в классе);
- мотивировании школьников к открытому взаимодействию в коллективе и обеспечении их психологической комфортности.

Такая работа со школьниками позволит установить причины и условия аморального, вызывающего поведения детей, предотвратить преступное поведение, агрессию к своим одноклассникам.

На данный момент нельзя сказать, что в муниципальных автономных образовательных учреждениях коррекционная деятельность с подростками выстроена эффективным образом. Каждые 20–30 лет поколение меняется, это означает, что появляются новые взгляды,

правила и тенденции в обществе. Психология современных подростков отличается от той, для анализа которой были составлены тесты, используемые сегодня в работе с учениками в школах. Кроме того, используемые в школах диагностические методы практически не раскрывают душевное состояние учеников. Но в связи с тем что речь идет о подростках, все обуславливающие факторы необходимо рассматривать в совокупности для своевременной профилактики отклоняющегося поведения.

Если проследить криминогенный возраст несовершеннолетних, то окажется, что 14–17-летние, а чаще 16–17-летние подростки становятся субъектами преступлений и попадают в статистику. В данном возрасте у детей формируются субъективные взгляды на жизнь, расширяется круг публичных и досуговых мероприятий, происходит сепарация от родителей, опекунов. Но психологическая незрелость, неумение без посторонней помощи управлять и распоряжаться своей жизнью, принимать самостоятельные решения и нести ответственность за их последствия иногда приводят к нарушениям административного или уголовного законодательства.

Принимая во внимание вышеизложенное, требуется совершенствование системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, включающей комплекс социальных, правовых, психолого-педагогических, медико-социальных, воспитательных, в том числе правовоспитательных, и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению несовершеннолетними правонарушений и антиобщественных действий. Указанные меры, включающие в себя современные научные методы, ресурсы и возможности и осуществляющиеся в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и их семьями, должны способствовать раннему предупреждению и коррекции девиантного поведения детей и подростков [1].

Реализацию указанных предложений в распоряжении Правительства РФ от 18 марта 2021 года № 656-р можно начать с обеспечения досуга несовершеннолетних в муниципальных автономных образовательных учреждениях, особенно во время длительных каникул, когда большую часть времени дети предоставлены сами себе. Психологу рекоменду-

ется внести в план мероприятия занятости подростков, особенно из малообеспеченных семей, волонтерство, посещение приютов для животных. Классному руководителю организовывать посещения бесплатных спортивных секций, электронных библиотек в стенах школ.

Школьники осваивают ценности и нормы общества в процессе своего развития. Дети, которые обучаются в одном классе, т. е. принадлежат к одному сообществу, обладают различными чертами личности из-за разных культурных традиций и стилей воспитания. Это также необходимо учитывать при психологическом диагностировании класса с целью профилактики отклоняющегося поведения.

Развитие личности несовершеннолетнего по своему содержанию обусловлено тем, что общество ожидает от ребенка определенного социально приемлемого поведения, навязывает ему идеалы, ставят задачи, не соответствующие его возрастным возможностям. Все это может порождать чувство беспомощности, раздраженности и, как правило, выливаться в отклоняющееся от нормы поведение. Однако стадии психического развития ребенка находятся под влиянием биологического начала. Изучение и понимание этих последовательностей и вытекающих из них психических особенностей и возможностей обучения и восприятия необходимо школьному психологу для оказания своевременной помощи несовершеннолетнему. Психика ребенка, постепенно созревая, проходит ряд следующих друг за другом стадий. На каждой стадии формируется определенное качество, которое закрепляется в структуре личности и сохраняется в следующие периоды жизни. Поэтому специалистам важно отслеживать состояние психического здоровья несовершеннолетнего и проводить встречи с родителями школьников с целью профилактического разъяснения им возрастных особенностей ребенка.

Подростки активно познают окружающий мир и идентифицируют себя с ним, моделируют отношения со взрослыми, которые складываются во всех сферах их жизни. Особенности их возраста являются: повышенная внушаемость, сочетающаяся с оппозиционным отношением к запретам и предписаниям; максимализм; преимущественная ориентация на неформальную группу; стремление к самостоятельности и самоутверждению; неустойчивость самооценки.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным проводить в муниципальных автономных образовательных учреждениях обязательные классные часы по формированию правовой культуры и толерантного поведения уже с 1 по 5 класс, а также информационные выступления, посвященные пагубному воздействию плохой компании, интернет-ресурсов, пропагандирующих отклоняющееся поведение, насилие и агрессию, с 6 по 11 класс. В план работы школьного психолога на регулярной основе необходимо включать классные часы на тему «Уголовная и административная ответственность несовершеннолетних», в рамках которых говорить об ответственности ребенка перед законом, о наиболее часто совершаемых подростками преступлениях и их последствиях, особенностях наказаний, предусмотренных для малолетних, а также заслушивать рассказы школьников о том, как они проводят свободное время и выходные дни с родителями.

Литература

1. Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года и плана мероприятий на 2021–2025 годы по ее реализации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 марта 2021 года № 656-р. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). М., 1993.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 1995 года № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

Раннее правовое просвещение несовершеннолетних в школьных стенах должно пролить свет на судьбу ребенка, поставленного на учет в полиции, совершившего уголовное или административное правонарушение, пояснить, какие ограничения могут возникнуть при поступлении в образовательные организации МВД России, Минобороны России, ФСБ России и др. Главная задача педагога в этом случае заключается в рассеивании иллюзий среди школьников относительно их безнаказанности.

По нашему мнению, вышеперечисленные особенности профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних в муниципальных автономных образовательных учреждениях позволят своевременно предотвратить нарушение подростками моральных устоев в обществе, а также норм административного и уголовного законодательства.

Bibliography

1. Concept for the development of a system for the prevention of neglect and juvenile delinquency for the period up to 2025 and an action plan for 2021–2025 for its implementation: decree of the Government of the Russian Federation d.d. March 18, 2021 № 656-r // Access from reference legal system «Garant».
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on Dec. 12, 1993). Moscow, 1993.
3. Family Code of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 29, 1995 № 223-FL (as amended on 08.03.2018) // Access from reference legal system «Garant».

Топилина Анна Васильевна
Topilina Anna Vasilievna

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент.
Тел.: + 7 908 186-86-92.

Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy, Associate Professor.

**СПЕЦИФИКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ САЛЬВАДОР В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН
И БОРЬБЫ С ФЕМИНИЦИДАМИ**

**Specificity of the Republic of Salvador criminal legislation relating
to the protection of women's rights and the fight against femicides**

В статье рассматривается комплекс мер, принимаемых государствами Латинской Америки в целом и Республикой Сальвадор в частности для защиты прав женщин как особых участников правовых отношений. Анализируется законодательство Сальвадора, в том числе статьи Уголовного кодекса республики, квалифицирующие преступления против женщин как особый вид противоправных деяний.

Ключевые слова: защита прав женщин, феминцид, насилие, Латинская Америка, уголовное право, гендерное насилие, дискриминация по половому признаку.

The article discusses a set of measures taken by the states of Latin America in general and the Republic of El Salvador in particular to protect the rights of women as special participants in legal relations. The legislation of El Salvador is analyzed, including the articles of the Criminal Code of the Republic, which qualify crimes against women as a special type of illegal acts.

Keywords: protection of women's rights, femicide, violence, Latin America, criminal law, gender-based violence, gender discrimination.

Уголовное законодательство отдельных стран и регионов отражает специфику традиций и отношений к тем или иным действиям. Если говорить о дискриминации и защите прав женщин, то советское общество, наделив всех одинаковыми правами и назвав гендерно нейтральным словом «товарищи», полностью устранило проблему явного или воображаемого неравенства, против которого боролись женщины США и европейских стран.

Проблема неравенства и его истоков до сих пор является предметом дискуссии в регионах, которые находятся под влиянием англосаксонской и европейской культур. Сегодня борьба за права угнетаемых меньшинств, как известно, приобрела всеобъемлющий характер и порой принимает самые специфические формы.

Говоря о традиционной легальной форме борьбы с гендерным неравенством, стоит отметить, что в Российской Федерации женщины имеют особые права, связанные с их положением в семье, которые отражены в трудо-

вом и семейном законодательстве. Однако в УК РФ отсутствуют статьи, которые отдельно рассматривают преступления против женщин. Даже в гл. 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» жертвы не разделяются по половому признаку.

Иначе обстоят дела в Латинской Америке. Находясь под длительным влиянием англосаксонской культуры, в частности США, в государствах данного региона сформировалась собственная традиция защиты прав женщин. В странах Латинской Америки используется специальный термин для обозначения преступлений против женщин – «феминциды».

Несомненно, насилие в отношении женщин является проблемой мирового масштаба, но в государствах Латинской Америки и Карибского бассейна она стоит крайне остро. Это в значительной степени объясняется тем, что традиционная патриархальная культура регулирует практически все стороны повседневной

жизни, ущемляет и ограничивает права и свободы женщин, укореняет насилие в отношении них, порождает стереотипы и воспроизводит дискриминацию. Ситуацию усугубляют низкий уровень доходов населения и значительное неравенство между гражданами стран Латинской Америки, которые обостряют агрессию.

Во всем мире гендерное насилие признается нарушением прав человека, а также имеет важные последствия для безопасности, укрепления социальной сплоченности и здорового развития женщин и девочек в обществе. Наряду с социальными издержками, это также сопряжено с высокими расходами на здравоохранение, экономику и правосудие, которые, если их не реализовать, влекут за собой долгосрочные последствия в виде снижения производительности труда и экономического роста в стране [10].

Гендерное насилие в отношении лиц женского пола, а также высокие показатели их убийств в Латиноамериканском регионе являются фактором, вызывающим большую озабоченность у правительств.

В 2007 году на Региональной конференции по положению женщин в Латинской Америке и Карибском бассейне создан Наблюдательный центр по вопросам гендерного равенства в Латинской Америке и Карибском бассейне (далее – Наблюдательный центр). Наблюдательный центр осуществляет контроль за достижением международных целей в области гендерного равенства в Латинской Америке, отслеживает физическую и экономическую самостоятельность женщин и их самостоятельность в принятии решений, которая предоставляется правительствам для учета такой информации при разработке государственной политики. Наблюдательный центр по просьбе государственных учреждений организует в них учебные занятия по механизмам, способствующим обеспечению гендерного равенства.

Согласно официальным данным Наблюдательного центра, изучение 24 стран региона показало, что в 2019 году в 18 государствах Латинской Америки и 6 странах Карибского бассейна зарегистрировано 4 640 случаев убийств женщин [6].

Положение женщин и девочек усугубилось во время пандемии COVID-19. Ограничения на передвижение, введенные в рамках борьбы с распространением инфекции, осложнили

доступ женского населения к службам поддержки. Правительства этих стран сообщили Наблюдательному центру о введении в этот период более чем 90 мер, направленных на борьбу с насилием в отношении женщин. В отчете Наблюдательного центра подчеркивалась реакция стран, для которых борьба с преступлениями против женщин была объявлена крайне важной. Однако в условиях пандемии осуществление расследований и работа судебной системы были затруднены, что увеличило риск безнаказанности за данные виды преступлений [8].

Целью данной работы является анализ опыта борьбы с преступлениями против женщин в Республике Сальвадор как типичном представителе государств Латинской Америки. Следует отметить, что в республике имеется собственный уникальный опыт в области предоставления легальных инструментов и реализации публичной политики, которая должна гарантировать равенство мужчин и женщин.

Международными правовыми актами, направленными на предотвращение насилия в отношении женщин, ратифицированными странами Латинской Америки, являются:

– Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – КЛДЖ), принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 18 декабря 1979 года и вступившая в силу в 1981 году. На сегодняшний день КЛДЖ ратифицирована 188 государствами – членами ООН. Она обеспечивает обязательную правоприменительную основу в целях достижения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин и девочек и предусматривает, что государства-участники должны учитывать гендерную проблематику во всех своих учреждениях, политике и действиях для обеспечения равного обращения, т. е. нивелирования прямой или косвенной дискриминации женщин, а также улучшения фактического их положения путем содействия равенству условий или результатов [9];

– Декларация об искоренении насилия в отношении женщин 1993 года. Целью данного документа, принятого Организацией Объединенных Наций, является осуждение государствами насилия в отношении женщин, невзирая на обычаи, традиции или религиозные воззрения, которые могли бы позволить странам

уклониться от выполнения своих обязательств по его искоренению. Государства должны безотлагательно и всеми надлежащими средствами проводить политику, направленную на борьбу с насилием в отношении женщин [12];

– Межамериканская конвенция о предупреждении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин 1994 года («Конвенция Белем-до-Пара»). Авторы документа подтверждают, что насилие в отношении женщин является нарушением прав и основных свобод человека и полностью или частично ограничивает признание и осуществление женщинами этих прав и свобод. Указывают, что насилие в отношении женщин является оскорблением человеческого достоинства и проявлением властных отношений исторически сложившегося неравенства между женщинами и мужчинами и распространяется на все слои общества независимо от их класса, расы или этнической принадлежности, уровня доходов, культуры, уровня образования, возраста или религии и негативно влияет на основы общества. Согласно проекту документа искоренение насилия в отношении женщин является непременным условием их индивидуального и социального развития и их полного и равноправного участия во всех сферах жизни. Эта конвенция обязала государства, присоединившиеся к ней, включать в свое национальное законодательство уголовные, гражданские и административные и иные нормы, необходимые для предупреждения, наказания и искоренения насилия в отношении женщин.

Республика Сальвадор, помимо опоры на международные документы, создала ряд нормативных правовых актов, направленных на защиту женщин от насилия и реализацию их прав.

Сегодня искоренение насилия в отношении женщин является одной из важнейших задач Сальвадора по минимизации социальных проблем в стране. В течение нескольких лет действует специальный закон «О жизни, свободной от насилия в отношении женщин» (LEIV), который принят Законодательным собранием Республики Сальвадор 25 ноября 2010 года и вступил в силу 1 января 2012 года [5]. Закон направлен на предупреждение, санкционирование и искоренение насилия в отношении женщин, осуществление превентивных и защитных мер, необходимых для обеспечения

жизни, физической неприкосновенности и человеческого достоинства женщин; он обеспечивает особую защиту жертв сексуального насилия, детей и подростков, которая необходима для уменьшения неравенства между женщинами и мужчинами.

Кроме того, в республике принят Закон о равенстве, равноправии и ликвидации дискриминации в отношении женщин (LIE), направленный на создание четкой правовой основы государственной политики, которая обеспечит реальное и эффективное равенство женщин и мужчин без какой-либо дискриминации в реализации их прав. В связи с этим настоящий закон:

а) устанавливает основополагающие принципы, цели и нормативные положения, которые должны быть предусмотрены в политике правительства или других государственных учреждений, для того чтобы обеспечить административные, социально-политические и культурные условия, требующие юридического и фактического равенства, а также ликвидации дискриминации между сальвадорскими гражданами;

б) регламентирует деятельность национальных и муниципальных учреждений, ответственных за ее осуществление;

в) регулирует инициативы, способствующие эффективному равенству и ликвидации дискриминации в государственных учреждениях [11].

Таким образом, Республика Сальвадор создает собственные законодательные механизмы выявления, пресечения и наказания за преступления против женщин. Однако каким образом законодательство выделяет женщину в качестве особого участника правоотношений? Как отличить преступление против гражданки Сальвадора как человека от преступления против гражданки Сальвадора как женщины?

В законодательстве Сальвадора насилием в отношении женщин считаются любые действия, совершенные по признаку пола, которые причиняют смерть, ущерб, а также физические, сексуальные или психологические страдания женщинам, как в государственной, так и в частной сферах.

Насилие в отношении женщины определяется как проблема, затрагивающая весь ее жизненный цикл, в силу того, что в системе традиционных для описываемого региона ус-

тановок женщина воспринимается как второстепенный в экономическом и социальном смысле член общества. В такой ситуации насилие представляет собой механизм контроля, основанный на неравных отношениях между женщинами и мужчинами, которые воспроизводятся через социокультурные модели, подчинение и дискриминацию лиц женского пола.

Сальвадор стремится обеспечить всеобщие права человека, закрепляя в своей Конституции, что человеческая личность признается источником и целью деятельности государства, которое организовано для достижения справедливости, правовой определенности и общего блага. Следовательно, государство обязано обеспечивать гражданам республики свободу, здоровье, доступ к культуре, экономическое благосостояние и социальную справедливость. Кроме того, в ст. 144 Конституции Сальвадора говорится, что международные договоры, заключаемые с другими государствами или международными организациями, также являются законами республики [4].

Что касается нарушения прав человека, обусловленного различными формами насилия, затрагивающими жизнь, неприкосновенность и безопасность граждан, то оно квалифицируется по-разному в зависимости от пола жертв, поскольку любое нападение на женщину в рассматриваемом регионе напрямую связано с неравным распределением власти и асимметричными отношениями между женщинами и мужчинами в обществе.

Неравенство между мужчинами и женщинами не позволяет последним в полной мере реализовать свои права в социальной, политической, экономической, культурной и семейной сферах жизни, ограничивает доступ к жизни, свободной от насилия, что является нарушением их прав и основных свобод. В связи с этим необходимо было узаконить комплексный подход к решению проблемы насилия в отношении женщин.

Поэтому в 2010 году в Сальвадоре принят специальный закон «О жизни, свободной от насилия в отношении женщин» (LEIV), который следует рассмотреть более подробно. Это основной закон республики в области защиты прав женщин, целью которого является установление, признание и обеспечение права женщин на жизнь, свободную от насилия, с помощью государственной политики, ориентиро-

ванной на выявление, предупреждение, внимание, защиту, восстановление и пресечение насилия в отношении женщин для защиты их права на жизнь, достоинство, физическую и психическую неприкосновенность, свободу от дискриминации, эффективную судебную защиту, обеспечение личной безопасности, равенства и справедливости.

Право женщин на жизнь без насилия включает в себя свободу от всех форм дискриминации, право на уважение и образование, свободное от стереотипных моделей поведения, социальной и культурной практики, основанной на понятиях неполноценности или подчиненности.

В законе также говорится об осуществлении и защите прав и свобод человека, закрепленных в Конституции и действующих национальных и международных документах, включая право женщин на:

- уважение их жизни и физической, психической и нравственной неприкосновенности;
- уважение достоинства, присущего их личности, и защиту семьи женщины;
- свободу и личную безопасность;
- защиту от пыток или унижающего достоинства обращения;
- равенство перед законом;
- простую и быструю правовую защиту в компетентных судах, которые отстаивают права женщин в случае их нарушения;
- свободу союзов;
- свободу вероисповедания и убеждений;
- участие в общественных делах, включая занятия государственными должностями.

К числу основных уголовно наказуемых преступлений в отношении женщин в уголовном законодательстве Сальвадора относятся:

1. Феминицид. Лицо, причинившее женщине смерть по мотивам ненависти или презрения к ее женственности, наказывается тюремным заключением на срок от двадцати до тридцати пяти лет.

Признаками ненависти или пренебрежения к женственности являются следующие обстоятельства:

- а) смерти предшествовал какой-либо инцидент, связанный с насилием, совершенным преступником в отношении женщины, независимо от того, был ли этот факт заявлен жертвой или нет;
- б) преступник воспользовался любым состоянием физического или психологического

риска или уязвимости, в котором находилась потерпевшая женщина;

с) преступник воспользовался превосходством, которое было обусловлено неравными отношениями между мужчинами и женщинами;

д) до смерти женщины преступник совершил в отношении нее любое деяние, квалифицируемое как преступление против сексуальной свободы;

е) смерть наступила в результате нанесения увечий.

2. Убийство женщин при отягчающих обстоятельствах. Данное деяние наказывается тюремным заключением на срок от тридцати до пятидесяти лет в следующих случаях:

а) совершено государственным служащим или должностным лицом;

б) совершено двумя или более лицами;

с) совершено в присутствии родственников жертвы;

д) если жертва несовершеннолетняя (молже 18 лет) или страдает физическими или умственными недостатками;

е) если преступник имеет преимущественную силу, возникшую в результате доверительных, дружеских, бытовых, образовательных или рабочих отношений.

3. Феминицидное самоубийство путем склонения к совершению суицида или оказания помощи. Лицо, которое склоняет женщину к самоубийству или оказывает ей помощь в совершении самоубийства при любом из следующих обстоятельств, наказывается лишением свободы на срок от пяти до семи лет в следующих случаях:

а) предшествует любому виду или форме насилия, предусмотренному настоящим или любым другим законом;

б) лицо, подавшее жалобу, воспользовалось любой опасной ситуацией, физическим или психологическим состоянием, в котором находится жертва, путем применения против нее любых видов или форм насилия, предусмотренных настоящим или любым другим законом;

с) преступник воспользовался превосходством, порожденным ранее существовавшими или существующими отношениями между ним и жертвой.

Согласно статистике, с 2015 по 2019 год в Республике Сальвадор ежегодно совершалось около 20 тыс. преступлений против женщин.

В 2020 году с приходом к власти нового президента Найиба Букеле и реформированием им правоохранительной системы государства число преступлений против женщин снизилось до 16 тыс. [2]. Однако это может быть связано и с тем, что в течение 2020 года в условиях пандемии учреждения не оказывали нормальную медицинскую помощь и единственными средствами, при помощи которых женщины могли сообщить о совершении в отношении них противоправных действий, были телефон или социальная сеть. Необходимо помнить, что население Сальвадора не относится к числу процветающих и многие семьи, особенно в сельской местности, не могут себе позволить оплачивать сотовую связь или иметь стационарный телефон. Кроме того, могут существовать проблемы с покрытием сигнала сотового оператора определенных территорий [7]. Это значительно затрудняет выявление преступлений, расследование и наказание за них. Поэтому когда Наблюдательный центр регистрирует большее количество жертв в крупных населенных пунктах, особенно в столице, это может быть связано как с плотностью населения, так и с доступом городских женщин к услугам связи и службам помощи.

Если говорить о конкретных цифрах, то Управление информации и анализа Министерства юстиции и общественной безопасности Республики Сальвадор отмечает, что в период с 1 января по 30 июня 2020 года в Сальвадоре (при численности населения 6,5 млн человек) зарегистрировано 9 176 случаев насилия в отношении женщин, из которых 2 320 носят сексуальный характер. Зарегистрировано также 97 фактов совершения таких видов насилия в отношении женщин, как убийство, покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах, склонение к самоубийству и покушение на убийство. Как правило, жертвами таких преступлений становятся женщины в возрасте от 25 до 29 лет [1].

Таким образом, можно констатировать, что Республика Сальвадор, выделяя преступления против женщин в отдельную группу и регистрируя значительно число подобных деяний, принимает законодательные меры по борьбе с этим явлением и устранению неравенства женщин, к числу которых относится Межамериканская конвенция о предупреждении, наказании и искоренении насилия в отношении

женщин («Конвенции Белем-до-Пара»), а также создание Наблюдательный центр по вопросам гендерного равенства в Латинской Америке и Карибском бассейне.

Важным направлением работы является необходимость распространения и пропаганды специального закона «О жизни, свободной от насилия в отношении женщин» (LEIV) с тем, чтобы обеспечить признание женщин в Сальвадоре в качестве субъектов прав, а также сделать ставку на предотвращение, защиту

и искоренение насилия в отношении женщин и повышение осведомленности учреждений о значении гендерного подхода и права на жизнь, свободную от насилия. Кроме того, необходимо совершенствовать государственную политику, реализовывать доступ к правосудию, обеспечивать возмещение ущерба, а также учитывать межсекторальный взгляд женщин на законы и политику в области отправления правосудия.

Литература

1. Доклад о состоянии и положении дел с насилием в отношении женщин в Сальвадоре за 2020 год. URL: <https://oig.cepal.org/es/documentos/informe-estado-situacion-la-violencia-mujeres-salvador> (дата обращения: 18.03.2022).

2. Доклад о фактах насилия против женщин в Эль Сальвадоре за 2020 год. URL: <http://aplicaciones.digestyc.gob.sv/observatorio.genero/docs/Informe%20Anual%20HVCM%202020.pdf> (дата обращения: 18.03.2022).

3. Единство наций Эль Сальвадора. (2020). «Оценка LEIV: обзор прогресса и проблем». URL: <https://elsalvador.un.org/es/96098-evaluacion-de-la-leiv-panoramas-de-avances-y-desafios#:~:text=La%20LEIV%20entr%C3%B3%20en%20vigencia,el%20Estado%20salvadore%C3%B1o%20es%20firmante> (дата обращения: 18.03.2022).

4. Политическая Конституция Республики Эль Сальвадор. URL: <https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/ElSal/ElSal83.html> (дата обращения: 18.03.2022).

5. Специальный закон «О жизни, свободной от насилия в отношении женщин» (LEIV). URL: <http://www.ute.gob.sv/phocadownload/Documentos/Ley%20Especial%20Integral%20para%20una%20Vida%20Libre%20de%20Violencia%20para%20las%20Mujeres%20-%20LEIV.pdf> (дата обращения: 18.03.2022).

6. Доклад о фактах насилия против женщин. URL: <https://www.seguridad.gob.sv/dia/informe-de-hechos-de-violencia-contras-las-mujeres/> (дата обращения: 28.03.2022).

7. Ayuda en Acción (23.11.2020). Denunciar la violencia hacia las mujeres en El Salvador, un reto en la pandemia por COVID-19 (Помощь в действии. Искоренение насилия в отношении женщин в Сальвадоре, в условиях пандемии

Bibliography

1. Report on the status and situation of violence against women in El Salvador az 2020. URL: <https://oig.cepal.org/es/documentos/informe-estado-situacion-la-violencia-mujeres-salvador> (date of access: 18.03.2022).

2. Report on the facts of violence against women in El Salvador for 2020. URL: <http://aplicaciones.digestyc.gob.sv/observatorio.genero/docs/Informe%20Anual%20HVCM%202020.pdf> (date of access: 18.03.2022).

3. Unity of the Nations of El Salvador. (2020). «The LEIV Assessment: an overview of progress and challenges». URL: <https://elsalvador.un.org/es/96098-evaluacion-de-la-leiv-panoramas-de-avances-y-desafios#:~:text=La%20LEIV%20entr%C3%B3%20en%20vigencia,el%20Estado%20salvadore%C3%B1o%20es%20firmante> (date of access: 18.03.2022).

4. Political Constitution of the Republic of El Salvador. URL: <https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/ElSal/ElSal83.html> (date of access: 18.03.2022).

5. Special Law «On Life free from violence against women» (LEIV). URL: <http://www.ute.gob.sv/phocadownload/Documentos/Ley%20Especial%20Integral%20para%20una%20Vida%20Libre%20de%20Violencia%20para%20las%20Mujeres%20-%20LEIV.pdf> (date of access: 18.03.2022).

6. Report on the facts of violence against women. URL: <https://www.seguridad.gob.sv/dia/informe-de-hechos-de-violencia-contras-las-mujeres/> (date of access: 18.03.2022).

7. Help in Action. (23.11.2020). Denounce violence against women in El Salvador, a challenge in the COVID-19 pandemic. URL: <https://ayudaenaccion.org/ong/proyectos/america/violencia-mujeres-salvador/> (date of access: 18.03.2022).

COVID-19). URL: <https://ayudaenaccion.org/on/proyectos/america/violencia-mujeres-salvador/> (дата обращения: 28.03.2022).

8. Comisiyñ Econymica para Amйrica Latina y el Caribe. (24.11.2020). Preocupa la persistencia de la violencia contra las mujeres y las nicas en la regiyn y su mбxima expresiyn, el feminicidio o femicidio (Экономическая комиссия стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Обеспокоенность фактами продолжающегося насилия в отношении женщин и девочек в регионе и его максимальное выражение в виде феминицидов). URL: <https://www.cepal.org/es/comunicados/cepal-preocupa-la-persistencia-la-violencia-mujeres-ninas-la-region-su-maxima-expresion> (дата обращения: 28.03.2022).

9. Convenciyñ sobre la Eliminaciyñ de todas formas de Discriminaciyñ contra la Mujer (CEDAW, 2011). (Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин). URL: <https://mexico.unwomen.org/es/digiteca/publicaciones/2011/12/cedaw#:~:text=La%20CEDAW%20fue%20adoptada%20en,los%20derechos%20de%20la%20mujer>. (дата обращения: 28.03.2022).

10. Foreign Affairs Latinoamerica. (27.09.2018). La violencia contra las mujeres en Latinoamйrica. (Иностранные дела Латинской Америки. Насилие против женщин в Латинской Америке). URL: <https://revistafal.com/la-violencia-contra-las-mujeres-en-latinoamerica/> (дата обращения: 28.03.2022).

11. Ley de igualdad, equidad y erradicaciyñ de la discriminaciyñ contra las mujeres de 2011. D.O. № 70 (Закон о равенстве, равноправии и ликвидации дискриминации в отношении женщин 2011 года). URL: <https://isdemu.gob.sv/wp-content/uploads/2020/10/LIE.pdf> (дата обращения: 28.03.2022).

12. Declaraciyñ sobre la eliminaciyñ de la violencia contra la mujer. Naciones Unidad (1993) (Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. ООН. 1993). URL: <https://www.ohchr.org/es/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-violence-against-women#:~:text=Los%20Estados%20deben%20condenar%20la,la%20violencia%20contra%20la%20mujer> (дата обращения: 28.03.2022).

8. Economic Commission for Latin America and the Caribbean. (24.11.2020). There is concern about the persistence of violence against women and girls in the region and its maximum expression, femicide or femicide. URL: <https://www.cepal.org/es/comunicados/cepal-preocupa-la-persistencia-la-violencia-mujeres-ninas-la-region-su-maxima-expresion> (date of access: 18.03.2022).

9. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW, 2011). URL: <https://mexico.unwomen.org/es/digiteca/publicaciones/2011/12/cedaw#:~:text=La%20CEDAW%20fue%20adoptada%20en,los%20derechos%20de%20la%20mujer> (date of access: 18.03.2022).

10. Foreign Affairs Latin America. (27.09.2018). Violence against women in Latin America. URL: <https://revistafal.com/la-violencia-contra-las-mujeres-en-latinoamerica/> (date of access: 18.03.2022).

11. The Equality, equity and eradication of discrimination against women Act of 2011. D.O. № 70. URL: <https://isdemu.gob.sv/wp-content/uploads/2020/10/LIE.pdf> (date of access: 18.03.2022).

12. Declaration on the elimination of violence against women. United Nations (1993). URL: <https://www.ohchr.org/es/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-violence-against-women#:~:text=Los%20Estados%20deben%20condenar%20la,la%20violencia%20contra%20la%20mujer> (date of access: 18.03.2022).

Чернобровкина Наталья Игоревна
Chernobrovkina Natalia Igorevna

доцент кафедры экономической социологии и регионального управления Южного федерального университета, кандидат философских наук, доцент.
E-mail: nichernobrovkina@sfedu.ru

Associate Professor, Department of Economic Sociology and Regional Management, Southern Federal University, PhD in Philosophy, Associate Professor.

ЭТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ethical control of the dissemination of information in the digital space: setting of a problem

В статье рассматривается проблема соотношения высокой степени индивидуальной свободы в цифровом пространстве и формирования норм социальной ответственности за качество распространяемой ими информации. Отмечается, что правовой контроль в виде цензуры как совокупности норм ограничительного и запретительного характера находится в количественной зависимости от норм этического контроля, который включает в себя нормы самоорганизации – уважительное отношение сетевых акторов друг к другу в процессе коммуникации и представленность достоверной информации в цифровом пространстве. Они находятся в зависимости от устойчивости норм социальной ответственности – рациональных отношений, базирующихся на принципах важности получаемой информации и осознанности задач по ее использованию. Автор приходит к выводу, что усложнение и дифференциация информационной среды неизбежно ведут к ограничению самопроизвольных действий и следованию нормам самоорганизации в ситуации информационной свободы, при этом нормы социальной ответственности в цифровом пространстве определяются конструктивными целями и саморегуляцией поведения пользователей информации.

Ключевые слова: этический контроль в цифровом пространстве, правовой контроль в цифровом пространстве, цифровая этика, социальная ответственность в цифровом пространстве, нормы самоорганизации субъектов сетевого сообщества.

The article examines the problem of the correlation between the high degree of freedom of actors in the digital space and the formation of norms of social responsibility for the quality of the information they disseminate. It is noted that legal control in the form of censorship, as a set of restrictive and prohibitive norms, is quantitatively dependent on the norms of ethical control, the latter includes the norms of self-organization – the respectful attitude of network actors to each other in the process of communication and the representation of reliable information in the digital space. They depend on the stability of the norms of social responsibility – rational relations based on the principles of the importance of the information received and the awareness of the tasks for its use. The author comes to the conclusion that the complication and differentiation of the information environment inevitably leads to the limitation of spontaneous actions and adherence to the norms of self-organization in a situation of information freedom, while the norms of social responsibility in the digital space are determined by constructive goals and self-regulation of the behavior of information users.

Keywords: ethical control in the digital space, legal control in the digital space, digital ethics, social responsibility in the digital space, norms of self-organization of the subjects of the network community.

Сегодня в цифровом мире приобретает особую актуальность проблема социального контроля. С одной стороны, это связано со свободой обмена информацией, ее анонимностью, что нередко ведет к нарушению прав интеллектуальной собственности, вмешательству в частную жизнь, распространению в Сети идей насильственного экстремизма. По мнению

исследователей, «среди информационных потоков трудно контролировать, так как формируются условия для свободы обмена информацией, но в то же время неконтролируемый статус этой среды позволяет использовать ее в качестве инструмента организации определенной формы человеческого восприятия событий в контексте информационных войн,

кибератак» [6, с. 24]. Для обеспечения прав и свобод граждан в цифровом пространстве осуществляется государственное регулирование распространения информации посредством цензуры как вида социального контроля.

В научной литературе цензура рассматривается как «контроль официальных (светских или духовных) властей за содержанием, выпуском в свет и распространением печатной продукции, содержанием (исполнением, показом) пьес и других сценических произведений, кино-, видео- или фотопроизведений, произведений изобразительного искусства, радио- и телевизионных передач, а иногда и частной переписки, с тем чтобы не допустить или ограничить распространение идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными» [2]. Следовательно, посредством цензуры осуществляется предварительный контроль подготовки информации и последующий контроль ее распространения в сети Интернет. Нормы такого контроля носят преимущественно ограничительный и запретительный характер, поскольку направлены на обеспечение социальной стабильности и общественной безопасности. Они призваны «защищать от оскорблений и морального унижения детей, женщин, инвалидов, пожилых людей, религиозные, этнические и сексуальные меньшинства» [3, с. 15].

В России используются преимущественно карающие средства правового контроля в отношении распространения информации, касающейся экстремистской деятельности, а также причиняющей вред развитию и здоровью детей, содержащей персональные данные лиц, которые не выразили на это согласие. Такие нормы закреплены в федеральных законах от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 8 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Карающий характер правового контроля в цифровом пространстве проявляется в действиях Роскомнадзора, который может «блокировать сайты по запросу Генпрокуратуры без санкции суда. Любой сайт можно будет заблокировать всего за час, если его контент, по мне-

нию прокуратуры, носит экстремистский характер». Критика карающего характера правового контроля связана с широким определением экстремистских действий в законе, поскольку к ним относятся «призывы к массовым беспорядкам, разжиганию межнациональной и межконфессиональной розни, к участию в террористической деятельности и к участию в публичных массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка» [1, с. 44].

Мнения экспертов о неограниченных полномочиях Роскомнадзора и Генпрокуратуры и их карающих действий различны. Так, директор Лиги безопасного интернета Д. Давыдов считает, что карающие действия правовых структур «в отношении детской порнографии, наркотиков, суицидов доказали свою эффективность. Это сдерживающий фактор для владельцев других интернет-ресурсов, в том числе с контентом, который производят сами пользователи, и это стимул внимательнее относиться к тому, что размещают пользователи и проверять группы, публичные странички на предмет соответствия законодательству» [4]. Другие исследователи полагают, что карающие действия правовых структур не столько нарушают свободу мысли и слова, сколько малоэффективны в условиях цифрового пространства. Они не могут обеспечить соблюдение прав интеллектуальной собственности и распространение идей экстремизма в интернет-пространстве, защиту частной жизни и личной свободы. Происходит это в результате абсолютизации правового контроля, при создании норм которого не учитывается специфика информационно-коммуникативной среды.

Практики и теоретики, занимающиеся исследованиями правового контроля в условиях цифровизации, отмечают необходимость разработки правовых норм с учетом адекватности им санкций в интернет-пространстве. Это, безусловно, представляет определенную сложность, поскольку непросто уставить субъекта, который несет ответственность за противоправные действия, и, кроме того, развитие информационной среды осуществляется стремительно и с трудом поддается правовому регулированию по причине анонимности, опережающего развития и процедурной специфики. В этих условиях абсолютизация правового

контроля как эффективного способа нормативного регулирования едва ли целесообразна. Поэтому возникает важный вопрос: какой способ нормативного регулирования в условиях цифрового пространства наиболее приемлем?

В теории социальный контроль рассматривается как зависимая переменная. В частности, исследователи выделяют формальный и неформальный контроль, правовой и конвенционный. Эти виды контроля находятся в отношениях количественной зависимости: ужесточение норм формального или правового контроля ведет к снижению уровня неформального или конвенционального и наоборот. Следовательно, правовой контроль как государственное регулирование распространения и использования информации в сети Интернет находится в зависимости от этического контроля, субъектами которого выступают: корпоративное, преимущественно журналистское сообщество; сетевое сообщество – блогеры; индивиды как саморегулируемое сообщество. Он направлен на регулирование этических отношений в интернет-пространстве в условиях, когда правовые нормы только формируются.

В отношении области социального знания, изучающего нормы этического контроля, исследователи используют различные термины: «виртуальная этика», «цифровая этика», «сетевая этика», «интернет-этика» и «нетикет». Также формируются различные научные направления, рассматривающие формирование новых норм этики в цифровом пространстве: «информационная этика (исследует моральные проблемы, появляющиеся в связи с развитием и применением информационных технологий); компьютерная этика (вопрос о правильном и неправильном использовании информации в информационном обществе); киберэтика (философская область этики, относящаяся к компьютерам, охватывающая поведение пользователей, то, на что запрограммированы компьютеры, и каким образом это влияет на отдельных людей и общество в целом» [5, с. 113].

Основные принципы цифровой этики, определяющие нормы этического цифрового контроля, разрабатываются международными организациями – ООН и ЮНЕСКО. В рамках деятельности ООН были подготовлены такие документы, как Декларация принципов инфор-

мационного общества, Кодекс этики информационного общества. В 2011 году на сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО «был рассмотрен Кодекс этики информационного общества, в котором утверждалось, что в информационном пространстве, как и в реальной жизни, должны оставаться незыблемыми права и свободы человека» [8].

В России существует Лига безопасного интернета, задачами которой являются: «противодействие распространению опасного интернет-контента; объединение профессионального сообщества, участников интернет-рынка для выработки механизмов саморегуляции сообщества во избежание введения цензуры; помощь государственным структурам в борьбе с созданием и распространением опасного контента: детской порнографии, пропаганды наркомании, насилия, фашизма и экстремизма и т. д.» [6, с. 24].

Таким образом, сегодня разрабатываются принципы новой информационной этики, в соответствии с которыми формируются и институционализируются нормы этического контроля в цифровом пространстве. В этом контексте можно выделить нормы самоорганизации и ответственной зависимости. Первые определяют границы самопроизвольных решений представителей сетевого сообщества с учетом их личной и коллективной независимости в виде неформальных правил поведения. Нормы ответственной зависимости иерархичны и представлены в виде статусов (прав, обязанностей) и ролей (поведенческих ожиданий), координирующих активность индивидов при достижении коллективных целей. Проблемы, связанные с формированием этих видов норм, активно обсуждаются учеными в научной литературе [10, с. 54–59].

Нормы самоорганизации в цифровом пространстве объективируются в такие правила, как уважительное отношение друг другу в процессе коммуникации и представленность достоверной информации [9]. Их основанием являются свобода, уважение человеческого достоинства, неприкосновенность частной жизни. Большинство исследователей озабочены противоречивостью ценностных установок поведения представителей сетевого сообщества. Выдвигаются гипотезы о формировании новой неклассической системы ценностей в цифровом пространстве, резонирующей с

традиционной, звучат призывы к их выявлению. Такая позиция весьма сомнительна. Культурный отбор ценностей осуществляет правящая элита, которая формирует основные идеологические принципы и легализует их в виде правовых норм. Затем в ходе социализации они транслируются и интернализируются. Этот процесс не может осуществляться в цифровом пространстве сетевыми акторами. Другое дело, если речь идет о субкультурах, которые посредством цифровых технологий расширяют свои границы и число последователей. Но они не могут конкурировать с метаюридическими ценностями и изменять ценностные ориентиры. Гедонистические ценности, о которых пишет большинство ученых при изучении специфики сетевой коммуникации, есть продукт развития потребительского общества и социально-экономических условий развития. Возможно, цифровые технологии благоприятствуют распространению различных видов аддиктивного поведения (игромании, шопоголизма, «пикапа» и др.), но это изменение стиля жизни вызвано внешними экономическими условиями.

Усложнение и дифференциация информационной среды неизбежно ведут к ограничению самопроизвольных действий и следованию нормам самоорганизации в ситуации информационной свободы. Высокий уровень информированности потребителей неизбежно увеличивает конкуренцию сетевых акторов и улучшает качество предоставляемых ими услуг в виде достоверной информации. Уважительное отношение представителей сетевого сообщества друг к другу формируется исходя из устойчивости норм ответственной зависимости, основных правил совместных действий, за нарушение которых следуют негативные санкции. В отношении физического лица эти санкции представлены исключением из сетевой группы в результате осуждения поведения одного из ее членов или порицанием действий в виде отзывов о нем в чатах, обсуждения его в тех же группах. Они направлены на осознание и формирование социальной ответственности индивида за его поведение в цифровом пространстве, социальных сетях. По мнению исследователей, проблема соотношения высокой степени свободы и становления норм социальной ответственности разрешается тогда, когда индивид приходит к понима-

нию необходимости или ограничения доступа к сетевой информации и степени своего участия в коммуникативном процессе. Это возможно в случае выстраивания рациональных отношений в цифровом пространстве на основе принципа важности получаемой информации и осознанности задач по ее использованию.

Если нормы социальной ответственности, устанавливаемые человекам в цифровом пространстве для себя, направлены на саморегуляцию, то в отношении сетевого сообщества принимаются во внимание интересы различных его участников. Особый интерес представляет этический контроль деятельности блогеров, правила поведения которых вырабатывались в результате неформальной коммуникации. В 2014 году в рамках Федерального закона от 5 мая 2014 года № 97 предпринята попытка «законодательно урегулировать деятельность блогеров, фактически приравняв блоги к средствам массовой информации, но федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 276 из законодательства понятие “блогер” было изъято, а сами блогеры оказались вне сферы правового регулирования». Согласно закону блогер должен был добровольно зарегистрироваться в соответствующей инстанции и в своей деятельности «избегать клеветнической информации и оскорблений, соблюдать финансовые обязательства», но в силу отмены закона статус блогеров в настоящее время, равно как и права и обязанности, отсутствуют. Вместе с тем «в России сегодня 67 тысяч СМИ, тогда как блогеров намного больше. Только в социальной сети “Инстаграм” было зарегистрировано свыше двухсот тысяч блогеров, 779 из которых имели свыше миллиона подписчиков» [7]. Проблема наделения блогеров правовым статусом возникла из-за неопределенности классификации их деятельности. Попытка приравнять их деятельность к журналистской или публицистической оказалась малоэффективной, поскольку для ее осуществления требуется определенная квалификация. Однако из-за назревшей, прежде всего экономической, необходимости (например, распространение рекламы, стоимость которой, по мнению экспертов, может в среднем оцениваться свыше пятнадцати млрд рублей в год) законодатель хочет приравнять этот вид деятельности к

журналистской с соответствующими правами и обязанностями.

Следовательно, деятельность блогеров должна регламентироваться нормами этического контроля. По своему характеру она близка к журналистской, но в силу своей корпоративности и правового статуса журналисты несут ответственность за публичную информацию перед собственной аудиторией, профессиональным сообществом, редакционным коллективом, героями статей. Этическое регулирование этой деятельности осуществляется посредством норм самоорганизации, закрепленных в этическом кодексе, и норм социальной ответственности. В среде блогеров нормы самоорганизации только формируются, что снижает уровень социальной ответственности в отношении размещенного контента информации в сети Интернет. Выход из сложившейся ситуации, как представляется, состоит в саморегуляции поведения пользователей информации. В частности, выбор информационных ресурсов в поисковых системах и среды общения, ее трансляция в Сети предполагают определенный уровень социальной ответственности. Скептически к этой позиции относятся исследователи, которые подчеркивают виртуальный характер среды, подменяющей реальность и в силу анонимности не допускающей формирование устойчивых норм социальной ответственности.

Любой вид деятельности определяется конструктивными целями, базирующимися на определенной системе ценностей и удовлетворении соответствующих потребностей, поэтому качественная профессиональная информация, направленная на решение профессиональных, культурно-развивающих задач, находит стремительную поддержку и аудиторию.

Таким образом, контроль в цифровом пространстве осуществляется посредством государственного регулирования распространения информации в виде цензуры как совокупности норм ограничительного и запретительного характера. С одной стороны, карающие меры такого контроля направлены на обеспечение социальной стабильности и общественной безопасности, а с другой стороны, как показывает практика, они не всегда эффективны в условиях цифрового пространства. Это связано со сложностями в определении субъекта

контроля, который несет ответственность за противоправные действия, а также особенностью развития информационной среды, которая с трудом поддается правовому регулированию по причине анонимности, опережающего развития и процедурной специфики, поэтому правовой контроль регулирования, распространения и использования информации в сети Интернет находится в зависимости от этического контроля, субъектами которого выступают: корпоративное, преимущественно, журналистское сообщество; сетевое сообщество – блогеры; индивиды как саморегулируемое сообщество.

Этический контроль в цифровом пространстве формируется в виде норм самоорганизации и социальной ответственности. Первые объективируются в такие правила, как уважительное отношение друг к другу в процессе коммуникации и представленность достоверной информации, основанием которых выступают свобода, уважение человеческого достоинства, неприкосновенность частной жизни. Уважительное отношение представителей сетевого сообщества обусловлено устойчивостью норм ответственной зависимости как рациональных отношений, базирующихся на принципах важности получаемой информации и осознанности задач по ее использованию.

Усложнение и дифференциация информационной среды неизбежно ведут к ограничению самопроизвольных действий и следованию нормам самоорганизации в ситуации информационной свободы. Высокий уровень информированности потребителей неизбежно повышает конкуренцию сетевых акторов и качество предоставляемых ими услуг в виде достоверной информации. Проблема соотношения высокой степени свободы и становления норм социальной ответственности разрешается тогда, когда человек осознает необходимость или ограничение доступа к сетевой информации и степень своего участия в коммуникативном процессе. Если нормы социальной ответственности, устанавливаемые в цифровом пространстве «для себя», направлены на саморегуляцию, то в отношении сетевого сообщества принимаются во внимание конструктивные цели акторов в цифровом пространстве, соответствующие интересам различных его участников.

Литература

1. Дзялошинская М.И. Социально ответственное поведение в Интернете: поиски модели // Вопросы теории и практики журналистики, 2019. № 4. Т. 1.
2. Князев А.А. Цензура // Энциклопедический словарь СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://smi.academic.ru> (дата обращения: 12.04.2022).
3. Левченко И.Е. Виды цензуры // Актуальные проблемы культурологии: материалы научно-практической конференции, посвященной памяти В.И. Колосницына (Екатеринбург, 14–15 апреля 2000 г.). Екатеринбург, 2000.
4. Любой сайт могут заблокировать всего за час [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bfm.ru/news/245757> (дата обращения: 12.04.2022).
5. Малькова Е.Ю. Принципы виртуальной этики // Религия и нравственность в секулярном мире: материалы научной конференции. Серия «Symposium». СПб., 2001. Вып. 20.
6. Назарова Ю.В., Анищенко О.С. Новая цифровая этика в виртуальном пространстве: дилеммы контроля и этической экспертизы // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. № 4–1.
7. Уроки «закона о блогерах»: сб. Международной научно-практической конференции. Москва, ноябрь 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/uroki-zakona-o-bloggerakh/> (дата обращения: 14.04.2022).
8. Ethical code of Information society. 36 general conference of UNESCO [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002126/212696e.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).
9. Shea V. Netiquette [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ludost.net/nettiquette/> (дата обращения: 14.04.2022).
10. Лубский А.В., Лубский Р.А., Пестов Р.А. Особенности рефлексивных и нерефлексивных структур правового поведения в современном российском обществе // Философия права. 2019. № 1(88).

Bibliography

1. Dzyaloshinskaya M.I. Socially responsible behavior on the Internet: the search for a model // Questions of theory and practice of journalism, 2019. № 4. Vol. 1.
2. Knyazev A.A. Censorship // Encyclopedic Dictionary of Mass Media. [Electronic resource]: URL: <https://smi.academic.ru/230/> (date of access: 12.04.2022).
3. Levchenko I.E. Types of censorship // Actual problems of cultural studies: materials of the scientific and practical conference dedicated to the memory of V.I. Kolosnitsyn, Yekaterinburg, April 14–15, 2000. Yekaterinburg, 2000.
4. Any site can be blocked in just an hour [Electronic resource]. URL: <http://www.bfm.ru/news/245757> (date of access: 12.04.2022).
5. Malkova E.Yu. Principles of virtual ethics. Materials of the scientific conference «Religion and Morality in the Secular World». Symposium Series. Issue 20. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. 2001.
6. Nazarova Y.V., Anishchenko O.S. New Digital Ethics in the Virtual Space: Dilemmas of Control and Ethical Expertise // Humanitarian statements of the TSPU named after. L.N. Tolstoy, 2019. № 4–1.
7. Lessons from the «blogger law». International scientific and practical conference. Moscow, November 2020 [Electronic resource]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/uroki-zakona-o-bloggerakh/> (date of access: 14.04.2022).
8. Ethical code of information society. 36 general conference of UNESCO [Electronic resource]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002126/212696e.pdf> (date of access: 14.04.2022).
9. Shea V. Netiquette [Electronic resource]. URL: <http://www.ludost.net/nettiquette/> (date of access: 14.04.2022).
10. Lubsky A.V., Lubsky R.A., Pestov R.A. Features of reflexive and non-reflexive structures of legal behavior in modern Russian society // Philosophy of Law. 2019. № 1(88).

Рожковский Виталий Борисович
Rozhkovsky Vitaly Borisovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России, доктор философских наук, доцент.
E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

**ФЕНОМЕН НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ И СЕКТ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ: РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ,
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА**

**Phenomenon of new religious movements and cults in the Russian public
consciousness: theological, confessional and state-legal assessment**

Выделяются особенности восприятия феномена новых религиозных движений и сект в российском общественном сознании на протяжении последних трех десятилетий. Анализируются достоинства и недостатки религиоведческого и конфессионального подходов к пониманию и оценке этого феномена, дается его государственно-правовая оценка в Российской Федерации.

Ключевые слова: новые религиозные движения, секта, тоталитарная секта, традиционные конфессии, гиперсакрализация, религиозный экстремизм, религиоведческий и конфессиональный подходы, религиоведческая экспертиза.

The features of the perception of the phenomenon of new religious movements and sects in the Russian public consciousness over the past three decades are highlighted. The advantages and disadvantages of religious studies and confessional approaches to understanding and evaluating this phenomenon are analyzed, and its state-legal assessment in the Russian Federation is given.

Keywords: new religious movements, sect, totalitarian sect, traditional confessions, hypersacralization, religious extremism, religious and confessional approaches, religious expertise.

В последние десятилетия вслед за крушением советской атеистической идеологии произошли существенные изменения в российском общественном сознании, связанные с религией и духовно-религиозным опытом. В 90-е годы прошлого столетия значительное увеличение числа граждан, причисляющих себя к традиционным для России конфессиям, сопровождалось распространением и фактически экспансией новых религиозных движений и сект. Учения и деятельность последних зачастую противоречили не только ортодоксальному вероучению православия, ислама и других религий, но и историческим духовным ценностям российского общества, носили деструктивный характер. Такое положение вызвало появление различного рода антисектантских движений и обществ в традиционных конфессиях, а также формирование определенной правовой политики государства в отношении действующих на территории Российской Федерации религиоз-

ных организаций, которая получила выражение в законодательных актах и правоприменительной практике.

Неоднозначное влияние различных религиозных организаций и объединений на социум привело к появлению целого ряда оценочных суждений и понятий, а также созданию религиоведческих и правовых экспертиз для оценки и регуляции социальной, образовательной и иной деятельности данных организаций и объединений. Указанный процесс сопровождался выработкой стратегий культурной и социальной политики Российского государства, в которых были обозначены не только определенные положительные ориентиры развития общества, но и правовые механизмы предотвращения и нивелирования негативных последствий таких явлений, как религиозная нетерпимость, оскорбление чувств верующих, религиозный экстремизм и др. При этом, несмотря на то что понятие «религиозный экс-

тремизм» сохраняет свое проблемное содержание, экстремистская деятельность в области религии уже получила качественные характеристики и правовую оценку. Так, ст. 282 УК РФ предусматривает наказания за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе».

В России насчитывается довольно внушительное число последователей новых религиозных движений – более 300 тыс. Следует признать, что адепты таких движений оказывают определенное влияние на массовое общественное сознание, мнения пользователей Интернета, представителей СМИ и научного сообщества. Кроме того, у ряда организаций имеются влиятельные правозащитники.

В светской религиоведческой науке, в конфессиональной среде, правотворческой и правоприменительной практике сложились своеобразные подходы к пониманию феномена новых религиозных движений и сект. Причем если в религиоведческой литературе вместо понятия «секта» чаще употребляются такие нейтральные (безоценочные) категории, как «новые религиозные движения», «нетрадиционные религии», «харизматические движения», «новые религиозные группы», то в общественном сознании новые религиозные организации и объединения больше воспринимаются как секты со всеми негативными значениями этого явления.

Сегодня сохраняется насущная потребность в научной и объективной информации о том или ином религиозном объединении, особенно о новых религиозных движениях (далее – НРД). С одной стороны, можно согласиться с тем, что «при квалификации тех или иных религиозных групп и религиозных субкультур в качестве “экстремистских” надо быть предельно осторожными, так как часто их необычность, инаковость провоцируются институциональными (“традиционными”) конфессиями» [1]. С другой стороны, НРД получили развернутую критическую оценку, в том числе благодаря миссионерской и просветительской деятельности Русской православной церкви. Так, по мнению протоиерея Дмитрия Смирнова, «государство и народ в

их нынешнем духовном состоянии не смогли адекватно отреагировать на агрессию сект» [2, с. 9]. При этом многие секты к моменту появления первых критических систематических обзоров их деятельности, а также законодательных инициатив по ее ограничению (т. е. ко второй половине 90-х годов прошлого столетия) уже завоевали прочные позиции в определенном социальном сегменте, получив поддержку и от ряда правозащитных организаций. Последующая реакция общественного сознания на деятельность сект оказалась отчасти фрагментарной и ситуативной. О.Ю. Жуковец убежден, что экспансия и относительно успешная деструктивная деятельность НРД стали возможными «благодаря, во-первых, неосведомленности... широких слоев нашего общества относительно деструктивного характера данных религиозных новообразований, и, во-вторых, это стало следствием общего мировоззренческого и ценностного кризиса отечественного общества... В целом к середине девяностых годов в нашей стране сложилась... тревожная ситуация, напрямую угрожавшая общественным интересам» [3, с. 51–52]. Разнообразные СМИ и Интернет предоставили сектам широкие возможности для манипуляции общественным мнением, что привело не только к столкновению различных взглядов, но и «сетевым войнам» между адептами сект и их оппонентами и критиками. Как отмечает О.Ю. Жуковец, усилиями сектантов сформировалось такое выгодное для них искусственное явление, как «манипулятивная неоднозначность общественного мнения» [3, с. 58], когда всякое «иное» (критическое) суждение о секте контролируется и принципиально не разрушает ее образ. Между тем если общественности становятся известны негативные факты о секте, например принуждение к проституции или сексуальные эксплуатация, оценка ее деятельности приобретает однозначно отрицательных характер.

В такой ситуации нельзя говорить о том, что опасные для общества перспективы размывания НРД духовно-мировоззренческого пространства сегодня совершенно преодолены. В связи с этим важное значение приобретает государственная религиоведческая экспертиза деятельности НРД, осуществляемая квалифицированными специалистами, обладающими глубокими религиоведческими зна-

ниями и опытом. Следует иметь в виду, что на основании религиозно-экспертной оценки любое религиозное объединение может получить отказ в государственной регистрации или запрет на осуществление своей деятельности. Так, в 2017 году решением Верховного Суда РФ секта «Свидетели Иеговы» была признана экстремистской и запрещена на территории России.

Отметим, что согласиться с простым изменением названия всех организаций, именуемых ранее «культ» и «секта», в НРД не позволяют достаточно распространенные случаи их деструктивной для общества деятельности. Это связано с тем, что если все подобные религиозные организации будут автоматически переименованы в НРД независимо от их сходства с явлением, которое при конфессиональном подходе обозначалось терминами «культ» («деструктивный культ») или «секта», то будет упущена возможность критической оценки их деятельности. Кроме того, НРД – это не просто «новые» организации, т. е. недостаточно определять их по хронологическому критерию (как возникшие, например, не ранее 60–70-х годов XX столетия). «Всегда в число НРД попадают такие религиозные группы, которые, помимо, так сказать, новизны хронологической, обладают еще и некоторой качественной новизной, т. е. они довольно существенно отличаются от тех религий и конфессий, что нам были известны прежде, и не являются ни новыми структурными подразделениями “старых” религиозных организаций, ни группами, отколовшимися по каким-то причинам от существовавших до этого» [4, с. 82]. Наличием качественной новизны действительного содержания НРД объясняется введением английским социологом А. Баркер в научный оборот термина «новые религиозные движения», позволившего характеризовать и те религии, которые возникли ранее событий середины прошлого столетия, в частности в первой половине XIX века, и при этом значительно отличались от привычных христианских конфессий своим верованием и культовыми традициями.

В понятии НРД характеристика «новое» может относиться к изменениям в учении о вере, нравственном поведении их последователей, социальных взаимоотношениях, культовой практике, роли авторитетных представителей и т. д. или к указанию недавнего времени их появления. Во втором случае речь идет

о популярном в религиоведческой науке историческом подходе, который учитывает не только религиозные нововведения в учении и религиозно-нравственном опыте, но и исторические обстоятельства генезиса религиозных движений. Их типичными особенностями обычно являются: отсутствие укорененности верования в исторических традициях и ценностях народа, страны или отдельного региона; характер приобщения к той или иной вере; определенный харизматический статус лидеров; их адепты являются верующими в первом поколении и др. Следуя данному подходу, необходимо признать, что наиболее общими историческими обстоятельствами появления и развития НРД выступают как разочарование в вероучении традиционной (господствующей) конфессии или ее социальной организации, так и недовольство конформистскими настроениями в среде верующих – приверженцев основных религий.

В современной религиоведческой науке присутствует и социально-психологический подход, который начал развиваться в последние десятилетия и связан с интенсивным распространением экс НРД в современной России. «В начале 1990-х годов видным российским представителем социальной психологии Е.Н. Волковым впервые переведены на русский язык труды ведущих иностранных специалистов так называемого “антикультового движения”, достигших серьезных результатов в изучении НРД на Западе. Созданная методологическая база используется в настоящее время для исследования НРД в России» [5]. В социально-психологическом подходе предметом анализа НРД выступают психологические особенности поведения их адепта. Изучаются также его социально-психологические особенности, как эмоционально-мотивационная составляющая, основанная на верованиях, образе жизни и моральных ценностях адепта НРД, стратегии и методы воздействия НРД на личность и общество, способы пропаганды, используемые лидерами НРД, и деструктивного воздействия движения на психологическое состояние человека, характер психологического насилия (ущемления личной духовной свободы), нивелирования критического мышления и самооценки и др. Отметим, что в рамках социально-психологического подхода при определении содержания деятельности НРД

получаем (в отличие от объективистского исторического) качественные характеристики этого явления. Действительно, зачастую психологическое состояние adeptов НРД, проявляющих себя в качестве сект, приводит к вполне диагностируемому психическим расстройствам и, как следствие, к различным формам деструктивного поведения. Причем жертвами становятся не только сами adeptы сект, но и зачастую их основатели.

Придерживаясь социально-психологического религиоведческого подхода, ранее нами уже отмечалось, что деятельность сект является выражением неаутентичной гиперсакрализации общественного сознания и связана «с утратой Предмета религиозного сознания и разрушением его целостности» [6]. Речь идет об опыте «расщепленного религиозного сознания, для которого характерно жесткое разделение на “свой”-идеальный и “чужой”-отрицательный духовный опыт» [6]. Таким образом формируется пропаганда исключительности и превосходства, где проявления «чужого» духовного опыта воспринимаются резко негативно, им отказывается в статусе сакральности, что роднит сектантский менталитет с сознанием современных сообществ, осуществляющих акты высмеивания и оскорбления чувств верующих, допуская десакрализирующие верования акции как непосредственно в храмах, так и в информационной среде. В основе неаутентичной гиперсакрализации находится не служение религиозному Предмету, а стремление получить максимальную власть над другими людьми ради того или иного вида их эксплуатации, а фактически – осуществления над ними психологического насилия.

Конфессиональный подход представляет собой изучение новых религий и религиозных движений в их соотносительности с традиционными духовно-религиозными практиками. Преимуществом такого подхода является наличие четких ориентиров исследования, выявления существенных характеристик НРД как следствия нарушения целостности существующей религиозной традиции. В России, где культуруобразующей религиозной традицией можно считать православие, данного подхода придерживаются такие православно-ориентированные ученые, как митрополит Илларион (Алфеев), А.Л. Дворкин, протоиерей Д.Н. Смирнов, диакон А. Кураев, иерей Д.А. Сысоев, протоиерей

О.В. Стеняев и др. Здесь «НРД рассматривается как религиозная группа, отколовшаяся от господствующего в обществе религиозного направления, и раскрывается через понятие “секта”» [5]. Отметим, что долгое время устойчивого понятия «секта» в православном богословии не существовало и, следовательно, присутствовала «понятийная неопределенность этого слова в русском богословии» [7]. В связи с этим ряд содержательных характеристик «сектантства» во многом перекликались с понятием «ересь», известным со времен патристики и характеризующим сообщество, исповедующее учение и образ жизни, искажающий ортодоксальное (церковное) христианство. Согласно определению современного богослова В.М. Чернышева, секта – это отделившее себя «от единства Православной Церкви религиозное общество, которое имеет... отличное от нее учение, богослужение, устройство и живет отдельной самостоятельной жизнью, стремясь осуществить в своей замкнутой среде религиозные идеалы» [8, с. 5].

С точки зрения конфессионального понимания объективистский (светский) исторический подход к толкованию НРД не учитывает, что на протяжении двух тысячелетий развитие цивилизации (особенно европейского общества) происходит вследствие определяющего влияния христианства, а в последние столетия под знаком активного противостояния христианским духовным ценностям. Во многом возникновение и развитие НРД вызваны, с одной стороны, трансформацией западной христианской культуры позднего времени, продолжающимися процессами секуляризации и кризиса в массовом сознании христианских ценностей, а с другой – увеличением внимания к религиозной жизни. В социологической и религиоведческой (светской) литературе присутствует определение секты как нетрадиционного для данного культурного региона общества верующих, противопоставляющего себя сложившимся религиозным и культурным традициям. Такое определение с точки зрения конфессионального подхода является слишком общим, не отражающим деструктивной сути сект, само появление которых связано с определенным отрицанием христианских традиций и основанных на них гуманистических ценностей.

В богословской литературе в содержание понятия «секта» включается характеристика «закрытости» [2, с. 44], подчеркивающая не только особенный социальный характер сектантского сообщества, но и социально-психологические свойства сознания ее adeptов. Кроме того, следует включить в определение «секты» такое ее существенное свойство, как тоталитарность сознания adeptов. Последнее доказывается в психологических исследованиях, например, американского психиатра Р. Лифтона [9]. Секту отличает жестко руководимая структура, закрытый характер внутреннего круга сообщества, эскапизм, наличие авторитарного харизматического лидера. Сектанты используют неустойчивое и уязвимое духовное и психологическое состояние жизни наших сограждан (отчего, в частности, происходит неумеренный радикализм неопитов, эксплуатируемый лидерами секты, превращение НРД в социальный «резервуар» порочных наклонностей лидера), а также прибегают к нарушению существующих законов. Так, можно обратить внимание на характерное для сектантских сообществ злоупотребление, граничащее с преступным действием, состоящее в желании завладеть всем имуществом и финансовыми сбережениями новых adeptов.

Несмотря на то что до сих пор не сложился общепризнанный единый подход к пониманию феномена НРД, актуальным является проведение его комплексного исследования. Опыт интегрального определения данного феномена представлен С.В. Гладышевым, который относит к нему «религиозное объединение верующих одного поколения, исповедующих качественно новое вероучение, основанное на измененных положениях традиционной религии, противопоставляющее себя любым формам религиозных объединений, интегрированное в систему социально-политических коммуникаций общества, но не имеющее в настоящее время массовой поддержки населения» [5].

Литература

1. Римский А.В., Борисов С.Н. Культурно-исторические формы религиозного экстремизма: от традиционализма к модерну. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskie-formy-religioznogo-ekstremizma-ot-traditsionalizma-k-modernu> (дата обращения: 12.04.2022).

Вероятно, деятельность активистов антикультового движения, различных антисектантских духовно-просветительских центров, а также факты экстремистской деятельности целого ряда НРД повлияли на формирование государственно-конфессиональных отношений в 90-е – начало 2000-х годов в России. Следствием этого стали изменения в законодательстве (например, принят Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») и формирование системной религиозной правовой политики в Российской Федерации, в рамках которой поддержку получили традиционные для России конфессии (прежде всего, православие) и культивируемые ими в общественной жизни страны духовные ценности. Сегодня деятельность НРД (сектантских организаций) ограничивается, а так называемые тоталитарные секты или деструктивные культы запрещаются, участие в нихности может повлечь уголовную ответственность. Употребление понятий «секта» и «тоталитарная секта» в отечественной правоприменительной практике вполне допустимо и легально.

Отдельный вопрос – религиозоведческое и правовое определение негативных явлений, связанных с деятельностью НРД. Печальные примеры из российской действительности 90-х годов прошлого века свидетельствуют, что нейтрально относиться к НРД, мотивируя это общим светским характером государства или размытостью существующей научной терминологии, без какого-либо контроля и религиозоведческой экспертизы (включающей в себя комплексный анализ понятия НРД), неприемлемо и опасно для жизни современного социума. В частности, никак нельзя согласиться с мнением, что государство не должно определять в правовом поле свою религиозную политику в отношении НРД и каким-либо образом ограничивать миссионерскую деятельность нетрадиционных религиозных объединений с экстремистскими элементами вероучения.

Bibliography

1. Rimsky A.V., Borisov S.N. Cultural and historical forms of religious extremism: from traditionalism to modernity. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskie-formy-religioznogo-ekstremizma-ot-traditsionalizma-k-modernu> (date of access: 12.04.2022).

-
-
2. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Н. Новгород, 2003.
 3. Жуковец О.Ю. Экспансия новых религиозных движений в России на рубеже XX–XXI веков: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2013.
 4. Эгильский Е.Э., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения: учебное пособие. М., 2013.
 5. Гладышев С.В. Основные подходы к исследованию феномена «Новое религиозное движение». URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22175> (дата обращения: 12.04.2022).
 6. Рожковский В.Б. Правовое понятие «религиозный экстремизм» в контексте феномена гиперсакрализации общественного сознания и воспитание культуры межрелигиозного общения государственных служащих // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4.
 7. Конь Р.М. Сектоведение. URL: http://otechnik.narod.ru/konsect_1.htm (дата обращения: 12.04.2022).
 8. Чернышев В.М. Сектоведение. Киев, 2006.
 9. Лифтон Р. Технология «промывки мозгов»: психология тоталитаризма. URL: <https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/lifton.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).
 2. Dvorkin A.L. Sectology. Totalitarian sects. N. Novgorod, 2003.
 3. Zhukovets O.Y. Expansion of new religious movements in Russia at the turn of the XX–XXI centuries: dis. ... Cand. in Philosophy. Rostov-on-Don, 2013.
 4. Egilsky E.E., Matetskaya A.V., Samygin S.I. New religious movements. Modern non-traditional religions and esoteric teachings: a textbook. Moscow, 2013.
 5. Gladyshev S.V. Basic approaches to the study of the phenomenon of «New religious movement». URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22175> (date of access: 12.04.2022).
 6. Rozhkovsky V.B. The legal concept of «religious extremism» in the context of the phenomenon of hypersacralization of public consciousness and education of the culture of interreligious communication of civil servants // Jurist-Pravoved. 2019. № 4.
 7. Horse R.M. Sectology. URL: http://otechnik.narod.ru/konsect_1.htm (date of access: 12.04.2022).
 8. Chernyshev V.M. Sectology. Kiev, 2006.
 9. Lifton R. The technology of «brainwashing»: the psychology of totalitarianism. URL: <https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/lifton.pdf> (date of access: 12.04.2022).

Косов Геннадий Владимирович
Kosov Gennady Vladimirovich

заведующий кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения Севастопольского государственного университета, доктор политических наук, профессор.

E-mail: kossov1@yandex.ru

Head of the Department of International Relations and Foreign Regional Studies, Sevastopol State University, Doctor of Political, Professor.

Галда Михаил Владимирович
Galda Mikhail Vladimirovich

заместитель начальника по учебной и научной работе Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, кандидат социологических наук.

E-mail: mikhail.galda@mail.ru

Deputy Head for Academic and Scientific Work, Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Sociology.

Гандалоев Ислам Иссаевич
Gandaloev Islam Issaevich

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Ингушского государственного университета.

E-mail: islamg434@yandex.ru

Senior Lecturer, Department of Civil Law and Process, Ingush State University.

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И НОВЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ**
Political participation in crisis: theoretical foundations and new empirical data

В статье рассматриваются направления влияния кризисной ситуации на политическое участие, являющиеся важной частью теории кризисного политического участия. Используя новые данные, появившиеся в ходе пандемии COVID-19, авторы доказывают, что положения теории кризисного политического участия сохраняют свой исследовательский потенциал. Кризис, вызванный COVID-19, повлек за собой изменение баланса между электоральным и протестным участием, электоральные победы ультраправых партий, расширение возможностей для новых политических сил.

Ключевые слова: политическое участие, политические институты, кризис, выборы, протест, COVID-19, ультраправые партии, европейская политика.

The article examines the directions of the influence of the crisis situation on political participation, which are an important part of the so-called theory of crisis political participation. Using new data that appeared with the COVID-19 pandemic, the authors prove that the provisions of the theory of crisis political participation retain their research potential. The crisis caused by COVID-19 has led to changes in the balance between electoral and protest participation, electoral victories of ultra-right parties, expansion of opportunities for new political forces.

Keywords: political participation, political institutions, crisis, elections, protest, COVID-19, ultra-right parties, European politics.

Согласно формирующейся теории кризисного политического участия кризис меняет деятельность политических систем, заставляя их предпринимать те или иные меры реагирования. Параллельно, а во многих случаях и благодаря этому трансформируется и характер политического участия.

Анализ немногочисленных исследований, посвященных политическому участию во время кризисов, позволил нам сделать следующие выводы:

1. Кризис сокращает явку избирателей. Во время кризиса, как правило, наблюдается повышение уровня безработицы и падение

доходов граждан, заставляющее их работать одновременно в нескольких местах. Как следствие, у них остается крайне мало времени для политических инвестиций. В период кризиса люди меньше доверяют правительству и утрачивают веру в эффективность политических институтов, что ведет к отказу от голосования. Эти положения подтверждаются многими эмпирическими исследованиями.

В частности, П. Эмменеггер, П. Маркс и Д. Шрафф, опираясь на данные из Нидерландов, пришли к выводу, что чем хуже положение человека на рынке труда, тем выше вероятность его отказа от голосования. А как известно, кризис – это один из главных факторов ухудшения ситуации на рынке труда [1]. Проанализировав данные из Германии, ученые также отметили, что кризис увеличивает число безработных молодых людей в возрасте от 17 до 35 лет, которые демонстрируют более низкую явку на выборы [2].

П. Маркс и К. Нгуйен, используя данные из ряда европейских стран, обнаружили, что в условиях кризиса граждане, финансовое благополучие которых ухудшилось, подвергают сомнению компетентность правительственных институтов и кардинально меняют свое отношение к выборам [3].

2. Кризис повышает вероятность электорального успеха ультраправых партий. Это объясняется тем, что во время кризиса возрастает число избирателей, готовых поддержать ультраправые программы, и параллельно снижается явка сторонников иных партий. И. Коллантоне и П. Станиг, проследив связь между результатами выборов в 15 европейских странах и нарастанием объемов китайского импорта, пришли к выводу, что «шок от импорта», во-первых, увеличивает поддержку националистических, изоляционистских и праворадикальных партий, во-вторых, способствует общему «правому» сдвигу электората [4]. В другом своем исследовании они показали, что «шок от импорта» стал одним из факторов, обеспечивших победу на референдуме сторонников выхода Великобритании из Европейского Союза [5]. В Германии и Франции также «шок от импорта» повышает уровень поддержки крайне правых, прежде всего со стороны низкоквалифицированных производственных рабочих, сильнее страдающих от нарастания внешних поставок [6, с. 35–36; 7, р. 17].

3. Кризис открывает возможности для новых политических сил. В литературе распространено мнение, что избиратели посредством выборов поощряют или наказывают должностных лиц [8]. Если последние эффективно выполняли свои функции в течение срока полномочий, то электорат отдаст свой голос за них. В противном случае избиратели предпочтут голосовать против них. Как правило, возникновение кризиса избиратели связывают с действиями или бездействием властей, поэтому следует ожидать, что они сделают выбор в пользу тех кандидатов, которые не занимают никаких государственных должностей, либо даже антисистемных акторов.

Под антисистемными акторами понимаются группы, организации, партии, которые не интегрированы в политическую систему и придерживаются идеологического радикализма [9, р. 657]. Такие акторы стремятся к смене не столько правительства, сколько доминирующих норм, ценностей и практик, не предпринимая никаких значимых попыток сотрудничества с системными силами. Эти две особенности антисистемных акторов объясняют, почему им выгоден кризис. Неприятие укоренившихся политических норм создает вокруг них ауру «борцов с истеблишментом», привлекательную для разочаровавшейся во время кризиса публики. Отказ от сотрудничества с системными акторами позволяет им снять с себя ответственность за кризис и предстать подлинными «агентами изменений» [10, р. 1260].

Кризис ведет к упадку системных акторов, на которые возлагается вина за все произошедшее. Вместе с тем кризис открывает двери антисистемным акторам, позиционирующим себя как единственную силу, способную решить возникшие проблемы. Это хорошо иллюстрирует опыт латиноамериканских стран. В 1980-е годы экономический кризис поразил практически всю Латинскую Америку. Глобальная рецессия вызвала резкий рост процентных ставок по кредитам, использовавшимся для программ индустриализации в регионе, а также снижение спроса на сырье, доходы от экспорта которого шли на погашение кредитов. Правительства заключили договоры по реструктуризации долгов с МВФ, требовавшим взамен проведения реформ, направленных на повышение экономической конкурентоспособности и снижение вероятности повторения кризиса.

На практике удовлетворение требований МВФ привело к сокращению социальных расходов, разрушению инфраструктуры, замораживанию заработной платы и росту безработицы. Как доказывается во множестве исследований, именно на фоне этого произошел коллапс многих традиционных партий и выход на политическую арену сил, действовавших ранее вне системы [11; 12; 13].

Пандемия коронавирусной инфекции вызвала во многих политических системах мира кризис, обладающий рядом особенностей. Прежде всего COVID-19 привел к мегакризису, т. е. кризису, затронувшему все сферы жизнедеятельности общества – экономическую, социальную и политическую. Такое положение породило страх, потребовавший жестких решений по распределению ограниченных ресурсов и болезненных ответов со стороны правительств.

Кризис, вызванный COVID-19, не имел четкого начала. Он представлял собой так называемый «ползучий» кризис [14], о начале которого говорил лишь нарастающий поток тревожных сигналов. За некоторыми исключениями пандемия охватила все страны не внезапно, резко, как это бывает при «остром» кризисе, а постепенно, плавно. Потребовались недели, а в некоторых случаях и месяцы, прежде чем коронавирус покинул территорию Китая и поразил большое число людей в других регионах планеты.

В теории утверждается, что в большей степени кризис затрагивает государства, которые столкнулись с ним первыми. Однако Китай, в котором возник COVID-19, понес меньшие издержки, чем, например, США и Бразилия. Объяснение, скорее всего, кроется в том, что Китай имел опыт борьбы с подобными заболеваниями. Например, наибольшее число случаев заболеваний SARS и смертей от него зафиксировано в Китае, где он и возник. Однако Китай, разработав меры по контролю за его распространением, победил SARS. При этом данный вирус не сильно поразил страны, столкнувшиеся с ним позже [15].

Обусловленный COVID-19 кризис оказал серьезное негативное влияние на солидарность отдельных обществ и мирового сообщества в целом. Как следствие, практически сразу сформировались группы «диссидентствующих» врачей, экономистов и просто граждан, подвергающих сомнению правительственные заяв-

ления относительно вируса и его последствий. Появились конспирологические версии искусственного происхождения вируса, в которых утверждается, что он разработан в интересах мировой элиты, отдельных политиков и предпринимателей. Разгорелись политические дебаты о том, как найти баланс между необходимостью защитить группы риска и обеспечить благополучие общества. Наиболее радикальные критики обвинили правительства в том, что предлагаемые ими меры, такие как социальное дистанцирование, локдауны и прочие ограничения, оказываются малоэффективными, при этом требуют огромных издержек.

В предотвращении глобальных кризисов и блокировке распространения кризиса от одного государства к другому значительную роль играет международное сотрудничество, которое может строиться на принципах теории гегемонистской стабильности, возлагающей обязанности на одно или несколько ведущих государств, либо на принципах концепции институционального сотрудничества, обращенной к международным институтам. В последнее время приоритетом пользуются принципы второй теории, однако сотрудничество в условиях современных кризисов легко трансформируется в соперничество, которое лишь препятствует их предотвращению, парализуя работу институтов или увеличивая число дублирующих друг друга, нескоординированных между собой международных организаций [16]. Пандемия COVID-19 отчетливо продемонстрировала его недостатки. Спор США и Китая по поводу ВОЗ подорвал доверие к этой организации в самый критический момент.

Большинство исследователей, анализирующих политические следствия COVID-19, придерживаются мнения, что политические лидеры в целом не распознали сигналы приближающегося кризиса либо неверно их оценили. Такая ситуация объясняется рядом объективных и субъективных факторов:

– нелинейной формой развития кризиса. Многие кризисы постепенно зарождаются, разворачиваются, но в один момент достигают критической точки, после которой уровень угроз начинает возрастать по экспоненте [17, р. 96–104]. Такой переломный момент трудно предсказать, даже располагая современными знаниями и технологиями. К подобным кризисам, бесспорно, относится и кризис,

вызванный COVID-19: изначально число инфицированных оставалось на относительно низком уровне, однако в определенный момент оно начало резко расти;

– высоким уровнем взаимозависимости элементов современной мировой системы. В любой сложной системе, отличающейся высоким уровнем зависимости между составными частями, даже небольшой инцидент или сбой может вызвать губительные процессы, стремительно распространяющиеся по всей ее структуре [18, р. 3–14]. Мировая система оказалась благоприятной средой для распространения COVID-19: вирус парализовал большую часть мира за несколько месяцев, вспыхнув в китайском Ухане;

– психологическими ограничениями. Существует угрозы, которые выходят за рамки воображения индивидов, политиков и граждан [19]. Если индивид не сталкивался прежде с угрозой, которая надвигается ныне, то ему довольно сложно ее представить и, следовательно, предсказать и распознать. Теоретически политики знали, что та или иная пандемия может вызвать кризис, однако не представляли себе, как и когда это может произойти. Как следствие, им не удалось предсказать наступающий кризис и распознать его сигналы;

– политическими соображениями и предпочтениями. Политики могут игнорировать сигналы о надвигающейся угрозе, полагая, что решения, которые необходимо принять, не принесут им выгоды или даже причинят политический ущерб. Действительно, они могут опасаться, что общество не захочет пойти на жертвы, требующиеся для нейтрализации угрозы, и выразит недовольство. Они могут опасаться паники, которая может возникнуть, когда общественность узнает о приближающемся кризисе. Наконец, они могут быть просто заинтересованы в том, чтобы отложить решение до какого-нибудь важного политического события, например выборов [20, р. 26].

Кризис, вызванный COVID-19, предоставил новые эмпирические данные для теории кризисного политического участия. В целом он подтвердил ключевые положения теории кризисного политического участия: в отдельных системах наблюдается сдвиг к неконвенциональному, протестному участию, рост популярности радикализма и подъем новых политических сил.

К настоящему времени еще не собрано достаточно данных, подтверждающих снижение явки избирателей в условиях пандемии COVID-19, однако уже зафиксировано возрастание уровня протестного участия, которое часто противопоставляется электоральному участию. Правительственные меры по борьбе с COVID-19 породили недовольство среди отдельных слоев населения, относительно быстро трансформировавшееся во многих системах в протестное участие. Как показывает проведенный анализ, в подавляющем большинстве случаев такое участие приобретало форму уличных демонстраций, перерастающих иногда в беспорядки из-за относительно низкого уровня их организации.

Как полагают Б. Айвс и Д. Льюис, высокоорганизованные протесты, отличающиеся четкой иерархической структурой, ясными конечными целями и прямыми контактами между активистами, лучше защищены от проникновения в ряды их участников лиц, склонных к насилию. Поведение обычных участников при подобных протестах находится под жестким контролем, способствуя поддержанию дисциплины. Наоборот, в стихийных протестах участвуют больше лиц, склонных к насилию, а организаторы обладают гораздо меньшим влиянием на поведенческие паттерны. Более того, слабые или отсутствующие связи между участниками неорганизованного протеста и неопределенность в отношении его целей повышают вероятность насилия и столкновений с силами безопасности [21].

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, расширил в ряде систем электоральную базу ультраправых партий. На парламентских выборах 2018 года партия «Братья Италии» во главе с Д. Мелони набрала немногим более 4 % голосов [22; 23] (как в Сенате, так и в Палате депутатов), однако с марта 2020 года, после начала пандемии COVID-19, ее популярность, как показывают опросы общественного мнения, резко возросла [24]. Стремительный рост электоральной поддержки объясняется тем, что партии удалось объединить вокруг себя многих противников вакцинации, сторонников теории заговора и тех, кто просто не согласен с методами борьбы с COVID-19, используемыми правительством М. Драги.

В преддверии выборов 2021 года нидерландская партия «Форум за демократию»

Т. Боде провела кампанию, напоминающую кампанию Д. Трампа. Партийцы объехали многие нидерландские города в качестве «каравана свободы», утверждая, что они «освобождают» страну от «репрессивных мер», вводимых правительством для борьбы с COVID-19. В результате они привлекли на свою сторону многих противников локдаунов и вакцинации независимо от их политических убеждений, добившись 5 % [25]. Действительно, согласно опросу, проведенному Ipsos Group после выборов, 73 % избирателей «Форума за демократию» заявили, что в их решении отдать партии голоса главную роль сыграли меры правительства по борьбе с COVID-19, которые у них вызывали недовольство [26].

Кризис, связанный с пандемией COVID-19, открыл дорогу абсолютно новым политическим силам, до этого не существовавшим, что иллюстрирует австрийский случай. В сентябре 2021 года в Верхней Австрии состоялись выборы в местный парламент, в результате которых места в нем получила незадолго до этого созданная партия «Народ – Свобода –

Фундаментальные права» (MFG), критиковавшая правительственные меры по борьбе с COVID-19 и выражавшая скептицизм в отношении вакцинации. Хотя многие аналитики утверждали, что партия MFG не преодолет 4 % барьер, необходимый для прохождения в ландтаг, ей удалось набрать 6,4 % и получить 3 места, агрегировав протестные голоса со всего политического спектра. Ее победа не вызвала политическое потрясение в стране, однако отчетливо продемонстрировала, что кризис, порожденный пандемией, продолжает оказывать свое влияние на европейский политический ландшафт [27].

Таким образом, кризис, вызванный пандемией COVID-19, в целом подтверждает ключевые положения развивающейся теории кризисного политического участия, которая к политическим последствиям кризисной ситуации относит: изменение баланса между электоральным и протестным участием; электоральные победы ультраправых партий; расширение возможностей для новых политических сил.

Литература

1. Emmenegger P., Marx P., Schraff D. Labour Market Disadvantage, Political Orientations and Voting: How Adverse Labour Market Experiences Translate into Electoral Behaviour // *Socio-Economic Review*. 2015. Vol. 13. № 2.
2. Emmenegger P., Marx P., Schraff D. Off to a Bad Start: Unemployment and Political Interest during Early Adulthood // *The Journal of Politics*. 2017. Vol. 79. № 1.
3. Marx P., Nguyen C. Are the Unemployed Less Politically Involved? A Comparative Study of Internal Political Efficacy // *European Sociological Review*. 2016. Vol. 32. № 5.
4. Colantone I., Stanig P. The Trade Origins of Economic Nationalism: Import Competition and Voting Behavior in Western Europe // *American Journal of Political Science*. 2018. Vol. 62. № 4.
5. Colantone I., Stanig P. Global Competition and Brexit // *American Political Science Review*. 2018. Vol. 112. № 2.
6. Dippel C., Gold R., Hebllich S. Globalization and Its (Dis-)Content: Trade Shocks and Voting Behavior: NBER Working Paper 21812. Cambridge, 2015.
7. Malgouyres C. Trade Shocks and Far-Right Voting: Evidence from French Presidential Elections: EUI Working Paper RSCAS 2017/21. Fiesole, 2017.
8. Healy A., Malhotra N. Retrospective Voting Reconsidered // *Annual Review of Political Science*. 2013. Vol. 16.
9. Zulianello M. Anti-System Parties Revisited: Concept Formation and Guidelines for Empirical Research // *Government and Opposition*. 2018. Vol. 53. № 4.
10. Grant Z.P. Crisis and Convergence: How the Combination of a Weak Economy and Mainstream Party Ideological De-Polarization Fuels Anti-System Support // *Comparative Political Studies*. 2021. Vol. 54. № 7.
11. Morgan J. Bankrupt Representation and Party System Collapse. University Park, 2011.
12. Seawright J. Party-System Collapse: The Roots of Crisis in Peru and Venezuela. Redwood City, 2012.
13. Lupu N. Party Brands in Crisis: Partisanship, Brand Dilution, and the Breakdown of Political Parties in Latin America. Cambridge, 2016.

-
-
14. Boin A., Ekengren M., Rhinard M. Hiding in Plain Sight: Conceptualizing the Creeping Crisis // *Risk, Hazards & Crisis in Public Policy*. 2020. Vol. 11. № 2.
15. Breiman R.F. et al. Role of China in the Quest to Define and Control SARS // *Learning from SARS: Preparing for the Next Disease Outbreak* / ed. by S. Knobler et al. Washington, 2004.
16. Alter K.J., Raustiala K. The Rise of International Regime Complexity // *Annual Review of Law and Social Sciences*. 2018. Vol. 14.
17. Scheffer M. *Critical Transitions in Nature and Society*. Princeton, 2009.
18. Perrow C. *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*. Princeton, 1999.
19. De Smet H., Lagadec P., Leysen J. Disasters Out of the Box: A New Ballgame? // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2012. Vol. 20. № 3.
20. Boin A., McConnell A., Hart P. *Governing the Pandemic: The Politics of Navigation a Mega-Crisis*. London, 2021.
21. Ives B., Lewis J.S. From Rallies to Riots: Why Some Protests Become Violent // *Journal of Conflict Resolution*. 2020. Vol. 64. № 5.
22. Ministero dell'Interno. Archivio Storico Elezione (Ministry of the Interior. Election Historical Archive): Senato 04.03.2018. URL: <https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=S&dtel=04/03/2018&es0=S&tpa=I&lev0=0&levsut0=0&ms=S&tp=A> (дата обращения: 19.02.2022).
23. Ministero dell'Interno. Archivio Storico Elezione (Ministry of the Interior. Election Historical Archive): Camera 04.03.2018. URL: <https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=C&dtel=04/03/2018&es0=S&tpa=I&lev0=0&levsut0=0&ms=S&tp=A> (дата обращения: 19.02.2022).
24. POLITICO. Italy – National Parliament Voting Intention. URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/italy/> (дата обращения: 21.02.2022).
25. Kiesraad. Tweede Kamer 17 maart 2021 (Electoral Council. House of Representatives 17 March 2021). URL: <https://www.verkiezingsuitslagen.nl/verkiezingen/detail/TK20210317> (дата обращения: 21.02.2022).
26. Welke Rol Speelde Corona in Het Stemgedrag? // NOS. 2021. Maart 18 (What Role Did Corona Play in Voting Behavior? // NOS. 2021. March 18). URL: <https://nos.nl/collectie/13860/artikel/2373141-welke-rol-speelde-corona-in-het-stemgedrag> (дата обращения: 21.02.2022).
27. Jones S. Party of Covid Vaccine Sceptics Wins Seats in Austria's Regional Parliament // *Financial Times*. 2021. Sept. 27. URL: <https://www.ft.com/content/afbc2a99-8b90-4a31-a8c3-70965b25a6d8> (дата обращения: 28.03.2022).

Коллантай Виталий Александрович (свящ.)
Kollantai Vitaly Alexandrovich (priest)

заведующий сектором заочного обучения Томской духовной семинарии, доцент кафедры правовых дисциплин Томского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук.
E-mail: Alivealternativ@mail.ru

Head of the Correspondence Education Sector, Tomsk Theological Seminary, Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Tomsk State Pedagogical University, PhD in Law.

**О НАПРАВЛЕНИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ИММУНИТЕТА
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**On the trends of the realization of the legal privilege
of the Russian Orthodox Church clergyman in operational-search activities**

В статье предпринята попытка осмысления внутреннего содержания правового иммунитета священнослужителя Русской православной церкви в оперативно-розыскной деятельности. На основе анализа различных дефиниций этого правового института автор приходит к выводу, что современное состояние урегулированности категории «правовой иммунитет» характеризуется отсутствием единого подхода к пониманию его главного назначения, заключающегося в охране тайны исповеди. Поднимается вопрос об отсутствии закрепления в нормативных правовых актах понятия «таинство церкви», что влечет за собой непонимание некоторыми учеными истинных намерений священнослужителя не сообщать органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, информацию, ставшую ему известной в ходе покаяния. Обосновывается авторская позиция о распространении действия правового иммунитета не только на священнослужителя, но и на иных лиц, участвующих в таинстве покаяния. Предлагается рабочая схема правового иммунитета священнослужителя для различных отраслей права.

Ключевые слова: правовой иммунитет, священнослужитель, оперативно-розыскная деятельность, таинство покаяния, тайна исповеди, оперативно-розыскные мероприятия.

The article attempts to comprehend the internal content of the legal immunity of a clergyman of the Russian Orthodox Church in operational investigative activities. Based on the analysis of various definitions of this legal institution, the author comes to the conclusion that the current state of regulation of the category of «legal immunity» is characterized by the lack of a unified approach to understanding its main purpose, which is to protect the secrecy of confession. The question is raised about the lack of consolidation of the concept of the Sacrament of the Church in normative legal acts, which entails misunderstanding by a number of scientists about the true intentions of the clergyman not to inform the body carrying out operational investigative activities of the information that became known to him during Repentance. The author's position on the extension of legal immunity not only to the clergyman, but also to other persons participating in the Sacrament of Penance is given. A working scheme of the clergyman's legal immunity for various.

Keywords: legal immunity, clergyman, operational investigative activity, Sacrament of Penance, mystery of confession, operational investigative measures.

Государство, предоставляя отдельным категориям граждан различные правовые иммунитеты, наделяет их исключительными правами, выражающимися в возможности не подчиняться действующему законодательству государства. Этими исключительными правами подчеркивается их особая значимость в различных сферах социальных отношений на государственном и межгосударственном уров-

нях, а также отделенность от остального общества.

В науке такое ключевое для нашего исследования понятие, как «иммунитет», принято рассматривать в двух смыслах – общеупотребительном и специальном (правовом).

В общеупотребительном смысле под иммунитетом понимается та или иная защитная функция субъекта. Чаще всего этот термин

употребляется в медицине, изучающей иммунитет организма человека, или микробиологии, рассматривающей его как составную часть взаимодействия между простейшими организмами, вирусами и бактериями. Также понятие «иммунитет» используется и в других науках, в том числе социальных.

Необходимо заметить, что каждой отрасли юридической науки присущ свой набор признаков, характеризующих понятие «правовой иммунитет». Это связано с тем, что предмет науки может быть различным. Также имеется существенная разница в юридически значимых последствиях за нарушения в сфере гражданских, трудовых, уголовных правоотношений.

В такой отрасли отечественного права, как оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), существует понятие «правовой иммунитет священнослужителя». Так сложилось в связи с особым статусом священнослужителя. Правовой иммунитет священнослужителя в ОРД характеризуется рядом особенностей, которые в совокупности образуют единый комплекс правовых привилегий и исключений.

В статье 1 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») указано, что «оперативно-розыскная деятельность – это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на это Федеральным законом (ФЗ) в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств» [1].

При определении значения ОРД в современной правовой реальности И.И. Карпец указывал, что «сколько бы ни были умелы и активны сыщики, осуществляющие так называемый сыск, они не смогут проникнуть в замыслы, вынашиваемые хорошо законспирированными, сплоченными преступными группами, не смогут предупредить или раскрыть преступление, если не будут обладать навыками использования сил, средств, форм и методов ОРД. Все это – не самоцель, а путь оказания помощи людям, пресечение зла» [2, с. 182].

Среди законодательно закрепленных принципов ОРД необходимо выделить следующие:

- законность;
- уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина;
- конспирацию;
- сочетание гласных и негласных методов и средств.

Законодатель определил круг лиц, или специальных субъектов, в отношении которых существует особый порядок оперативно-розыскного производства. К ним относятся и священнослужители Русской православной церкви.

Можно констатировать, что определение понятия иммунитета священнослужителя не должно быть сведено только к выявлению его существенных признаков, которые указаны в различных современных словарях русского языка. Понятие иммунитета используется для обозначения юридической категории и поэтому имеет правовое смысл и значение, а также соответствующие признаки. Из этого следует, что раскрытие понятия правового иммунитета напрямую связано с выявлением не только его общеупотребительного смысла, но и его правовых признаков, а также этимологии.

Изучение научной литературы позволяет сделать вывод о наличии трех основных направлений реализации иммунитета священнослужителя в ОРД:

- привлечение к сотрудничеству на контрактной основе;
- привлечение к содействию на бесконтрактной основе;
- проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Задачи ОРД закреплены в ст. 2 ФЗ «Об ОРД» и включают в себя:

1. Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших.

2. Осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших.

3. Добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

4. Установление имущества, подлежащего конфискации.

В решении задач ОРД, кроме должностных лиц, принимают участие частные физические

лица, оказывающие гласное и негласное (конфиденциальное) содействие оперативным подразделениям.

В статье 17 ФЗ «Об ОРД» законодательно установлены ограничения на привлечение к конфиденциальному содействию по контракту депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений.

Конфиденциальное сотрудничество, как верно замечает Н.С. Железняк, – «это вид постоянного (долговременного) содействия с обязательным заключением контракта негласного содействия в подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий, решении иных задач ОРД, оказываемого оперативным подразделениям лицами, которые требуют (либо требуется) сохранения в тайне их участия в данных мероприятиях и не желают стать в последующем участниками уголовного процесса с расшифровкой личности» [3, с. 274].

Как указывает Е.С. Дубоносов, «оперативно-розыскной контракт – это основанный на нормах оперативно-розыскного законодательства документально оформленный договор, заключенный в интересах борьбы с преступностью по итогам добровольного согласования воли двух субъектов ОРД, устанавливающий права и обязанности сторон по решению задач ОРД и влекущий определенные юридически значимые последствия для них» [4, с. 139]. Также следует отметить, что, по мнению А.И. Тамбовцева, контракт «является документом, юридически устанавливающим трудовые отношения конфиденнта с оперативным подразделением, определяющим их обоюдные права и обязанности, в том числе и материальные – вид, количество и качество оказываемой помощи, оплата услуг (труда), социальное и пенсионное обеспечение, возмещение понесенных затрат или вреда и пр.» [14, с. 93].

Из приведенных мнений видно, что контракт является официальным документом, имеющим юридическую силу.

Отличительной чертой сотрудничества на контрактной основе с органами, осуществляющими ОРД, является длительность и устойчивость отношений между человеком и субъектом ОРД.

В соответствии с ч. 2 ст. 17 ФЗ «Об ОРД» законодатель определил критерии для лиц,

привлекаемые к содействию на контрактной основе. К ним относятся:

– возрастной ценз – совершеннолетие (не ранее 18 лет);

– дееспособность.

Подробнее рассмотрим вопрос, связанный с запретом на использование конфиденциального содействия священнослужителя с точки зрения Священного Писания и науки ОРД.

Интересна позиция ученых-юристов, касающаяся вопроса о запрете на привлечение к сотрудничеству священнослужителей. Многие считают, что введение иммунитета связано с морально-этическими нормами [8, с. 141; 9, с. 174; 14, с. 96; 11, с. 77], но в действительности это не совсем так.

На наш взгляд, основной повод включения священнослужителя в список лиц, обладающих иммунитетом, связан напрямую с возможностью получения информации в ходе исповеди, которая является частью таинства покаяния. Нарушение тайны исповеди влечет за собой не просто искажение морально-этических норм, а попрание самого таинства покаяния. В данном случае нормы морали и этики будут являться лишь составной частью комплекса, в который также входят нравственные установки, религиозные воззрения и духовные чувства и переживания.

В последние годы в юридической литературе такое понятие, как «тайна исповеди», встречается часто в контексте осмысления его места в ОРД. Но при этом существуют различные взгляды на сущность самого понятия «исповедь», которое в современном российском законодательстве никак не определено.

Как ранее отмечалось, Русская православная церковь под категорией «исповедь» понимает один из «основных элементов Таинства Покаяния в христианской Церкви; представляет собой устное или письменное изложение своих греховных поступков и помыслов перед священнослужителем в надежде обрести их прощение у Бога по молитвам Церкви» [14, с. 93]. В таинстве покаяния человеку сообщается благодать, освобождающая его от грехов и наделяющая душу способностью понимать волю Божию о самом себе.

В пункте 2 раздела IX «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» указано, что «даже в целях помощи правоохранительным органам священнослужитель не

может нарушать тайну исповеди или иную охраняемую законом тайну (например, тайну усыновления). В своем душепопечении о заблудших и осужденных пастыри, через покаяние узнав сокрытое от следствия и правосудия, руководствуются тайной исповеди».

Согласно 120 правилу Номоканона при большом требнике разглашение тайны исповеди является тяжелым грехом и влечет за собой запрещение в служении священника, разгласившего сведения, ставшие ему известными в ходе исповеди, на три года [3]. Это правило основано на более древнем источнике – 133 правиле Карфагенского собора [3, с. 360].

Таким образом, правилами православной церкви священнослужителю запрещено разглашать сведения, которые были ему сообщены на исповеди. И этот запрет не носит характера морально-этического, т. к. его нарушение не просто вызывает чувства нравственного мучения, а имеет конкретное выражение в виде запрещения в священнослужении.

Второе направление реализации иммунитета священнослужителя, а именно привлечение к содействию на бесконтактной основе, также по-разному трактуется учеными.

Так, Н.С. Железняк подчеркивает, что в федеральном законе «отсутствует запрет на установление гласных контрактных, а также гласных или негласных бесконтактных отношений между священнослужителями (и иными категориями, подпадающими под его действие) и органами, осуществляющими ОРД. Поэтому представители оперативных подразделений в необходимых случаях могут использовать содействие таких лиц для решения отдельных оперативно-тактических задач в борьбе с преступностью» [9, с. 276]. Подобного мнения придерживаются и другие ученые, занимающиеся проблемами теории ОРД [7, с. 194].

Несмотря на то что в действующем законодательстве имеется указание, запрещающее использовать конфиденциальное содействие священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений по контракту, подобного запрета на бесконтактное содействие в тексте ФЗ «Об ОРД» не содержится.

Законодатель не может в силу различных причин предусмотреть правовые нормы на все случаи жизни. В связи с чем можно предположить, что отсутствие указания о запрете бесконтактной формы содействия священнослужителя свидетельствует о пробеле в законодательстве.

Представляется целесообразным применить аналогию закона и корреспондировать положение ст. 17 ФЗ «Об ОРД» со случаями содействия на бесконтактной основе священнослужителя. По смыслу закона можно заключить, что законодатель распространял действие на все виды содействия. При этом создание полностью абстрактной нормы, предусматривающей решение по всему спектру возможных вопросов правоприменения, является сложной задачей, с которой законодатель не всегда справляется.

Учитывая, что все служение священнослужителя связано с отправлением и участием в таинстве покаяния, составной частью которого является исповедь, можно сделать вывод о невозможности отделения его как субъекта тайны исповеди от несения им других послушаний. Это обстоятельство делает невозможным содействие священнослужителя органам, осуществляющим ОРД как на контрактной, так и бесконтактной основе.

В противном случае священнослужитель не может быть защищен от попыток склонения его к содействию субъектам ОРД в вопросах, связанных с получением информации об исповеди интересующих их лиц*. Иными словами, иммунитет от одного вида содействия, не защищающий от другого, не имеет смысла, т. к. от наличия или отсутствия контракта суть вопроса не изменяется. Речь идет о сотрудничестве. Более того, исходя из вышеуказанных источников канонического права, такое содействие явно вредит священнослужителю, т. к. влечет запрещение его в служении.

Привлечение священнослужителя к любому виду содействия для разглашения информации или даже без таковой, но все же предусматривающего возможность передачи в каком-либо виде сведений, полученных в ходе таинства покаяния от исповедовавшегося

* Проведенное нами интервьюирование священнослужителей, которые несут служение в местах лишения свободы, а также следственных изоляторах, позволяет сделать вывод, что каждому второму приходилось хотя бы раз сталкиваться с попытками привлечения к содействию для получения информации, составляющей тайну исповеди.

человека, не просто нивелирует его служение, но и ставит под вопрос осознанное участие в таинстве. Человек, предполагая, что детали его покаяния будут известны иным лицам, может не довериться священнику. Более того, он может проецировать ситуацию, связанную с покаянием, и на другие церковные обряды и таинства и постепенно уйти от их исполнения. Несложно продлить эту цепочку, чтобы увидеть, к чему приведет нарушение тайны исповеди.

Не стоит забывать и о том, что пастырь, соглашаясь на такое сотрудничество, подвергает опасности свой внутренний духовный мир. Фактически при нарушении целостности таинства он обрекает себя не просто на душевные истязания, а напрямую ставит все священство в позицию не богоизбранных служителей христовой церкви, а обычных работников.

Третье направление реализации иммунитета священнослужителя в сфере ОРД распространяется на проводимые в его отношении ОРМ.

Под ОРМ А.Е. Чечетин понимает «закрепленные в ФЗ “Об ОРД” и проводимые уполномоченными на то субъектами в соответствии с требованиями нормативных правовых актов действия, основанные на применении преимущественно негласных средств и методов в сочетании с гласными средствами и методами, направленные на непосредственное выявление и использование фактических данных, необходимых для решения задач ОРД» [18, с. 21].

К.К. Горяинов пишет, что ОРМ – это «закрепленные в ФЗ “Об ОРД” действия или совокупность действий, в рамках которых применяются гласные и негласные силы, средства и методы, направленные на решение задач ОРД» [7, с. 281].

А.Ю. Шумилов придерживался мнения о том, что ОРМ «как предусмотренный ФЗ “Об ОРД” сыскной поступок субъекта, непосредственно осуществляющего ОРД (оперативник, агент и др.), сутью которого является получение необходимой для достижения целей и решения задач ОРД информации» [16, с. 173].

Иной точки зрения на сущность ОРМ придерживается О.В. Фирсов. По его мнению, «ОРМ – это конкретная форма осуществления оперативно-розыскной деятельности уполномоченными на то лицами на основании и в порядке, предусмотренными законами и подзаконными нормативными актами» [17, с. 168].

Как видно из приведенных примеров, среди ученых, занимающихся теорией ОРД, от-

сутствует единое мнение на то, что именно следует включать в понятие ОРМ – действия, сыскные поступки или формы. С нашей точки зрения, ОРМ – это действия, т. к. именно данный структурный элемент соответствует духу Федерального закона.

Все ОРМ в соответствии с задачами ОРД проводятся сотрудниками органов, уполномоченных на их проведение как в гласной, так и негласной формах.

В законодательстве прямо не упоминается о том, что священнослужитель обладает иммунитетом к проводимым в его отношении ОРМ. Более того, некоторые ученые придерживаются мнения, что в отношении священнослужителя можно проводить весь комплекс ОРМ. «При проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении верующих лиц или священнослужителей не будет нарушена тайна исповеди при соблюдении таких факторов, как проведение оперативно-розыскного мероприятия не во время осуществления этого таинства; полученная информация имеет отношение к криминальной деятельности лица, а не к его вероисповеданию» [13, с. 202].

Однако такую позицию вряд ли можно считать обоснованной по ряду причин. Во-первых, священнослужитель является носителем тайны исповеди во время таинства покаяния, а также после его проведения, т. к. сообщенные сведения остаются ему известными, и он сохраняет их всю жизнь, без ограничений сроков возможного разглашения. Священник может быть переведен в другую епархию, выйти на покой (пенсию), но различные обстоятельства не влияют на недопустимость разглашения полученной в ходе таинства информации, даже если он запрещен в священническом служении все правила о сохранении тайны исповеди.

Во-вторых, исходя из учения церкви о таинствах, покаяние – длительный процесс и по времени не ограничен, точнее не имеет временных рамок. В ходе его проведения есть только одно четко определяемое время – начало таинства. Когда оно будет закончено, неизвестно. В практике церкви существует как общее покаяние, когда во время таинства священник оглашает список грехов и все присутствующие раскаиваются в них, так и покаяние наедине, где присутствует один исповедующийся. Но если в первом случае можно предположить время окончания таинства, то во втором это сделать нереально.

В-третьих, таинство покаяния может совершаться как в храме, так и за его пределами, что не позволяет определить время его проведения. Говоря о возможности его проведения вне храма, можно сослаться на то, что в практике церкви распространена исповедь больного в лечебном учреждении или дома. Также покаяние может быть совершено в длительной поездке (паломничество, командировка и т. д.), где священник также обязан принять исповедь у любого человека.

Таким образом, священнослужитель может совершать таинство покаяния, находясь далеко от храма и не во время уставного богослужения. А проведение в отношении священнослужителя ОРМ, в том числе длительного по времени, неминуемо ставит под угрозу возможное таинство покаяния и тайну исповеди как его неотъемлемую часть.

Более того, любая полученная в ходе ОРМ информация, устная, письменная или в виде изображения, в которой воссоздается ход проведения таинства покаяния, является прямым нарушением действующего на территории Российской Федерации законодательства, в том числе ч. 7 ст. 3 Федеральном законе от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Неверна и мысль о том, что разглашение исповедавшимся лицом или священнослужителем тайны исповеди в результате проведения ОРМ «не образует перед субъектами ОРД нарушение тайны исповеди» [13, с. 202], т. к. ее субъектами являются как священнослужитель, так и человек, принесший покаяние. Мероприятия, направленные на получение сведений о содержании исповеди, можно расценить как вмешательство в ход таинства покаяния и прямое нарушение ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях».

Здесь следует отметить, что в отношении кающегося в момент проведения таинства покаяния, а также по его завершении, но в отношении информации, полученной в ходе таинства, проведение ОРМ будет незаконным, т. к. противоречит и оперативно-розыскному и процессуальному законодательству. Фактически иммунитет священнослужителя в момент проведения таинства распространяется и на лицо, приносящее покаяние.

Правовой иммунитет священнослужителя, по нашему мнению, отличается от аналогич-

ных юридических институтов, обеспечивающих защиту иных категорий лиц, наличием мер по обеспечению служения. При этом стоит заметить, что правовой иммунитет защищает не только священнослужителя, но и доверивших ему свою исповедь людей.носителем информации о содержании таинства покаяния является как священник, так и лицо, принесшее покаяние. Таким образом, обязанность о неразглашении лежит на двух субъектах исповеди. Этим отличается правовой иммунитет священнослужителей.

При рассмотрении правовых иммунитетов разных категорий лиц можно прийти к выводу о наличии схожих и повторяющихся элементов в их структурах. Это обстоятельство подтверждается историческим процессом становления и развития учения о правовых иммунитетах. Одним из таких обязательных элементов является изъятие из права, льгота или привилегия. Между указанными понятиями можно поставить знак равенства, т. к. все они выделяют носителя иммунитета из среды общества.

Справедливо отмечается, что «в настоящее время юридический иммунитет может быть выделен в системе российского права в качестве самостоятельного межотраслевого, комплексного института. Его системообразующими факторами являются: общий предмет регулирования и гарантирования (деятельность, имеющая особое международное, государственное или общественное значение); общие принципы реализации (принцип законности, принцип недопустимости использования иммунитета в собственных интересах, принцип недопустимости противопоставления частного и общественного интереса, принцип соразмерности (адекватности); общие цели, главные из которых – обеспечить нормальное функционирование международной и государственной сфер жизнедеятельности общества, а также не допустить нарушения или ущемления личных прав и свобод, участвующих в таком обеспечении лиц» [12; 14].

Межотраслевой характер правового иммунитета позволяет провести анализ и систематизацию отдельного его вида с целью локализации и детального изучения. Таким образом, из различных видов правовых иммунитетов священнослужителя (в уголовном процессе, ОРД, гражданском процессе) можно выстроить самостоятельную обобщенную структуру, состоящую из элементов, не противоречащих друг другу.

Проведенный анализ различных видов правовых иммунитетов позволяет сделать вывод о наличии схожих черт, а именно:

- основание наличия иммунитета;
- субъекты иммунитета;
- распространение (границы) иммунитета;
- цель иммунитета;
- особый порядок ограничения иммунитета.

Чаще всего в основании правового иммунитета лежит тот или иной вид, охраняемой законом тайны. Не вдаваясь в полемику о том, что включает в себя понятие тайны в юридической литературе (законодательно этот вопрос не урегулирован), приведем обобщенное мнение, наиболее соответствующее сущности этого явления.

К признакам тайны как социального явления до момента ее правового регулирования можно отнести следующие: «во-первых, тайна – это конфиденциальная информация или секретные сведения о явлениях, процессах, событиях, происходящих в жизни людей, деятельности групп или государства. Во-вторых, разглашение данных сведений может принести ущерб, вследствие чего информация защищается от доступа к ней третьих лиц. В-третьих, негативная оценка обществом действий по разглашению тайны» [6, с. 138].

Как ранее нами уже отмечалось, основанием для наличия иммунитета у священнослужителя является тайна исповеди как структурного элемента таинства покаяния. В юридической литературе говорится о том, что тайна исповеди является профессиональной тайной, как и врачебная, нотариальная и т. д.

«Субъектами иммунитета священнослужителя являются:

- все священнослужители, над кем совершено таинство священства и получившие доступ к совершению таинства покаяния;
- лицо или лица, которые участвовали в таинстве покаяния и сообщили какие-либо сведения» [19, с. 56].

Границы иммунитета отражены в действующем законодательстве. Но в случае правового иммунитета священнослужителя стоит применять расширительное толкование уголовно-процессуальных норм и ФЗ «Об ОРД». Кроме того, стоит учитывать положения канонического права, а также современных правовых документов Русской православной церкви. Особенностью можно назвать наделение

священнослужителя пожизненным иммунитетом с момента принятия священного сана. Границы правового иммунитета для каждого субъекта следует определять, опираясь на отраслевое законодательство и правоприменительную практику.

Целью правового иммунитета является охрана прав реализации особых функций его носителя, т. к. наделение им возможно только лица, обладающего социально значимыми функциями, специально определенными государством. Но, несмотря на неоднородность этих функций, обособление их производится по общим правилам, к которым можно отнести тайну (депутатскую, адвокатскую и др.) и общественный статус (законодательный, должностной, доверительный и т. д.).

В законодательстве вместе с наделением отдельных категорий людей правовыми иммунитетами существует порядок ограничения их с целью проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Но что касается вопроса ограничения правового иммунитета священнослужителя, то однозначного ответа в юридической литературе нет. В связи с тем что в законодательстве не существует механизма ограничения правового иммунитета священнослужителя, можно предположить, что законодатель рассматривает его как отдельный специальный субъект, в отличие от назначаемых должностей других обладателей правовых иммунитетов.

Разработанная нами структура правового иммунитета подойдет для разбора любого специального субъекта, обладающего им, т. к. носит характер действующей схемы. Ее элементы могут изменяться путем добавления или разделения на составные части без изменения сути самого явления.

Подводя итог, стоит отметить, что нам удалось на основе анализа действующего законодательства сформулировать исходные теоретические положения об основаниях, признаках и принципах межотраслевой модели правового иммунитета священнослужителя. И с учетом этих признаков выделить пять основных структурных элементов, присущих всем субъектам правового иммунитета. В обобщенном виде к элементам структуры относятся: основание наличия иммунитета, субъекты иммунитета, распространение (границы) иммунитета, цель иммунитета, особый порядок ограничения иммунитета.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.06.2021) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Положение о церковном суде Русской православной церкви (Московского патриархата) принято на Архиерейском соборе Русской православной церкви в 2008 году. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5082532.html> (дата обращения: 15.12.2021).
3. Преподобный Никодим Святогорец Пидалион. Правила Православной Церкви с Толкованиями. Екатеринбург, 2019. Т. 3.
4. Православная энциклопедия. Исповедь. URL: <http://www.pravenc.ru/text/675011.html> (дата обращения: 15.12.2021).
5. Номоканон при Большом Требнике. URL: <http://www.azbuka.ru/otechnik/pravila/nomocanon-pri-bolshom-trebnike/> (дата обращения: 15.12.2021).
6. Авдеева М.В., Пиджаков А.Ю. «Тайна» как правовое понятие // Институт тайны в праве: материалы Междунар. конференции. СПб., 2012.
7. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Синилов Г.К. Теория оперативно-розыскной деятельности. М., 2006.
8. Дубоносов Е.С. Основы оперативно-розыскной деятельности. М., 2009.
9. Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Красноярск, 2019.
10. Карпец И.И. Сыск (записки начальника уголовного розыска). М., 1994.
11. Ковалев О.Г. Оперативно-розыскная деятельность: психологические и историко-правовые проблемы. М., 2009.
12. Лампадова С.С. Юридический иммунитет: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
13. Саратов О.В. Конституционные права и свободы человека, при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Воронежского Института ФСИН России. 2018. № 3.
14. Тамбовцев А.И. Анализ законодательных запретов на конфиденциальное содействие граждан по контракту органам, осуществляющим ОРД // Вестник Омской Академии МВД России. 2013. № 1(20).

Bibliography

1. On operational-search activity: fed. law d.d. August 12, 1995 № 144-FL (as amended on June 1, 2021) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349.
2. The regulation on the ecclesiastical court of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) was adopted at the Council of Bishops of the Russian Orthodox Church in 2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5082532.html> (date of access: 15.12.2021).
3. Saint Nicodemus the Holy Mountaineer Pidallion. Rules of the Orthodox Church with Interpretations. Yekaterinburg, 2019. Vol. 3.
4. Orthodox Encyclopedia. Confession. URL: <http://www.pravenc.ru/text/675011.html> (date of access: 15.12.2021).
5. Nomocanon at the Great Treasury. URL: <http://www.azbuka.ru/otechnik/pravila/nomocanon-pri-bolshom-trebnike/> (date of access: 15.12.2021).
6. Avdeeva M.V., Pidzhakov A.Yu. «Secret» as a legal concept // Institute of secrecy in law: materials of the Intern. conferences. St. Petersburg, 2012.
7. Goryainov K.K., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K. The theory of operational-search activity. Moscow, 2006.
8. Dubonosov E.S. Fundamentals of operational-search activity. Moscow, 2009.
9. Zheleznyak N.S. Issues of updating the federal law «On operational-search activity». Krasnoyarsk, 2019.
10. Karpets I.I. Investigation (notes of the head of the criminal investigation department). Moscow, 1994.
11. Kovalev O.G. Operative-search activity: psychological and historical-legal problems. Moscow, 2009.
12. Lampadova S.S. Legal immunity: theoretical and legal aspect: author. abstract ... Cand. of Law. St. Petersburg, 2002.
13. Saratov O.V. Constitutional rights and freedoms of a person during operational-search activities // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2018. № 3.
14. Tambovtsev A.I. Analysis of legislative prohibitions on confidential assistance of citizens under the contract to the bodies carrying out the operational-search activity // Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 1(20).

15. Шумилов А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М., 2002.

16. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов. М., 2008.

17. Фирсов О.В. Правовые основы оперативно-розыскных мероприятий. М., 2011.

18. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий. М., 2006.

19. Коллантай В.А., Копыстко П.П. Юридический иммунитет священнослужителя Русской православной церкви (Московского патриархата) в дискурсе цивилистического процесса // Философия права. 2021. № 2(97).

15. Shumilov A.Yu. Commentary on the federal law «On Operative Investigative Activities». Moscow, 2002.

16. Shumilov A.Yu. The course of the basics of operational-search activity: a textbook for universities. Moscow, 2008.

17. Firsov O.V. Legal bases of operational-search activities. Moscow, 2011.

18. Chechetin A.E. Actual problems of the theory of operational-search measures. Moscow, 2006.

19. Kollantay V.A., Kopystko P.P. Legal immunity of a clergyman of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) in the discourse of the civil process // Philosophy of Law. 2021. № 2(97).

Чудина-Шмидт Наталья Витальевна
Chudina-Schmidt Natalia Vitalievna

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России, кандидат философских наук, доцент.
E-mail: frog-79@mail.ru

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Crimean branch
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy, Associate Professor.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ» РАЗНЫМИ ДИСКУРСИВНЫМИ СИСТЕМАМИ

Definition of the phenomenon «extremality» by different discursive systems

В статье анализируется современное социокультурное пространство, которое, приобретая статус трансформационного, приводит к резкому росту рискогенных факторов, заявляя о себе как об обществе риска. Рассматривается феномен экстремальности как показатель этой рискогенности. Отмечается, что ввиду того, что данный феномен только заявляет о своем существовании, в научном дискурсе пока отсутствует единое понимание и точное определение того, что может быть причислено к его сущностным характеристикам, а это, в свою очередь, приводит к смысловой путанице и понятийной неопределенности в отношении исследуемого явления. Проводится анализ нескольких дискурсивных систем с целью выявления смыслообразующего единства в отношении исследуемого феномена.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная система, риск, рискогенность, система, субъект, экстремальность, экстрим.

The article analyzes the modern socio-cultural space, which, acquiring the status of transformational, enters the situation of a sharp increase in risk factors, declaring itself as a risk society. The phenomenon of extremeness is considered as an indicator of this riskiness. It is noted that due to the fact that this phenomenon only declares its existence, in the scientific discourse there is still no common understanding and precise definition of what can be attributed to its essential characteristics, and this, in turn, leads to semantic confusion and conceptual uncertainty regarding the phenomenon under study. Analyzes several discourse systems in order to identify the sense-forming unity in relation to the studied phenomenon.

Keywords: discourse, discursive system, risk, riskiness, system, subject, extremality, extreme.

Сегодня мир представляет собой социокультурное пространство, которое вышло на границу собственного существования, поскольку мир традиционного социума уже не является миром действительности, а мир будущего еще только заявляет о собственном зарождении. Данная ситуация прогнозировалась философами в начале XX века. К примеру, О. Шпенглер в произведении «Закат Европы» [1] говорит о том, что каждая культура (восхождение) сменяется цивилизацией (нисхождением), выделяя основные черты упадка культуры, т. е. приводя пример черт становления цивилизации, к которым относит: «омассовление» как признак урбанизации, войны за мировое господство, становление тиранов во главе государств и перенасыщенность техни-

кой. Таким образом Шпенглер в свойственной ему манере демонстрирует миру XX века, что культура Запада уже находится в стадии упадка, а вторая половина прошлого столетия становится ареной не только для осуществления прогнозов смерти западной цивилизации, но и обнаруживает все ее черты. Однако сколь бы ни был пессимистичен прогноз, следует учитывать и то, что в истории развития человеческого общества уже встречались подобные преобразования и, как показывает реальная действительность, такая смена культур и цивилизаций еще не означает окончательного уничтожения человеческого рода. Учитывая данный факт и тем самым преодолевая социальный пессимизм краха и разрушения западной цивилизации, стоит оценивать его с позиций не

полного, тотального и абсолютного разрушения, а с точки зрения трансформации из одного состояния в другое, подобного переходу темной ночи в светлый день из одного качественного состояния в иное. Подобный переход в духе онтологической бытийности можно считать движением. А, как известно, *modus vita est*, т. е. «движение – кладовая жизни» [2], поэтому происходящее ныне нисхождение будем принимать не за смерть, а за своего рода переход – трансформацию из одного состояния в другое. В данном случае речь идет не о локальном преобразовании одной из существующих цивилизационных моделей в иную, а о трансформации всего социокультурного пространства с учетом глобализационных процессов второй половины XX века [3].

Однако в рамках заявленного исследования особую актуальность и важность приобретает анализ только одного из аспектов происходящих трансформаций, поскольку нельзя «объять необъятное». В качестве существенного атрибута происходящего предлагаем рассмотреть экстремальность, которая сегодня достаточно известна, но при этом остается в области неопределенного, т. к. каждая дисциплинарная матрица предлагает для ее дефиниции собственный набор базовых характеристик, приводя к понятийному хаосу и смысловой неоднозначности, что, в свою очередь, мешает не только понять суть происходящих процессов, но и препятствует построению каких-либо прогнозов дальнейшего генезиса возможного будущего нового социокультурного пространства.

Таким образом, объектом заявленного в названии исследования выступает экстремальность, поэтому в предметную сферу необходимо включить некоторые дискурсивные системы*, в рамках которых идет построение и определение сущностных характеристик заявленного объекта. Соответственно, основной целью выступает необходимость рассмотрения нескольких обозначенных в предметной сфере систем** для определения сущностных характеристик исследуемого объекта.

Однако прежде, чем приступить непосредственно к рассмотрению заявленной объект-

но-предметной сферы, необходимо ввести и дать определение категорийного аппарата. Поскольку наше исследование направлено именно на преодоление понятийной неопределенности, то, безусловно, и в самих терминах не должно ее быть.

Таким образом, следует отметить, что в соответствии с заявленной объектно-предметной сферой в основное проблемное поле данного исследования включены понятия «дискурсивная система» и «экстремальность», которым дается авторская интерпретация.

В первую очередь рассмотрим понятие «экстремальность», поскольку именно оно представляет базовый исследовательский интерес для автора. Под экстремальностью, на наш взгляд, следует понимать «специфический вид деятельности субъекта экстрима в определенных социокультурных и психосоматических условиях, который способен принимать разнообразные виды и формы» [4]. Вместе с тем приведенное определение крайне сужает объект исследования, включая его только в сферу деятельности человека, что не является таковым, поскольку, учитывая нововведения и исследовательскую практику второй половины XX – начала XXI века, экстремальные проявления можно отметить уже не только в человеческом измерении. Исходя из этого, более точным и включающим в себя все аспекты экстремальности, которые встречаются в современном мире, выступает следующее определение: «крайнее, граничное состояние открытой, самоорганизующейся системы, которое свидетельствует о ее выходе на критичные показатели и приводит к запуску механизма трансформации» [5]. Особую значимость в авторской интерпретации экстремальность принимает в антропологическом дискурсе, что не исключает ее проявлений и в других, о чем пойдет речь в дальнейшем [5].

Что касается второй заявленной базовой категории, то здесь речь пойдет о том, что в современном научном пространстве под дискурсивной системой следует понимать такой вид системы, в котором при помощи использования разных смысловых оттенков различ-

* В данном случае следует учитывать авторскую интерпретацию данного понятия, которая будет дана ниже.

** Стоит отметить, что в рамках одного исследования невозможно охватить все дискурсивные системы современного мира, поэтому в проблемное поле включены наиболее значимые, по мнению автора, и выступающие наиболее показательными, что ни в коем случае не умаляет значимость других.

ными дисциплинарными матрицами придает некая смысловая нагрузка для определения того или иного предмета или явления. Однако, прежде чем определить исследуемое понятие, стоит рассмотреть термин «дискурс», который является для него родовым. Впервые он был употреблен в языкознании и обозначал выделение некоторых языковых единиц по конкретному основанию.

В современной семиотике под дискурсом понимается определенный «отрезок языка, который может быть представлен на глубоком семантическом уровне как единая системная сеть» [6]. Рассматривая анализируемое понятие с точки зрения философского знания, следует отметить, что его смысловые границы в данном случае существенно расширяются.

Например, философ М. Фуко, изучая процесс контроля в обществе, приходит к выводу, что дискурс в таком случае можно представить как «язык истины, дисциплины, рациональности, утилитарной ценности и знания» [6]. Таким образом, следует отметить, что именно обозначенный язык и понимает под дискурсом автор, следовательно, язык определенной тематики всегда вписан в «дискурсивные практики» [6], которые в рамках существующей классификации дисциплинарных матриц можно толковать с позиции определенной науки. Поэтому исследование того или иного понятия с точки зрения разных дискурсивных практик дает ученому возможность изучать выделенный объект с различных позиций, помогая тем самым построить собственное видение того или иного предмета или явления.

Соответственно, в рамках изложенного и с позиции необходимого под дискурсивной системой будем понимать систему смыслообразующего категорийного аппарата, отображающую сущностные характеристики исследуемого объекта в определенном научном дискурсе.

Исходя из исследовательской практики, можно отметить, что на данный момент нет

единого мнения как относительно определения самого исследуемого феномена, так и его сущностных характеристик.

Каждый подходит к его исследованию и анализирует исключительно с позиции своей дисциплинарной матрицы, что приводит к потере объективности и всесторонности и, как следствие, к размыванию понимания его сущностных характеристик, а это, в свою очередь, нивелирует саму идею решения поставленного вопроса.

Таким образом, исходя из приведенного выше понятия и очерченной проблемы многообразия исследовательских практик, следует, что поскольку исследуемый сегодня феномен вызывает интерес многих наук, то ныне существует большое количество дискурсивных систем в определении его основных характеристик. Соответственно, для определения его сущностных характеристик необходимо их рассмотрение.

В духе современной классификации наук и с учетом нашего интереса для основного исследования возьмем общественные (юридическая и психологическая дискурсивные системы) и естественные науки (физическая и медицинская³ дискурсивные системы). Следует отметить, что все многообразие исследовательских практик в отношении исследуемого феномена в основном затрагивают только общественные и естественные науки, в то время как технические науки призваны обеспечить техническими средствами ученых первых двух сфер в достижении истины по отношению к исследуемому явлению.

Таким образом, в системе общественных наук возьмем в качестве примера юридическую и психологическую дискурсивные системы. Поскольку юриспруденция направлена в первую очередь на регулирование общественных отношений между людьми, то, соответственно, и экстремальность в ее предметном поле получает внешнее проявление человеческой

* Следует отметить, что на современном этапе развития научного знания существует некий методологический тупик в отношении понимания медицины как определенной области научного знания, т. к., с одной стороны, она занимается сугубо прикладной деятельностью – лечением, с другой – использует современные технологии для продуктивной работы медиков, с третьей стороны, включает в себя большой пласт теоретических проблем, связанных с позицией человека, который проводит лечение, но это уже прерогатива философии медицины. В рамках проводимого исследования целесообразно рассматривать и ее видение экстремальности в указанном (естественно-научном) дискурсе, что в целом не претендует на абсолютность, а только очерчивает проблемное поле и заявляет о необходимости проведения в нем дальнейших исследований.

деятельности, и тогда речь пойдет о крайне негативной форме деструктивного поведения человека – терроризме [7].

С позиции исследуемой дискурсивной системы основным становится вопрос о том, каким образом и при использовании каких средств появляется возможность точной квалификации такого социально опасного явления, как терроризм [8], вводя в дискурс специальные понятия уголовного права.

Так, субъектом данного вида человеческой активности является лицо, достигшее 14-летнего возраста. К субъективной стороне относится прямой умысел, когда лицо осознает общественную опасность совершаемых им действий и предвидит возможность наступления определенных последствий, а также желает или сознательно допускает их наступление или им не противостоит. Признаком также является цель – нарушение общественной безопасности, устрашение населения, оказание воздействия на принятие решения органами государственной власти. Субъективной стороной выступает повлекшего по неосторожности смерть или иные тяжкие последствия, охарактеризована двойной формой вины – прямым умыслом по отношению к террористическим действиям и неосторожностью к последствиям. Объективная сторона терроризма состоит, во-первых, в действиях (взрывы, поджоги или иные действия), создающих угрозу жизни людей, причинения значительного ущерба или иных общественно опасных последствий, а во-вторых, в намерении совершения указанных действий.

Из изложенного видно, что базовым категориальным аппаратом данной дискурсивной системы выступают следующие понятия: «субъект действия», «объект действия», «субъективная сторона действия», «объективная сторона действия».

Таким образом, можно отметить, что с позиции юридической дискурсивной системы под экстремальностью можно понимать крайне негативную форму субъективного действия, которая проявляется в виде противоправного деяния, направленного на определенный объект.

Что касается психологии, то, поскольку ее проблемное поле находится, в отличие от юриспруденции, во внутреннем мире человека, и категориальный аппарат в отношении исследуемого явления у него будет совершенной иной.

Так, в психологии проблема экстремальности находит свое отражение в появившейся во второй половине XX века экстремальной психологии, рассматривающей нормальное функционирование психики человека в ситуациях повышенного стресса, включая в проблемное поле такие понятия, как «сложные», «трудные», «особые», «рискоопасные», «эмоциогенные», «критические», «аварийные», «чрезвычайные», «экстремальные», «гиперстрессовые» и т. п. [8], приводя тем самым к смысловой путанице уже в рамках данной системы.

Однако постараемся все же разобраться, что представляет собой экстремальность в рамках психологической дискурсивной системы.

К примеру, Н.И. Наенко под экстремальностью понимает конгломерат ситуаций, определяющих ее как трудные, параэкстремальные и экстремальные, когда непростая ситуация характеризуется сложной с повышенным значением для субъекта задачей, в то время как вторая и третья – особыми внешними условиями, связанными с повышенным риском, большой ценой возможной ошибки, а третья, кроме того, и тем, что от ее разрешения зависит дальнейшее существование самого субъекта.

В свою очередь, А.М. Столяренко под экстремальными ситуациями понимает «такие ситуации, которые ставят перед человеком большие объективные и психологические трудности, обязывают его к полному напряжению сил и наилучшему использованию личных возможностей для достижения успеха и обеспечения безопасности» [9]. Автор делает вывод, что при классификации экстремальных ситуаций необходимо учитывать разные основания, среди которых: трудность, степень и характер угроз, опасность, возможные последствия, требования к подготовке и поведению людей. Только по совокупности указанных признаков можно выделить несколько видов экстремальных ситуаций: нормальные, параэкстремальные, экстремальные, гиперэкстремальные. По мнению автора, экстремальная ситуация привлекает к себе людей не только тем, что связана с гиперпереживаниями и гипернапряжением, но и с повышенным уровнем угроз и стрессогенностью.

Так, исследуя влияние стресса на здоровье человека, американские ученые Т. Холмс и Р. Раге пришли к необходимости дифференциации разных жизненных ситуаций в

зависимости от степени их стрессогенности. При этом ключевой атрибутивной характеристикой стрессогенной ситуации выступает фактор осознанности угрозы [9].

Таким образом, с позиции психологической дискурсивной системы в категориальный аппарат исследуемого феномена следует включить термины «ситуация», «риск» и «угроза», тогда под экстремальностью стоит понимать такую внешнюю для индивида ситуацию, которая характеризуется осознанностью степени риска и уровнем угрозы собственному существованию.

Рассмотрев две дискурсивные системы общественных наук, обратим свое внимание на характеристику экстремальности в рамках естественных наук в виде физической и медицинской дискурсивных систем. Так, в физике в отношении экстремальности существует так называемый экстремальный принцип, под которым понимается целый ряд фундаментальных постулатов. В общем, данный принцип можно сформулировать так: «действительное движение или состояние системы отличается от всех возможных при данных граничных условиях тем, что некий функционал, характеризующий систему в целом, стационарен и принимает экстремальное значение», или «действительное движение или состояние системы отличается от всех возможных при данных граничных условиях тем, что вероятность этого движения или состояния максимальна» [10].

Таким образом, в категориальный аппарат экстремальности с позиций физической дискурсивной системы входят понятия «система», «максимум и минимум», «граничные условия», тем самым подразумевая под экстремальностью определенное состояние системы, функционал которой в конкретных граничных условиях достигает максимального значения данной системы.

Если же в рамках естественно-научного знания рассматривать экстремальность с позиций медицинской дискурсивной системы, то стоит отметить, что и здесь, как показывает исследовательская практика, имеется неопределенность и рассогласованность в понятийном аппарате, что, однако, не влияет на употребление и рассмотрение экстремальности в рамках проблемного поля. Так, термины «экстремальный» и «экстремальность» с позиций медицины используются для определения окружающей человека среды и состояния здоровья человека, которое формируется под ее

влиянием. Следует учитывать, что в определенных условиях внешней среды под действием экстремальных факторов могут развиваться такие состояния здоровья человека, которые рассматриваются как динамическое рассогласование и приводят к необходимости перестройки систем гомеостатического регулирования за счет мобилизации внутренних резервов организма. В данном случае происходит перестройка работы клеток на другой функциональный уровень за счет резистентности стресс-реакции и феноменов адаптационной стабилизации структур, гиперплазии и гипертрофии тканей и органов [11]. Тогда в качестве меры экстремальности может быть принято определение степени напряжения адаптационного процесса, а экстремальность различных воздействий будет зависеть от силы, продолжительности, новизны, неожиданности и непривычности проявления этого напряжения. В данном случае основными признаками экстремальных состояний и условий, а соответственно, и определение экстремальных состояний могут быть весьма разнообразны. К примеру, если говорить об экстремальности в клинических условиях, то ее характерными чертами будут невротические состояния. Если речь идет о наиболее вредоносных, то они будут представлены серьезными нарушениями со стороны основных систем организма в значительной степени выраженности.

Таким образом, можно отметить, что в понятийный аппарат медицины в отношении экстремальности включены такие понятия, как «экстремальные факторы», «экстремальные условия», «экстремальные состояния», «невротизм», «функционалирование», «адаптация», «функциональная система». Исходя из этого, под экстремальностью следует понимать определенное рассогласованное функциональное состояние человека, при котором происходит гомеостатическое регулирование за счет максимальной мобилизации резервов организма.

Таким образом, проведенный анализ указанных дискурсивных систем дает возможность не только построения базового категориального аппарата исследуемого феномена, но и на основе уже имеющегося формирования общего для всех определения понятия «экстремальность».

В проблемное поле исследуемого входят понятия из:

– юриспруденции: «субъект действия», «объект действия», «субъективная сторона действия», «объективная сторона действия»;

– психологии: «ситуация», «риск», «угроза»;

– физики: «система», «максимум и минимум», «граничные условия»;

– медицины: «экстремальные факторы», «экстремальные условия», «экстремальные состояния», «невротизм», «функционирование», «адаптация», «функциональная система».

Если проанализировать все имеющиеся определения, а также учитывая семантический и семиотический аспекты исследуемого феномена, то базовыми категориями, способными выразить сущностную характеристику экстремальности, будут являться:

– субъект как основной актер экстремальности;

– система как основная среда экстремальности;

– крайность как граничное положение, т. е. положение минимума или максимума системы, запускающее механизм проявления экстремальности;

– риск как внешний фактор усиления действия субъекта в положении крайности в определенной системе.

Для определения исследуемого понятия в качестве основополагающих можно использовать дефиниции, приведенные в соответствующих дискурсивных системах:

– юриспруденции: экстремальность – это крайняя форма субъективного действия, направленная на определенный объект;

– психологии: экстремальность – это внешняя для индивида ситуация, характеризующаяся определенной степенью осознанности риска и уровнем угрозы для собственного существования;

– физике: экстремальность – это определенное состояние системы, функционал кото-

рой находится в граничных условиях, тем самым достигая максимального значения этой системы;

– медицине: экстремальность – это определенное рассогласованное функциональное состояние человека, при котором происходит гомеостатическое регулирование за счет максимальной мобилизации резервов организма.

Исходя из вышеизложенного можно отметить, что приведенные в начале данного исследования дефиниции экстремальности как особого вида деятельности субъекта экстрима в определенных социокультурных и психосоматических условиях, способного принимать разные формы, или в более широком значении как крайнего, граничного состояния открытой, самоорганизующейся системы, свидетельствующего об ее выходе на критичные показатели и приводящего к запуску механизма собственной трансформации, могут быть предложены в качестве основополагающих и дающих надежду на снятие смысловой неопределенности в отношении исследуемого феномена, поскольку включают в себя дискурсивную систему более высокого уровня абстрактности.

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на имеющееся многообразие точек зрения, существующую смысловую неопределенность и наблюдающийся плюрализм в определении феномена экстремальности, большинство мыслителей современности, определяя и описывая базовые характеристики изучаемого явления, вкладывают в его атрибутивность одни и те же понятия, хоть и используют терминологию своей дискурсивной системы. Такое положение вселяет оптимизм, поскольку дает возможность проанализировать все имеющиеся многообразие дискурсивных систем и прийти к единому определению данного феномена на уровне наиболее абстрактной дискурсивной системы – философской.

Литература

1. Шпенглер О. Закат Европы: пер. с нем. / под ред. А.А. Франковского. URL: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml (дата обращения: 27.04.2021).

2. Плутарх. URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/458623-plutarkh-dvizhenie-kladovaia-zhizni> (дата обращения: 27.04.2021).

Bibliography

1. Spengler O. Decline of Europe: transl. from German / ed. A.A. Frankovsky. URL: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml (date of access: 27.04.2021).

2. Plutarch. URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/458623-plutarkh-dvizhenie-kladovaia-zhizni> (date of access: 27.04.2021).

3. Коноплева А.А. Глобализация в контексте культурно-философской антропологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1(74).

4. Чудина-Шмидт Н.В. Сущностные характеристики концепта «экстрим» // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 9.

5. Чудина-Шмидт Н.В. Роль социального диалога в формировании просоциальной экстремальности // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: сб. Новороссийск, 2015.

6. Шапинская Е.Н. К методологии исследований культуры: дискурсивный анализ. URL: <https://nauchtrud.com/6376/2020072608535095468> (дата обращения: 27.04.2021).

7. Буткевич С.А. Законодательный и доктринальный подходы к проблеме противодействия терроризму // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. Крым, 2015.

8. Михеев И.Р. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение // Владивостокский центр исследований организованной преступности при Юридическом институте ДВГУ CRIME.VL.RU все о преступности. URL: http://crime.vl.ru/docs/stats/stat_62.htm (дата обращения: 29.04.2021).

9. Экстремальна та кризова психологія. URL: <http://extrpsy.nuczu.edu.ua/statya9> (дата обращения: 29.04.2021).

10. Коноплева А.А., Никитина Л.Н., Чудина-Шмидт Н.В. Анализ социокультурных и психологических предпосылок развития экстремизма в Крымском федеральном округе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2016. Т. 5. № 3.

11. Терехович В.Э. Обобщение экстремальных принципов физики // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2012. № 11(66).

12. Харитонов В.И. О понятии экстремальности // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2014. № 4.

3. Konopleva A.A. Globalization in the context of cultural and philosophical anthropology // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2016. № 12-1(74).

4. Chudina-Schmidt N.V. Essential characteristics of the concept «Extreme» // Manuscript. 2019. Vol. 12. Iss. 9.

5. Chudina-Schmidt N.V. The role of social dialogue in the formation of pro-social extremeness // Actual problems of law and law enforcement at the present stage: collection of articles. Novorossiysk, 2015.

6. Shapinskaya E.N. On the methodology of cultural studies: a discursive analysis. URL: <https://nauchtrud.com/6376/2020072608535095468> (date of access: 27.04.2021).

7. Butkevich S.A. Legislative and doctrinal approaches to the problem of countering terrorism // Countering extremism and terrorism in the Crimean Federal District: problems of theory and practice. Crimea, 2015.

8. Mikheev I.R. Terrorism: concept, responsibility, prevention // Vladivostok Center for Organized Crime Research at the FENU Law Institute CRIME.VL.RU is all about crime. URL: http://crime.vl.ru/docs/stats/stat_62.htm (date of access: 27.04.2021).

9. That crisis psychology is extreme. URL: <http://extrpsy.nuczu.edu.ua/statya9> (date of access: 27.04.2021).

10. Konopleva A.A., Nikitina L.N., Chudina-Schmidt N.V. Analysis of the socio-cultural and psychological prerequisites for the development of extremism in the Crimean Federal District // Research and Development. Socio-humanitarian research and technology. 2016. Vol. 5. № 3.

11. Terekhovich V.E. Generalization of extreme principles of physics // Almanac of modern science and education. Tambov, 2012. № 11(66).

12. Kharitonov V.I. On the concept of extremity // Russian Medical and Biological Bulletin named after Academician I.P. Pavlova. 2014. № 4.

Шаталов Евгений Анатольевич
Shatalov Evgeny Anatolyevich

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: penalize@rambler.ru

Head of the Department of Theory and History of State and Law, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

ДИСКУССИЯ О ПРЕДМЕРЕ НАУКИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Discussion on the subject of science of the universal history of state and law

В статье предпринимается попытка проанализировать существующие в науке подходы к определению предмета всеобщей истории государства и права, проанализировать сопутствующие этому теоретико-методологические проблемы. На обсуждение вынесены авторские позиции и идеи о структуре и содержании предмета науки всеобщей истории государства и права.

Ключевые слова: всеобщая история государства и права, предмет и объект науки, методология, научные проблемы.

This article attempts to analyze the existing approaches in science to determine the subject of the universal history of state and law, to analyze the theoretical and methodological problems associated with this. The author's positions and ideas about the structure and content of the subject of science of the universal history of state and law are put up for discussion.

Keywords: general history of state and law, subject and object of science, methodology, scientific problems.

Вопрос о предмете науки всеобщей истории государства и права остается на сегодняшний день открытым и нерешенным. Это вносит существенные сложности в определение ее статуса, междисциплинарной связи с теоретико-правовыми и иными общественными науками, а также идентификацию ее научных границ, которые в отсутствие четкого представления о предмете науки неукоснительно становятся размытыми [1].

Данное обстоятельство обусловлено рядом причин. Во-первых, предмет науки – это весьма сложная и неоднозначная категория. Полемика о его структуре в рамках науки философии с каждым днем становится все острее. Такая научная активность порождает многообразие порой противоположных подходов, идей, концепций, что никак не способствует достижению единой цели. Учение о предмете науки становится объемнее, а какой-либо конкретики так и не появляется. Во-вторых, наука всеобщей истории государства и права является достаточно молодой. Пик ее развития приходится на последние три десятилетия, когда появилась реальная возможность исследовать материал свободно и беспристрастно. Это обстоя-

тельство усилило интерес и научную активность многих исследователей, в том числе молодых. Очевидно, что наука в полном смысле слова является наукой и может прогрессировать только тогда, когда у исследователей возникает возможность изучать материал в отрыве от идеологии и других политических задач, общественного мнения, всякого рода схоластики. Как справедливо заметил А.С. Хомяков, «наука должна быть чужда всем страстям» [2].

В дореволюционной России история государства и права развивалась на уровне сравнительного правоведения, и исследования в этой области носили сугубо прикладной характер [3]. Объектом таких исследований, как правило, выступало только право, которое рассматривалось в отрыве от государства и политической системы общества и других важных социальных институтов. Подобные исследования требовались только для того, чтобы создать минимум знаний, в большей степени востребованный для преподавания данной учебной дисциплины в юридических вузах.

Вопрос о всеобщей истории государства и права как о науке был поставлен в советской России. В этот период предпринимались

попытки охарактеризовать ее предмет – отдельные проблемы Афинского государства, римского права, варварских королевств и т. д. Предполагалось также изучать не просто историю государства и права, но и историю политической и государственной идеологии применительно к отдельным периодам. Помимо этого, советские историки-правоведы продекларировали задачи политического характера, некий заказ на исследование научного материала сквозь призму классового подхода, изучение в большей степени политико-правового опыта тех стран, где изменения в общественных отношениях происходили, как правило, революционным путем [4].

Одним из первых попытку политизировать предмет всеобщей истории государства и права предпринял профессор П.Н. Галанза. Он писал: «Предметом истории государства является процесс возникновения, образования и развития типов и форм государства, а также систем права в их конкретном проявлении у различных народов земного шара в хронологической последовательности, в рамках установленной марксистско-ленинской исторической наукой периодизации, в условиях общественно-экономических формаций, соответствующих этим типам государств и системам права и определяющих эти типы государства и системы права» [5].

Очевидно, что при таком подходе предмет науки становится максимально узким и хуже всего он помещает науку в жесткие идеологические рамки, навешивая ей определенные стандарты, шаблоны. Сосредоточение внимания здесь только на элементах классовой борьбы, классовой или какой-либо иной сущности институтов государства, общества, права в процессе их исторического развития никак не может способствовать изысканию беспристрастных, объективных научных данных. Более того, это может повлечь за собой искажение уже известных исторических фактов, что не раз имело место в период существования антидемократических режимов в разных странах в различные периоды времени.

В-третьих, несмотря на усилия и старания современного научного сообщества на пути исследования истории государства и права, кардинальных попыток взглянуть на ее предмет с точки зрения хотя бы структуры науки предпринято не было. Даже попытки разграничить предмет науки и дисциплины всеобщей истории государства и права не предпринимались до сих пор. Порой эти два понятия, как и в советской науке, просто-напросто отождествляются. В рамках советской правовой школы такая практика была весьма распространена. На-

пример, в одном и том же источнике учебная дисциплина «Всеобщая история государства» без каких-либо оговорок одновременно именуется профессором К.Е. Ливанцевым как история государства и права зарубежных стран [6].

Определения, которые сформулированные разными авторами, зиждутся только на субъективном умозаключении, к сожалению, не на глубоком анализе, специфике науки и дисциплины, ее организации и других важных теоретико-методологических аспектах. Фундаментальные, глубокие по своему характеру исследования в этой области, которые бы базировались именно на системном анализе каждого структурного элемента, положенного в основу предмета науки всеобщей истории государства и права их взаимосвязи, отсутствуют. Определения предмета этой науки содержатся лишь в некоторых авторских учебниках и учебных пособиях, но отнюдь не во всех. Так, к примеру, профессор К.И. Батыр дает определение ее предмету только на уровне учебной дисциплины, о чем собственноручно делает ремарку. По его мнению, всеобщая история государства и права исследует возникновение, развитие, функционирование государства и права стран, оказавших наибольшее влияние на историю государственности, анализирует содержание государственно-правовых процессов, развивающихся в определенном времени и пространстве, исследует присущие им причинно-следственные связи и раскрывает конкретно-исторические закономерности [7].

Отметим, что в вышеуказанном определении, которое привязано к предмету учебной дисциплины, автор оперирует таким понятием, как «исследует». Все-таки исследование как функция свойственна именно науке [8], а не учебной дисциплине. Последняя, по общепринятому представлению, в большей степени обобщает уже научный материал, адаптируя его под нужды образовательного процесса в юридических вузах, подчас существенно сокращая и упрощая таковой.

Следующий аспект авторского определения, который вызывает сомнение, – это фраза «исследует возникновение, развитие, функционирование государства и права стран...». В соответствии с Толковым словарем русского языка Д. Ушакова термин «возникновение» определяется как «начало чего-нибудь» [8]. Иногда в трудах других авторов встречается многоаспектный термин «генезис» [9], который может быть раскрыт как в узком, так и в широком смысле [10]. Однако авторы не уточняют его этимологию. В любом случае основное

значение термина «генезис» – происхождение, возникновение, момент зарождения, другими словами, начало чего-либо. В свою очередь, начало для истории означает наличие конкретных хронологических координат – точек отсчета, которые свидетельствовали бы о весьма точных фактах зарождения государства и права в определенный, заданный период времени. Учитывая существенные пробелы в научном знании, недостаточность исторических фактов и широты толкования имеющихся, а порой и просто необъективность их изложения, представляется весьма сложной задачей определить момент возникновения государства и права у разных народов [11]. Особенно это касается истории государства и права стран Древнего мира и Средних веков. Профессор Г. Еллинек по этому поводу указывал, что «история всегда фрагментарна». Рассуждая над вопросом влияния восточной культуры на развитие государств Древнего мира, он писал: «Подробное исследование и выяснение влияния древневосточных государств представляется, однако, невозможным, так как мы располагаем в этом отношении слишком недостаточным материалом, и суждения, на нем основанные, могли бы быть только поверхностными. Нам известны только внешние контуры государственного устройства древнего Востока, но детали образования и исторического развития отдельных институтов – а именно эти детали для нас, прежде всего важны – по большей части совершенно не выяснены» [12].

По этой причине требуется переосмысление предмета всеобщей истории государства и права в контексте учебной дисциплины и в особенности как науки, исходя из ее объективных возможностей, реалий и достижений.

Иногда в определениях предмета встречаются и иные дискуссионные понятия. Например, предмет науки всеобщей истории государства и права сводится к изучению конкретно-исторических закономерностей возникновения, развития и функционирования государственных и правовых учреждений и институтов в хронологической последовательности в рамках отдельных цивилизаций и у определенных народов, оказавших наибольшее влияние на политико-правовую эволюцию человечества [13].

Дискуссионными в этом определении нам представляются два термина – «конкретно-исторические закономерности» и «цивилизация». Во-первых, закономерности – это относительно устойчивые и регулярные взаимосвязи между явлениями и объектами, «...повторяющаяся, существенная связь, явлений общественной

жизни или этапов исторического процесса, характеризующая поступательное развитие истории» [14].

Проследить в истории государства и права закономерности возникновения, развития и функционирования государственных и правовых учреждений, при этом еще и конкретно-исторических, не так просто в силу индивидуальности исторического и политико-правового развития государств и значительных пробелов в научном знании об этом процессе. По этому поводу весьма уместно высказался один из крупнейших отечественных методологов, профессор Б.Г. Могильницкий: «В настоящее время представление о закономерном характере исторического развития принадлежит к наиболее дискредитированным. Слишком сложным и непредсказуемым является мир человеческих страстей и поступков, чтобы можно было оперировать незыблемыми законами, управляющими в грандиозной детерминистской картине движением истории в прошлом, настоящем и будущем» [15].

Прописной истиной является то, что устанавливать в целом какие-либо социальные законы можно только при полноте научных сведений о сопоставляемых фактах. Процесс их исследования в обязательном порядке должен опираться на достаточный массив эмпирических данных [16]. Например, крайне затруднительно проследить определенные закономерности в правовом развитии государства салических франков и иных варварских королевств в конце V – начале VI века. Поскольку современной науке известен только один из наиболее крупных памятников права Франкского государства Меровингов этого периода – Салическая правда. Однако, являясь случайной записью обычного права германцев, она не может дать исчерпывающих данных для разрешения вышеуказанного вопроса. Это связано с неполнотой содержащихся в ней материалов и тем фактом, что Правда не является кодексом действовавшего права, который бы регламентировал все стороны жизни варваров-франков [17]. О других наиболее распространенных источниках права варварских королевств («формулы, грамоты или акты, капитулярии королей и императоров» [17], «традиционное устное право, обычаи» [18], «юридические порядки, привнесенные с собою германцами» [19] и пр.) сохранились только краткие, далеко не полные сведения.

Поиск же закономерностей всегда предполагает сопоставление многочисленных и повторяющихся фактов, когда между ними отсутствует разрозненность [20]. Соответственно,

установить какие-либо закономерности в этой сфере на протяжении столь длительного исторического периода и на основании лишь одного или нескольких юридических источников без учета других не представляется реальным. Невозможно также определить закономерности общественно-политического, правового развития одного этноса по отношению к другому в силу культурной индивидуальности, специфики исторической эволюции, связи с религией и т. д. одного из них. Например, древнеиндийский общественный строй и право, его источники представляются весьма уникальными по своей природе и характеру. Похожие религиозно-юридические институты, мононормы о стратификации социума, юридической ответственности его членов, пожалуй, больше не встречаются у других народов мира в указанный исторический период [21].

По этому поводу весьма точно высказался в своем научном исследовании Л.И. Петров: «Право каждого народа носит на себе определенный отпечаток, определенный характер, присущий только этому народу. Точно также народы отличаются друг от друга своим языком, правами, политическим устройством» [22].

Во-вторых, термин «цивилизация», который повсеместно используют современные авторы, характеризуя предмет науки всеобщей истории государства и права, является весьма дискуссионным по своей сути. Целесообразность его применения в определениях остается не аргументированной, что, в свою очередь, вызывает некоторые вопросы.

Подчеркнем, что в современной науке не сложилось единого понимания этого явления, его признаков, начала возникновения и т. д. На проблему научного обоснования, субъективности этого «сложного духовного явления» в своих работах обращал внимание виднейший российский дореволюционный правовед Н.И. Хлебников [23]. Выдающийся мыслитель Ф. Энгельс рассматривал в первую очередь цивилизацию с точки зрения наличия и степени развитости экономических отношений в обществе [24], А. Тойнби говорил о приоритете культуры, религии и т. д. [25].

Не отрицая приведенных доводов, все же считаем, что данное явление нужно рассматривать и с правовой точки зрения, т. к. это очень важно для понимания указанного термина в контексте именно юридической науки, к коим относится всеобщая история государства и права. На наш взгляд, цивилизация – это состояние общественных отношений, при котором государство как публичная организация власти

получает возможность гарантировать и реализовать основные права и свободы личности, в том числе на личную безопасность и т. д., обеспечить общественные интересы. Если такого состояния в социуме не сложилось, то даже при высоком уровне развития культуры, экономики и других сфер говорить можно только о новых исторических переходных этапах общественного развития, сопровождаемых, допустим, научно-технической революцией и другой движущей силой, но никак не о цивилизации.

В потоке научной дискуссии этот вопрос так и остается открытым. Современные официальные научно-справочные материалы являются ярчайшим доказательством того, что термин «цивилизация» толкуется по-разному, единства мнений здесь не наблюдается. Например, цивилизация – это «одно из разнокачественных состояний общества в его изменении в реальном историческом времени» [26] или «уровень, стадия развития материальной и духовной культуры общества и человечества» [27]. Предложенные определения явно страдают отсутствием четких очертаний и представляются нам не иначе как расплывчатыми, абстрактными. Говоря словами Б.Н. Чичерина, «все ограничивается туманными представлениями, которые не выдерживают критики» [28].

Вообще проблема детализации научной терминологии, споров о ее содержании, используемой в исследованиях по истории государства и права, как и по истории в целом, не является новой. По этому поводу негодовал дореволюционный историк права профессор М.М. Ковалевский: «Большинство историков не считали нужным условиться на первых порах в том, что они именно будут понимать под наименованиями “род”, “община”, “семья”. Понимая различным образом любой из приведенных терминов, они нередко спорили о словах, думая в то же время спорить о деле» [29].

Поэтому было бы весьма корректно с методологической точки зрения вводимым в научный оборот понятием и терминам предлагать более или менее исчерпывающее научное обоснование. Это нужно сделать в том числе и с позиций науки всеобщей истории государства и права, чтобы сложилось относительно четкое понимание, представление в каком контексте они могут здесь употребляться. Это необходимо для предупреждения тотального субъективизма, хаоса, спекуляцией фактами в процессе осмысления исторических аспектов развития государства и права народов мира, а также установления более строгих границ научного исследования материала и его освещения

во избежание возможных ошибок, неточностей, фальсификации.

Любопытным, на наш взгляд, представляется тот факт, что, в отличие от историков-правоведов, некоторые представители теории государства и права при описании предмета истории государства и права используют иной подход. В своих характеристиках они не употребляют такие понятия, как «закономерности», «цивилизации» и т. д. Профессор О.В. Мартышин, говоря об историко-правовых науках, подчеркивает, что они рассматривают эволюцию государственных и правовых институтов разных стран, а также представления о государстве и праве в хронологической последовательности или в определенных хронологических рамках [30].

В.В. Лазарев, С.В. Липень пишут, что исторические юридические науки рассматривают процесс развития государственно-правовых учреждений [31]. Н.И. Матузов, А.В. Малько пришли к мнению, что историко-правовые науки изучают процесс развития государственно-правовых форм в хронологическом порядке [32]. Профессор Т.Н. Радько представляет наиболее развернутую характеристику предмета истории государства и права, которая, по его мнению, изучает историю государственных учреждений и правовых институтов по определенным периодам законодательства разных государств со времени их возникновения и до наших дней, анализирует изменения, происходящие в государственных и правовых учреждениях, и т.д. При этом Т.Н. Радько вводит в оборот термин «закономерности» только применительно к таким наукам, как теория государства и права и история правовых учений [33].

Существует мнение, что преодолеть сложности и разночтения с понятийным аппаратом, при этом уточнить и расширить теоретико-методологические основы истории государства и права, ввести новую, актуальную, единую юридическую терминологию в науку может практика более активного использования в исследовательской деятельности понятий теории государства и права. Данное предложение сформулировано отечественным ученым-правоведом Р.Л. Ивановым. В этом контексте автор подчеркивает необходимость и важность эффективного использования методологического потенциала теории государства и права в исторических исследованиях. Такой подход в том числе позволит переосмыслить целесообразность использования в истории государства и права некоторых неюридических по своей природе терминов, например «государственный и общественный строй», которые не получили своего полного научного тол-

кования, но при этом достаточно широко используются учеными [34].

Считаем такой подход вполне обоснованным и заслуживающим серьезного внимания. Однако следует подчеркнуть, что в самой науке теории государства и права существует немало разночтений, полемики вокруг употребляемых понятий и терминов. Достаточно упомянуть проблему определения права, которая, по словам Г.В. Мальцева, остается актуальной и в наши дни [35]. Это является препятствием и создает сложности на пути их научной апробации, применения в вопросах исследования исторических фактов.

Отметим, что проблема единообразия терминологии не закрывает перечень указанных выше дискуссионных вопросов о предмете рассматриваемой науки. Он будет далеко не полным, если не обратить внимание еще на одну очень важную деталь. Речь идет о том, что предмет всеобщей истории государства и права, как и любой другой науки, – категория очень динамичная, он не находится в одной и той же точке своего развития и время от времени уточняется, дополняется. Периодически перед наукой возникают новые, актуальные проблемы, требующие своего отдельного, комплексного анализа, ее предмет закономерно меняет свои прежние доктринальные границы и становится гораздо шире. Именно такая тенденция наблюдается сегодня во всеобщей истории государства и права, хотя некоторые авторы по этому вопросу имеют иную точку зрения. В ряде случаев указывается, что история государства и права исключительно предстает как наука об историческом опыте создания права, где подвергается научному анализу возникновение и конструирование определенных общечеловеческих обычаев, традиций, установлений, предписаний, которые не потеряли своего цивилизационного значения и сегодня [36]. Порой можно встретить мнение о предмете истории государства и права как о совокупности историй отдельных отраслей права (государственного, уголовного, гражданского и т. д.), которое, по сути, ставит под сомнение целостность этой науки [34].

Другие исследователи считают, что объектом современной науки и учебной дисциплины «История государства и права зарубежных стран» является собственно государство и право в историческом прошлом [37]. Однако здесь следует подчеркнуть, что эта наука не ограничивается их изучением. Не стоит забывать об исследовании юридических основ общественного строя – всеобщей общественно-правовой истории. Она, по нашему мнению, представляет собой

подотрасль всеобщей истории государства и права, предметом которой является научно-теоретическое, методологическое исследование исторических особенностей правовой эволюции общества у разных народов мира, основы его строя, структуры, уклада, юридического быта, культурно-религиозной дифференциации, статуса отдельных групп населения, индивидуумов в возникающих между ними, в том числе с государством, частных и публичных правоотношениях и их социально-нормативной регламентации.

Сегодня насчитывается немало интересных и содержательных научных изысканий, прямо и косвенно освещающих предметные вопросы этой подотрасли, в развитии которой, по нашим наблюдениям, есть положительная динамика и перспективы [38]. Эта важная особенность также должна быть учтена при попытке переосмыслить предмет и объект всеобщей истории государства и права как науки и учебной дисциплины.

При этом нужно иметь в виду, что история не должна превращаться в науку, где предметом выступает только выборочное исследование институтов государства и права какой-либо страны или нескольких государств в отдельности друг от друга, в отрыве от международной политики и юридической жизни на определенном отрезке времени. Такой способ приведет к поверхностным и далеко не полным, а возможно, и ошибочным научным результатам. «Каждое государство, каждый орган его, каждое событие в жизни государства является прежде всего чем-то совершенно индивидуальным», – писал Г. Еллинек [12]. В этом же контексте А.С. Хомяков утверждал, что «не дела лиц, не судьбы народов, но общее дело, судьба, жизнь всего человечества составляет истинный предмет истории» [2]. Поэтому история государства и права должна быть не иначе как всеобщей [39], включая в свой предмет анализ истории развития государства и права всех стран мира, т. к. сложно определить и выбрать, какая из них оказала наибольшее влияние на историю государственности, на всемирную историю. Сложно даже предполо-

жить, на каких критериях может быть основан такой подход. Как уже было сказано, каждая страна уникальна с точки зрения накопленного государственно-правового опыта, практики взаимодействия между собой, которая требует комплексного беспристрастного научного осмысления.

Сторонником такого подхода выступал профессор права А.Д. Градовский. Подвергая анализу историю развития европейского государственного (конституционного) права XIX века, он утверждал, что познавательный процесс здесь должен быть сконцентрирован одновременно на все, а не отдельные страны континента, поскольку их развитие происходит в рамках общих условий и «единой жизни европейских народов» [40].

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание и на то, что предмет науки обязательно должен включать в себя не только вопросы изучения ее объектов, но и важные, актуальные проблемы, сопровождающие исследовательскую деятельность, например историографические, теоретические и др. Как справедливо отмечает Л.М. Косарева, предметом науки, научной деятельности является не только область объективных взаимодействий природы, открываемая мучительным поиском мысли ученого, так сказать, готовое решение научной проблемы. Предметом науки является также сама научная проблема [41].

Учитывая эти особенности и все вышеназванные характеристики предмета науки всеобщей истории государства и права, следует изложить его определение в следующей редакции: предмет науки всеобщей истории государства и права заключается в комплексном, системном исследовании известных науке исторических фактов с целью установления особенностей политико-правового развития государств, отраслей и институтов права, юридических основ общественного строя народов мира в определенные промежутки времени, а также вопросов формирования и совершенствования теоретического и методологического базиса данной науки.

Литература

1. Полехин В.А. Проблема предмета науки в контексте типов научной рациональности: опыт философско-методологического анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2007.
2. Полное собрание сочинений А.С. Хомякова. М., 1900. Т. 5.

Bibliography

1. Polekhin V.A. The problem of the subject of science in the context of types of scientific rationality: the experience of philosophical and methodological analysis: author. abstr. ... Cand. of Philosophy. Magnitogorsk, 2007.
2. Complete works of A.S. Khomyakov. Moscow, 1900. Vol. 5.

3. Гринев В.А. Происхождение и развитие историко-правовой науки в Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
4. Советская историко-правовая наука (очерки становления и развития). М., 1978.
5. Галанза П. Конспект лекций по курсу «Всеобщая история государства и права» / под ред. В.Я. Коровина. М., 1940. Вып. 1.
6. Сборник документов по всеобщей истории государства и права / сост. проф. К.Е. Ливанцев. Л., 1977.
7. Батыр К.И. Всеобщая история государства и права: учебник. М., 1998.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. М., 1996. Т. 1.
9. Иванов А.А. История государства и права зарубежных стран: учебное пособие. М., 2012.
10. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 1999.
11. Шаталов Е.А. Теоретико-методологические проблемы науки всеобщей истории государства и права // История государства и права. 2021. № 7.
12. Еллинек Г. Общее учение о государстве. Книга первая. СПб., 1903.
13. Мухаев Р.Т. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов. М., 2019.
14. Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 9.
15. Могильницкий Б.Г. Об исторической закономерности как предмете исторической науки // Новая и Новейшая история. 1997. № 2.
16. Ветюгнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
17. Салическая Правда. С введением Н.П. Грацианского. Казань, 1913.
18. Мастыкова А.В. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у Алан Центрального Предкавказья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 21.
19. Ковалевский М. Социология. Т. 1: Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. СПб., 1910.
20. Ветюгнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
21. Безносова Я.В. Дхармашастры Ману, Яджиавалкьи и Нарады как источники нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии II в. до н.э. – V в. н.э. (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2019.
3. Grinev V.A. Origin and development of historical and legal science in the Russian Empire: author. abstr. ... Cand. of Law. Krasnodar, 2007.
4. Soviet historical and legal science (essays on formation and development). Moscow, 1978.
5. Galanza P. Lecture notes on the course «General History of State and Law» / ed. V.Ya. Korovin. Moscow, 1940. Issue 1.
6. Collection of documents on the general history of state and law / comp. prof. K.E. Lebanese. L., 1977.
7. Batyr K.I. General history of state and law: textbook. Moscow, 1998.
8. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols / ed. prof. D. Ushakov. Moscow, 1996. Vol. 1.
9. Ivanov A.A. History of the state and law of foreign countries: a study guide. Moscow, 2012.
10. New illustrated encyclopedic dictionary. Moscow, 1999.
11. Shatalov E.A. Theoretical and methodological problems of the science of the general history of state and law // History of state and law. 2021. № 7.
12. Jellinek G. General doctrine of the state. Book one. St. Petersburg, 1903.
13. Mukhaev R.T. History of state and law of foreign countries: a textbook for universities. Moscow, 2019.
14. Great Soviet Encyclopedia. Moscow, 1972. Vol. 9.
15. Mogilnitsky B.G. On historical patterns as a subject of historical science // New and Contemporary History. 1997. № 2.
16. Vetyugnev Yu.Yu. State-legal laws: questions of theory and methodology: author. abstr. ... Cand. of Law. Saratov, 2004.
17. Salic Truth. With the introduction of N.P. Gratsiansky. Kazan, 1913.
18. Mastykova A.V. «Barbarian kingdoms» of the era of the Great Migration of Peoples near the Alans of the Central Ciscaucasia // Problems of history, philology, culture. 2008. № 21.
19. Kovalevsky M. Sociology. Vol. 1: Sociology and concrete sciences of society. Historical sketch of the development of sociology. St. Petersburg, 1910.
20. Vetyugnev Yu.Yu. State-legal laws: questions of theory and methodology: author. abstr. ... Cand. of Law. Saratov, 2004.
21. Beznosova Ya.V. Dharmashastras of Manu, Yajnavalkya and Narada as sources of normative regulation of social relations in Ancient India in the 2nd century. BC. – V c. AD (historical and legal research: author. abstr. ... Cand. of Law. Penza, 2019.

22. Петров Л.И. Происхождение обычного права (опыт научной разработки данных по сборнику «Материалы для описания местностей и племен Кавказа», изданному Яновским) // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 6.
23. Хлебников Н. Право и государство в их обоюдных отношениях. Исследование о происхождении, сущности, основных началах и способах развития цивилизации вообще. Варшава, 1874.
24. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства (по Моргану). СПб., 1906.
25. Тойнби А. Постижение истории. М., 1966.
26. Новейший социологический словарь. Мн., 2010.
27. Политология: словарь-справочник. Новосибирск, 2006.
28. Чичерин Б. Собственность и государство. М., 1882. Ч. 1.
29. Бротауз-Ефрон. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права профессора Максима Ковалевского. СПб., 1911. Вып. 1.
30. Теория государства и права: учебник / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2007.
31. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2000.
32. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2002.
33. Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник. М., 2009.
34. Ящук Т.Ф., Нефедов Л.В. Материалы круглых столов по истории государства и права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 2(23).
35. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
36. Рубаник С.А. История государства и права и история учений о праве и государстве: некоторые проблемы соотношения // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 2(10).
37. Косарев А.И. История государства и права зарубежных стран: учебник. М., 2002.
38. Волкова С.В. Древнегреческий полис: идеи, реальность (V–IV вв. до н.э.): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998.
39. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. М., 1996. Т. 1.
40. Собрание сочинений А.Д. Градовского. СПб., 1900. Т. 4.
41. Косарева Л.М. Предмет науки. Социально-философский аспект проблемы. М., 1977.
22. Petrov L.I. The origin of customary law (experience in the scientific development of data on the collection «Materials for the description of localities and tribes of the Caucasus», published by Yanovsky) // Journal of the Ministry of Justice. 1899. № 6.
23. Khlebnikov N. Law and state in their mutual relations. A study on the origin, essence, basic principles and methods of development of civilization in general. Warsaw, 1874.
24. Engels F. The origin of the family, private property and the state (according to Morgan). St. Petersburg, 1906.
25. Toynbee A. Comprehension of history. Moscow, 1966.
26. The latest sociological dictionary. Mn., 2010.
27. Political science: dictionary-reference book. Novosibirsk, 2006.
28. Chicherin B. Property and the state. Moscow, 1882. Part 1.
29. Brogauz-Efron. Tribal life in the present, recent and distant past. Experience in the field of comparative ethnography and the history of law of Professor Maxim Kovalevsky. St. Petersburg, 1911. Issue 1.
30. Theory of state and law: textbook / ed. O.V. Martyshin. Moscow, 2007.
31. Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of state and law: a textbook for universities. Moscow, 2000.
32. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2002.
33. Radko T.N. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2009.
34. Yashchuk T.F., Nefedov L.V. Materials of round tables on the history of state and law // Bulletin of the Omsk University. Series «Right». 2010. № 2(23).
35. Maltsev G.V. Understanding law. Approaches and problems. Moscow, 1999.
36. Rubanik S.A. History of state and law and history of teachings about law and state: some problems of correlation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2013. № 2(10).
37. Kosarev A.I. History of state and law of foreign countries: textbook. Moscow, 2002.
38. Volkova S.V. Ancient Greek policy: ideas, reality (V–IV centuries BC): diss. ... Cand. of Law. St. Petersburg, 1998.
39. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes / ed. prof. D. Ushakov. Moscow, 1996. Vol. 1.
40. Collected works of A.D. Gradovsky. St. Petersburg, 1900. Vol. 4.
41. Kosareva L.M. The subject of science. Socio-philosophical aspect of the problem. Moscow, 1977.

Кобец Петр Николаевич
Kobets Pyotr Nikolaevich

главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: pkobets37@rambler.ru

Chief Researcher of the Center for Organizational Support of Scientific Activities, All-Russian
Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КИБЕРТЕРРОРИЗМА
НА ОСНОВЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕР КОНТРОЛЯ
ЗА БЕЗОПАСНЫМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ**

**Prevention of international cyberterrorism based on the improvement of control
measure over the safe functioning and development of telecommunication networks**

В статье отмечается, что за последние четыре десятилетия в результате внедрения компьютерных и телекоммуникационных технологий в большинстве сфер человеческой жизнедеятельности достигнуты большие успехи. Использование телекоммуникационных сетей и компьютерных систем приводит к значительной концентрации и централизации информационных ресурсов, при этом во время их эксплуатации указанная консолидация создает серьезную уязвимость со стороны международных террористов для всех без исключения информационных ресурсов. В связи с этим автор проводит анализ угроз террористических кибератак, способных подорвать устойчивость критически важных сетей, государственной инфраструктуры и экономического процветания нашей страны. Предложен комплекс мер по совершенствованию государственного контроля за безопасным функционированием и развитием компьютерных технологий и телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: международный кибертерроризм, телекоммуникационные сети, правовое регулирование, безопасность, меры контроля, предупреждение преступности, социальные сети, молодежная аудитория, правоохранительные органы, сбор информации, пропаганда, законность.

The article notes that over the past four decades, as a result of the introduction of computer and telecommunication technologies, great successes have been achieved in most areas of human activity. The use of telecommunication networks and computer systems leads to a significant concentration and centralization of information resources, while, during their operation, this consolidation creates a serious vulnerability on the part of international terrorists for all information resources without exception. In this regard, the author analyzes the threats of terrorist cyberattacks that could undermine the stability of critical networks, state infrastructure and economic prosperity of our country. Proposes a set of measures to improve state control over the safe functioning and development of computer technologies and telecommunications networks.

Keywords: international cyberterrorism, telecommunication networks, legal regulation, security, control measures, crime prevention, social networks, youth audience, law enforcement agencies, information collection, propaganda, legality.

В современных условиях большинство сфер жизнедеятельности на прямую зависит от бесперебойного функционирования телекоммуникационных сетей. Одновременно с этим международными террористическими организациями телекоммуникационные сети, в первую очередь сеть Интернет, используются в преступных целях, а именно для привлечения новых сторонников, подготовки и совершения террористических атак, пропагандист-

ской деятельности и др. В результате на глобальном уровне рассматриваемая преступная деятельность причиняет немалый материальный ущерб. Так, в частности, по оценке, сделанной еще в 2016 году спецпредставителем Президента РФ в сфере международного сотрудничества по вопросам информационной безопасности, ущерб от киберпреступлений составляет около 500 млрд долларов США и сопоставим с 1 % мирового ВВП. Важно также

отметить, что долгосрочный прогноз в рассматриваемой области еще более не утешителен [1]. В 2019 году убытки мировой экономики, причиненные киберпреступностью, оценивались отечественными специалистами в 1,5 трлн долларов США, а в 2021 году ими было спрогнозировано их увеличение до 2 трлн долларов США [2, с. 92].

Угрозы террористических кибератак могут подорвать устойчивость критически важных сетей, государственной инфраструктуры и причинить вред экономическому процветанию любой мировой державы [3, с. 5]. Кроме того, террористические организации стараются умело воздействовать на общественное сознание и создавать образ террористов – борцов за свободу, при этом, как правило, подменяя факты и интерпретируя события в свою пользу. Террористы пытаются скрыть противоправность своих устремлений, активно вовлекая в свою среду молодежь. Большинство действующих террористических групп имеют в своем арсенале приобретенные на средства их религиозных и политических покровителей современные виды вооружения, высокотехнологическую компьютерную технику, мобильную связь и даже телестудии, создающие обучающие видеозаписи по ведению террора [4, с. 32]. При помощи телекоммуникационных сетей террористы осуществляют рекрутинг новых членов, информирование о проведенных террористических атаках, а также поддерживают страх у населения перед возможностью новых террористических актов.

Исследования отечественных экспертов свидетельствуют о том, что Интернет представляет собой идеальную среду для деятельности террористических организаций. Развитие телекоммуникационных сетей позволяет террористическим организациям использовать новые формы и методы информационно-психологического воздействия на население, в первую очередь молодежную аудиторию, а также апробировать новые виды террористической деятельности [5, с. 181].

И этому во многом способствуют: свободный доступ к интернет-ресурсам; практически отсутствие всякого государственного регулирования этих ресурсов; недостаток цензуры и других форм государственного контроля; широкая аудитория пользователей по всему миру; анонимная связь; высокая скорость распространения информационных данных; низкая себестоимость при разработке сайтов и дальнейшего их обслуживания; широкие возможности мультимедийной среды; перспективы, связанные с охватом аудитории, которую используют

рационные СМИ. При этом важно подчеркнуть, что террористическая деятельность в Интернете развивается очень динамично, во многом это проявляется внезапным созданием террористических сайтов, часто меняющих свои форматы, быстро исчезающих либо изменяющих свой адрес при сохранении содержательной части. Эти сайты многоязычны, поскольку так проще влиять на сознание масс [6, с. 196].

Отечественные эксперты акцентируют внимание на том, что использование интернет-ресурсов террористическими организациями осуществляется по двум основным направлениям. Первое связано с пропагандой, сбором информационных данных, организацией связи, осуществлением координационной деятельности, осуществлением рекрутинга новых членов, сбором финансовых средств. Вторым направлением является кибертерроризм. Основными способами, связанными с использованием террористическими организациями интернет-ресурсов, являются: ведение пропаганды, осуществление вербовки, обучения, сбора финансовых средств, планирование и координация террористической деятельности, поиск информационных данных, ведение психологической войны, организация сетей [7].

Интернет дает террористам уникальную возможность «скрытного получения развернутой информации по любым физическим и юридическим лицам, а также способность персонального воздействия на различные индивиды, управления группами лиц, при этом не будучи с ними в непосредственном контакте. И конечно же, предоставления финансовой и иных видов поддержки международного терроризма, ведения открытой и развернутой пропаганды террористических идей, при этом система Интернет предоставляет террористам возможности активного участия в легальных видах деятельности государственных и коммерческих организаций» [8, с. 3], а также свободного легендированного доступа к различным ресурсам, большой и разнообразной аудитории, быстрого движения и анонимности информационных данных, создания медиаканалов. В результате перечисленных возможностей формируется идеальная среда для использования интернет-ресурсов кибертеррористами.

Кроме прочего, важно отметить, что в первую очередь террористов интересует молодежная аудитория. Это связано с тем, что открытый доступ большинства социальных сетей делает возможным получение личных данных и информации об увлечениях лиц, в которых могут быть заинтересованы вербовщики террори-

стических организаций [9, с. 76]. А поскольку у многих молодых людей наблюдается еще в недостаточной степени устойчивая психика, и при этом они легко внушаемы, социальные сети становятся проводником террористических идей среди молодежной аудитории. Поэтому, по данным ряда отечественных специалистов, новыми членами террористических организаций, как правило, становятся представители молодежи, которые глубоко не задумываются об идейной составляющей террористической деятельности [10, с. 26]. Исключение составляют лица, занимающиеся террористической деятельностью из мести, отчаяния либо пришедшие в террористическую организацию под воздействием своих родственников.

Проведенные исследования, посвященные деятельности кибертеррористов, свидетельствуют о том, что многие молодые и образованные специалисты, обладающие незаурядными знаниями в сфере компьютерных и сетевых технологий, примыкают к террористическим организациям [11, с. 114]. Как правило, такие действия находят объяснения у экспертов в неудовлетворении жизненной ситуацией молодежи, желающей примкнуть к объединениям, по их мнению, обладающим силой и властью, для того чтобы в дальнейшем в полном объеме применять свои навыки и умения. В свою очередь, такое поведение новых рекрутов кибертерроризма способствует совершенствованию способов и приемов террористической деятельности, а также в целом увеличению и без того весьма высокого уровня ее организации.

Следует отметить, что ранее проведенное нами исследование отличительных особенностей женского терроризма свидетельствует о том, что террористическая литература, распространяемая международными террористами на интернет-сайтах, также способствует вовлечению молодых девушек и женщин в совершение террористических атак [12, с. 38].

Нельзя не обратить внимание на еще одну важную особенность при использовании террористами сети Интернет. Террористы получают возможность воздействовать на определенную национальную целевую аудиторию посредством социальных сетей, при этом более детально учитывая культурную и национальную специфику лиц, которые подвержены их пропаганде. Такой креативный подход террористического движения по использованию киберпространства помогает ему одерживать успех в информационном противоборстве [1, с. 132].

Отечественные специалисты отмечают еще одну немаловажную особенность использова-

ния террористами телекоммуникационных сетей, в частности сети Интернет. Так, например, при помощи Интернета террористами проводятся исследования общественного мнения, а также психологических особенностей лиц, которые замечены в проявлении социальной нетерпимости. В этих целях террористами используются специально разработанные ими программы, при помощи которых автоматизированными устройствами осуществляется сбор определенных информационных данных. Кроме того, в качестве объекта исследования используются сведения, которые размещаются в социальных сетях. После обработки собранных информационных массивов и их анализа террористами разрабатываются эффективные формы и методы работы с лицами, которые могут быть склонны к террористической деятельности [14, с. 439].

Ангажированные кибертеррористами телекоммуникационные сети, интернет-ресурсы, среди которых особо выделяются соцсети и тематические форумы, способствуют фактическому управлению деятельностью террористических сообществ. Они декларируют террористическую идеологию, собственные правила поведения, сбор денежных средств, демонстрируют свои успехи, занимаются привлечением адептов терроризма, пропагандой и призывами совершать террористические преступления, готовя кибератаки, размещая информационные данные, законодательно запрещенные. В сложившейся ситуации правоохранительные органы сталкиваются с массой сложностей в процессе раскрытия и расследования противоправных деяний, совершенных террористическими организациями при помощи современных кибертехнологий – прокси-серверов, Tor, VPN и др., препятствующих добыванию доказательственной базы по делам, связанным с киберпреступностью [15, с. 165].

Проблемы, связанные как с обеспечением информационной безопасности нашей страны в целом, так и с противодействием использованию информационных и коммуникационных технологий в террористических целях, находятся в числе основных приоритетов нашего государства. В частности, в 2017 году Совет безопасности Российской Федерации к основополагающим направлениям проведения научных исследований по обеспечению информационной безопасности отнес следующую проблематику: «Противодействие использованию информационных технологий для пропаганды терроризма, привлечения к террористической деятельности новых сторонников, планирования и

организации террористической деятельности; противодействие использованию информационных технологий в террористических целях для оказания деструктивного воздействия на элементы критической информационной инфраструктуры; противодействие использованию информационных и коммуникационных технологий в террористических целях» [16].

Сегодня большинство современных мировых держав пытаются активно противодействовать различным проявлениям международного кибертерроризма. При этом они используют ограничительные меры доступа своего населения к нежелательному, по их мнению, контенту (распространение любой социально опасной информации, в том числе террористического характера), который распространяется через интернет-сайты. Ограничение интернет-контента может осуществляться при помощи двух способов: нетехнического ограничения и технического ограничения. Суть первого состоит в разработке и реализации законодательных мер, «запрещающих опубликование нежелательного контента; проведение работы с интернет-провайдерами, владельцами сайтов, а также их пользователями в целях недопущения использования нежелательных информационных данных либо их изменения» [17, с. 85].

Однако необходимо отметить, что меры по ограничению доступа к интернет-ресурсу, носящему террористический характер, как ряд других методов, связанных с подавлением и изоляцией нежелательных информационных данных, не являются абсолютно эффективными в противодействии использованию интернета террористическими организациями, поскольку их можно преодолеть. Поэтому сегодня, кроме перечисленных методов работы, важны и необходимы и другие меры контроля за безопасным функционированием и развитием компьютерных технологий и телекоммуникационных сетей, в том числе связанных с информационным реагированием и контрпропагандой, которую должны осуществлять специально обученные для этого сотрудники правоохранительных органов и специальных служб.

Вне всякого сомнения, совершенствование мер контроля за безопасным функционированием и использованием компьютерных технологий и интернет-ресурсов требует комплексных мер. Среди них важное место должно отводиться «правовому регулированию сети Интернет, реализации государственной информационной политики, принятию необходимых законодательных мер, государственно-правовому регулированию информационных отноше-

ний» [18, с. 165]. Кроме того, «к наиболее результативным мероприятиям по противодействию рассматриваемому феномену следует отнести меры государственного управления информационным обществом, более рациональное применение государственных информационных ресурсов, активизацию мероприятий по информатизации системы госорганов, активизацию мероприятий, связанных с противодействием информационному терроризму, и др.» [19, с. 131].

Сегодня «во многих государствах уже функционируют не только государственные органы, но и общественные организации, которые разрабатывают кодексы информационной этики в интернет-пространстве, а также соответствующие проекты законодательных актов» [20, с. 32]. Также следует отметить, что «до настоящего времени вопросы правового регулирования сети Интернет в межгосударственном масштабе полностью пока не решены, при этом, по мнению западных специалистов, заниматься правовым регулированием сети Интернет в планетарном масштабе практически невозможно в связи с большим информационным потоком» [21, с. 151]. В то же время многие зарубежные страны пытаются совершенствовать практику госрегулирования Интернета, обосновывая это тем, что родителей необходимо обеспечить рядом специальных средств, которые бы позволяли контролировать содержание Всемирной паутины, которое доступно их детям. Такой зарубежный подход к рассматриваемой проблематике также нуждается в дополнительном научном исследовании.

В заключение следует отметить, что усложняющаяся цифровая трансформация преступности превращается в один из самых злободневных вопросов современной повестки дня, поскольку в сложившейся ситуации довольно проблематично разработать универсальные подходы, которые бы могли позволить осуществлять эффективное противодействие кибертерроризму, с каждым годом становящемуся все более высокотехнологичным. В сложившейся ситуации важно провести научное исследование и проработать вопрос о возможном создании в Российской Федерации единой системы предупреждения деятельности террористических организаций и контроля за функционированием и развитием компьютерных технологий и телекоммуникационных сетей, которая бы позволяла заниматься выявлением кибератак террористов до момента обращения потерпевших лиц в правоохранительные органы.

Так, например, возможно заключение единого соглашения по электронному обмену

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

информационными данными между правоохранительными структурами и государственными органами, а также иными участниками киберпространства. Единый центр, который мог бы заниматься координацией борьбы с кибертерроризмом, логично создать в структуре какой-то правоохранительной службы Российской Федерации. Такой центр мог бы обладать соответствующим инструментарием, а также

различными оперативными, следственными, техническими службами, научно-исследовательским подразделением и группой по международному сотрудничеству. Можно пойти дальше и, изучив возможности, создать централизованный межведомственный орган, который бы в круглосуточном режиме занимался вопросами координации работы по противодействию кибертерроризму.

Литература

1. Спецпредставитель президента России обвинил ИГ в кибертерроризме. URL: <https://ria.ru/20160527/1439834739.html> (дата обращения: 12.01.2022).

2. Безручко Е.В., Ходусов А.А. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных средств: философско-правовое конструирование эффективных классификаций // *Философия права*. 2020. № 3(94).

3. Кобец П.Н. О современных информационных технологиях, используемых экстремистскими и террористическими группировками, и необходимости противодействия киберпреступности // *Вестник развития науки и образования*. 2016. № 6.

4. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Костин В.Н. Новое качество террористической пропаганды: медиаимперия ИГИЛ // *Информационные войны*. 2015. № 1(33).

5. Майоров А.В., Хорошилов С.А. О государственно-правовой политике в сфере противодействия экстремизму в современном обществе // *Проблемы права*. 2016. № 2(56).

6. Сундиев И., Смирнов А. Сетевые возможности и сетевые угрозы // *Свободная мысль*. 2013. № 5(1641).

7. Вейман Г. Как современные террористы используют Интернет. Специальный доклад № 116. URL: <http://scienceport.ru/library/-literature/5170-spetsialnyi-doklad-№-116-kak-sovremennyye-terroristy-ispolzuyut-internet/> (дата обращения: 12.01.2022).

8. Бочарников И.В. Информационное противодействие терроризму в современных // *Электронный научный журнал «Проблемы безопасности»*. 2013. № 3(21).

9. Кобец П.Н. О важности разработки комплексных мер, наиболее эффективно противодействующих угрозам биотерроризма // *Философия права*. 2021. № 1(96).

Bibliography

1. The Special Representative of the President of Russia accused ISIS of cyberterrorism. URL: <https://ria.ru/20160527/1439834739.html> (date of access: 12.01.2022).

2. Bezruchko E.V., Khodusov A.A. Crimes committed using information and telecommunication means: philosophical and legal construction of effective classifications // *Philosophy of Law*. 2020. № 3(94).

3. Kobets P.N. On modern information technologies used by extremist and terrorist groups and the need to counter cybercrime // *Bulletin of the Development of Science and Education*. 2016. № 6.

4. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A., Kostin V.N. The new quality of terrorist propaganda: the media empire of ISIS // *Information Wars*. 2015. № 1(33).

5. Mayorov A.V., Khoroshilov S.A. On state-legal policy in the field of countering extremism in modern society // *Problems of Law*. 2016. № 2(56).

6. Sundiev I., Smirnov A. Network opportunities and network threats // *Free Thought*. 2013. № 5(1641).

7. Weyman G. How modern terrorists use the Internet. Special Report № 116. URL: <http://scienceport.ru/library/-literature/5170-spetsialnyi-doklad-№-116-kak-sovremennyye-terroristy-ispolzuyut-internet/> (date of access: 12.01.2022).

8. Bocharnikov I.V. Informational counteraction to terrorism in modern // *Electronic scientific journal of Security problems*. 2013. № 3(21).

9. Kobets P.N. On the importance of developing comprehensive measures that most effectively counteract the threats of bioterrorism // *Philosophy of Law*. 2021. № 1(96).

10. Mayorov A.V., Utorov O.R. Managerial aspects of counter-terrorism policy in Russia // *Law and order: history, theory, practice*. 2018. № 1(16).

10. Майоров А.В., Уторов О.Р. Управленческие аспекты политики противодействия терроризму в России // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2018. № 1(16).
11. Поляков В.В., Мананников А.С. Использование сети Интернет при совершении преступлений против детей // *Сборник материалов криминалистических чтений*. 2014. № 10.
12. Кобец П.Н. Женский терроризм: особенности и основные направления противодействия // *Научный портал МВД России*. 2019. № 4(48).
13. Буряева Л.А. Мировой опыт противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 18.
14. Сундиев И.Ю. Противодействие вербовочной деятельности международных террористических и экстремистских организаций в сети Интернет // *Проблемы детерминации и предупреждения преступности* / под ред. проф. А.И. Долговой. М., 2017.
15. Поляков В.В. Средства совершения компьютерных преступлений // *Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники*. 2014. № 2(32).
16. Выписка из Основных направлений научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document155/> (дата обращения: 12.01.2022).
17. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Использование информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности // *Научный портал МВД России*. 2014. № 1(25).
18. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: учебное пособие / сост. д-р юрид. наук В.С. Овчинский. М., 2017.
19. Майоров А.В. Противодействие преступности – приоритетное направление в уголовной политике государства // *Вопросы современной юриспруденции*. 2014. № 34.
20. Засурский Я.Н. Регулирование и саморегулирование сети Интернет: европейские документы и опыт // *Информационное общество*. 2000. № 4.
21. Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999.
11. Polyakov V.V., Manannikov A.S. Use of the Internet crimes against children // *Collection of materials of forensic readings*. 2014. № 10.
12. Kobets P.N. Female terrorism: characteristics and main directions of counteraction // *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. № 4(48).
13. Buraeva L.A. World experience of countering extremism and terrorism in the global information space // *Theory and practice of social development*. 2015. № 18.
14. Sundiev I.Yu. Countering the recruitment activities of international terrorist and extremist organizations on the Internet // *Problems of determination and crime prevention* / ed. by professor A.I. Dolgova. Moscow, 2017.
15. Polyakov V.V. Means of committing computer crimes // *Reports of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics*. 2014. № 2(32).
16. Extract from the main directions of scientific research in the field of information security of the Russian Federation. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document155/> (date of access: 12.01.2022).
17. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A. The use of information networks in extremist and terrorist activities // *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. № 1(25).
18. Fundamentals of combating cybercrime and cyberterrorism: a textbook / compiled Doctor of Law V.S. Ovchinsky. Moscow, 2017.
19. Mayorov A.V. Countering crime is a priority direction in the criminal policy of the state // *Questions of modern jurisprudence*. 2014. № 34.
20. Zasursky Ya.N. Regulation and self-regulation of the Internet: European documents and experience // *Information Society*. 2000. № 4.
21. Melyukhin I.S. Information society: origins, problems, development trends. Moscow, 1999.

Виноградов Андрей Иванович
Vinogradov Andrey Ivanovich

директор Социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета,
доктор философских наук, профессор.
E-mail: andvinogradov00@mail.ru

Director of the Social and Humanitarian Institute, Murmansk Arctic State University, Doctor of Philosophy,
Professor.

Красова Елена Михайловна
Krasova Elena Mikhailovna

доцент кафедры юриспруденции Мурманского арктического государственного университета,
кандидат философских наук.
E-mail: krasova-e-murmansk@mail.ru

Associate Professor, Department of Jurisprudence, Murmansk Arctic State University, PhD in Philosophy.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ НАЦИЗМА

Social and philosophical analysis of Nazism

В статье предпринята попытка проанализировать наиболее принципиальные основания возникновения и сохранения до наших дней нацистской идеологии. Выявлено, что возможность возникновения нацизма создается механизмом отчуждения человечности, сопровождающим человечество в течение всей его истории, но достигающим в нацизме своей всеобщей и крайней формы. Обосновывается парадоксальный тезис о том, что причиной действия механизма отчуждения человечности выступает стремление того, кто осуществляет отчуждение, к моральному оправданию своих поступков.

Ключевые слова: нацизм, отчуждение, мораль.

The article attempts to analyze the most fundamental reasons for the emergence and preservation of the Nazi ideology to this day. It is revealed that the possibility of the emergence of Nazism creates a mechanism for the alienation of humanity, which accompanies humanity throughout its history, but reaches its universal and extreme form in Nazism. The article substantiates the paradoxical thesis that the cause of the mechanism of alienation of humanity is the desire to morally justify their actions of the one who carries out the alienation.

Keywords: nazism, alienation, morality.

В течение длительного периода времени после Второй мировой войны людям казалось, что нацизм стал лишь достоянием истории. Попытка его практического осуществления настолько скомпрометировала его идеологию, что ее посчитали навсегда преодоленной. Но, как показывают события последних лет, идеология нацизма жива. Она снова находит свою реализацию в практике украинских нацбатальонов, в предложениях и поступках ряда украинских политических деятелей. Их действия нарушают множество международных правовых норм, идут вразрез с принятыми мировым сообществом актами о правах человека. Поэтому дальнейшее исследование истоков и идейных основ нацизма сохраняет свою актуальность и в наше время.

С правовой точки зрения нацизм представляет собой лишение части людей принадлежащих им прав на основании национальных признаков. Люди, не соответствующие той нацио-

нальности, которая признается господствующей, лишаются гражданства, возможности заниматься определенными видами деятельности, получать образование в государственных образовательных организациях, использовать для общения родной язык, вступать в брак с представителями высшей расы и т. п.

Статья 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (с изм. от 13 мая 2004 года) прямо запрещает различные виды дискриминации: «Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

Между тем Следственный комитет Российской Федерации фиксирует многочисленные факты нарушения этой статьи. Закон Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», принятый 25 апреля 2019 года, утвердил украинский язык как единственный государственный язык на территории этого государства [3]. Одна из норм указанного закона гласит, что с 1 сентября 2020 года школы с русским и другими языками обучения должны быть переведены на украинский язык обучения. Таким образом, данный нормативный правовой акт направлен на дискриминацию русскоязычного населения, а также носителей других языков.

Официальная украинская пропаганда разжигала чувства предубеждения и ненависти к русскоязычному населению. Более того, начиная с 2014 года конечной целью действий киевского режима является полное уничтожение национальной группы русских и русскоязычных лиц, проживающих на территории Донецкой и Луганской народных республик [4, с. 12].

Совершенно очевидно, что подобная практика правовой дискриминации по национальному признаку имеет свои причины. Предлагаем проанализировать эти причины, но не те, которые обычно обозначают представители нацистской идеологии, для того чтобы оправдать свои антиправовые действия, а те, которые создают саму возможность появления нацистской идеологии. Для этого обратимся к наиболее принципиальным, т. е. философским, аспектам данной проблемы и проанализируем корни нацизма с философской точки зрения.

Наиболее фундаментальным механизмом, обеспечивающим саму возможность существования нацизма, является механизм отчуждения человечности. Он заключается в том, что за человеком или группой людей частично или полностью не признают человеческий статус, иначе говоря, их расчеловечивают.

Надо сказать, что расчеловечивание имеет давнюю историческую традицию, которая берет начало на заре цивилизации. Оно возникло вместе с появлением классового общества. Как известно, имущественная дифференциация людей вызвала к жизни другие виды дифференциации: социальную, политическую, культурную и т. п. В результате возникли привилегированные группы людей, представители которых были наделены всей полнотой прав, и такие группы, члены которых значительно ограничивались в правах, вплоть до полного их лишения. Дискриминируемые группы, не имея

даже самых элементарных прав, оказывались вне человеческого общества.

Таковы были, например, рабы. Определения раба, которые давались в классический античный период, показывают, что его человеческая сущность не признавалась, считалась отчужденной. Так, Аристотель определял раба как *empsychon organon* («одушевленное орудие»), а римлянин Терренций Варрон – как *instrumentum vocale* («говорящее орудие»). Наличие у орудия души или возможности говорить не меняло отношения к нему, как к вещи, которой можно распоряжаться по своему усмотрению, не интересуясь ее желаниями или настроением.

Согласно западной традиции отчуждение рассматривается как результат неких объективных факторов, воздействующих на субъекта. Самая известная социальная концепция отчуждения, созданная К. Марксом, носит преимущественно экономический характер. К. Маркс показал, как при капитализме работники отчуждены от производимых ими материальных благ. В XX веке взгляд на источники отчуждения стал более широким, в основном за счет включения в их состав разнообразных факторов. Например, интересную концепцию разработал Э. Фромм, согласно которой отчуждение есть результат психологической реакции современного человека на всю совокупность социальных факторов. Те условия, в которых человеку приходится жить, через действие инстинкта самосохранения побуждают его отказываться от своей индивидуальности, становиться таким «как все», соответствовать не своей сущности, а ожиданиям других людей. В XXI веке активно обсуждается проблема отчуждения в онлайн-пространстве. Исследователи этого феномена отмечают, что общение в Интернете «делает жизнь человека более комфортной и безопасной», но «оборотной стороной свободы, обретаемой человеком благодаря “высоким технологиям”, является феномен социально-психологического отчуждения» [5, с. 9].

На наш взгляд, указанные теории объединяет одна особенность: они рассматривают отчуждение, которое является результатом действия каких-то объективных условий. Это достаточно хорошо исследованная тема. Но почему отчуждение, как правило, объясняется, исходя из внешних по отношению к человеку условий? На наш взгляд, особый интерес представляет субъективная сторона отчуждения, поскольку оно связано именно с человеком как субъектом отчуждения. Такой подход характерен для русской философии. Отечественные

мыслители видели причину отчуждения человека в его субъективной, а точнее духовной, сфере его жизни – в грехопадении, отпадении от Бога [1, с. 349]. В продолжение этой традиции предлагаем рассмотреть отчуждение, не выходя за пределы субъективной сферы, когда одни субъекты являются инициаторами отчуждения, испытываемого другими субъектами. В этом случае одни люди отказывают в статусе человека другим людям, т. е. расчеловечивают их.

Люди зачастую расчеловечивают своих оппонентов, изображают их несоответствующими высоким человеческим стандартам. Самый яркий пример – отношение к мигрантам. Несовпадение культур переселенцев и местного населения, иной внешний облик этих людей, их «южный» темперамент и многое другое могут вызывать непонимание и неодобрение, крайняя степень которых – это отказ признавать у них наличие человеческой природы, т. е. отчуждение их человечности.

Этнически однородное население, компактно проживающее на определенной территории в течение длительного периода времени, склонно подсознательно рассматривать свои традиции и привычки как эталон для всех людей, как стандарт человечности. Наличие у людей другой культуры собственных традиций и привычек может создавать представление об их несоответствии «общечеловеческим» стандартам. В результате мигранты оказываются вытеснены за границы человеческой цивилизации, что развязывает руки для жестких или даже жестоких действий в отношении них.

С проявлениями субъективной формы отчуждения сталкиваемся даже в нашей повседневной жизни. Когда один человек обзывает другого «козлом», «гадиной» или «собакой», то это и есть относительно невинное проявление отчуждения человечности. Такие действия восполняют невозможность причинить противнику вред с помощью физических средств (в соответствии с логикой «не могу ударить, так хоть обзову!»). Сравнение противника с тупым, мерзким или вредным животным приносит человеку психологическое удовлетворение.

Но психологический мотив – это лишь внешняя сторона дела. В акте называния человека животным имеется более глубокий этический аспект. Даже именуя своего противника «гадиной», «собакой», «козлом» и другими подобными словами, человек тем не менее всегда подсознательно понимает, что имеет дело с таким же индивидом, как и он сам. Поэтому он нуждается в том, чтобы оправдать свои (особенно насильственные) действия в отношении

другого человека. В такой ситуации ему на помощь и приходят «козлы» и «собаки», позволяющие расчеловечить противника, низвести его на уровень животного, в отношении которого применять жестокие методы борьбы более простительно, чем к человеку.

Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: в основе процесса отчуждения человечности лежит чисто человеческое стремление к моральному оправданию своих поступков. Расчеловечивать своего противника заставляет совесть того, кто расчеловечивает. Если нельзя заглушить голос совести, то надо поменять свое представление о том, против кого направлены твои неблагоприятные действия. То, что безнравственно по отношению к человеку, нейтрально с точки зрения морали по отношению к тому, кто человеком не является. Такое рассуждение создает видимость свободы от моральных обязательств, и совесть ничто не тревожит.

Все становится гораздо серьезнее при переходе с индивидуального на социальный уровень, т. к. сознание определенной социальной группы также нуждается в оправдании совершаемых ею насильственных деяний. Но масштаб действий социальной группы, как правило, значительно превосходит масштаб действий отдельного человека. Какая-то группа может поставить перед собой задачу обеспечить для себя гораздо более выгодные условия, чем у других. По-человечески вполне естественно, что при этом она будет нуждаться в оправдании своих действий: ей придется отбирать у других то, что им необходимо, что предсудительно и с моральной, и с правовой точек зрения. Вот тут им и становится необходимой идея отчуждения человечности. Если изобразить свою социальную (чаще всего национальную) группу в качестве эталона человечности, а все остальные как несоответствующие ему, то появляется оправдание своих насильственных действий в отношении «недочеловеков».

Приведем яркий пример действия такого механизма. Стараясь оправдать многолетнюю войну, которую киевский режим вел против республик Донбасса, украинские политические деятели многократно высказывались по поводу неполноценности населения этого региона. Так, по сообщению информационного агентства REGNUM от 28 ноября 2017 года, депутат Верховной рады Украины Е. Рыбчинский на своей странице в социальной сети Facebook назвал жителей Донбасса тараканами и предложил их уничтожить. Он написал: «Я не интересуюсь жизнью тараканов. Даже если

миллион их родится на моей кухне, это не будет означать, что кухня будет принадлежать им. Никаких статусов и спецрежимов для тараканов, только дихлофос и много дихлофоса. Ну и пара тысяч «Джавелинов», конечно» [2].

Отчуждение человечности имеет самые печальные последствия. Люди в глазах тех, кто их расчеловечивает, теряют свою сущность, свое высокое человеческое предназначение. Это предоставляет возможность для совершения самых отвратительных действий. Ведь убить такое существо – это все равно, что убить крысу или таракана (хотя на самом деле речь идет о человеке).

Выход из этой ситуации видится только один. Необходима широкая просветительская работа по разъяснению действия механизма отчуждения человечности, для того чтобы в конечном счете на этой основе произошло правовое запрещение расчеловечивания, хотя бы в пространстве публичной власти. Это должно произойти не только в одной стране, а на общеевропейском пространстве. Если сообщество людей считает себя цивилизованным, то оно обязано преодолеть варварский механизм отчуждения человечности. На наш взгляд, это магистральный путь дальнейшей гуманизации права и государства.

Что бы ни совершил человек или группа людей, в каких бы смертных грехах их ни об-

виняли, как бы ни оценивали их поступки другие люди на уровне своего индивидуального или общественного сознания, представители публичной власти не имеют права выступать с заявлениями, ведущими к расчеловечиванию этих людей, к отчуждению их человечности. На наш взгляд, проявление расчеловечивания необходимо законодательно запретить по аналогии с пропагандой и публичной демонстрацией нацистской символики и атрибутики экстремистских организаций. Только так человечество сможет преодолеть звериное наследие своего прошлого.

Даже самые экстравагантные особенности, которыми могут обладать представители тех или иных групп населения, не лишают их человеческого статуса. Эти особенности могут вести к нарушению законов той страны, в которой такие группы проживают. Однако данное обстоятельство не является основанием для отчуждения их человечности. Наоборот, очень важно, чтобы статус человечности за ними сохранялся. Ведь ответственность перед законом может нести только человеческое существо, обладающее способностью понимать правовые нормы и давать отчет в своих действиях. Отрицание этой способности за людьми выводит решение связанных с ними проблем за границы правового поля, а значит, открывает простор для произвола и насилия.

Литература

1. Вальц Л.Л. Проблема отчуждения в русской экзистенциальной философии (Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов) // Вестник МГТУ. 2007. Т. 10. № 3.
2. Депутат Рады считает жителей Донбасса «тараканами», которых надо травить. URL: <https://regnum.ru/news/2350824.html> (дата обращения: 15.03.2022).
3. Кривошеев К., Тарасенко П. «Веками украинцы пытались добиться права на свой собственный язык» // Коммерсантъ. 2019. 25 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3955153> (дата обращения: 14.03.2022).
4. Трагедия юго-востока Украины. Белая книга преступлений / под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. 2-е изд., доп. М., 2015.
5. Dialectics of freedom and alienation in the space of the internet/ A.M. Safina, G.D. Leontyev, L.F. Gaynullina, etc.// Espacios. 2018. № 39(27). URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85051139886&partnerID=40&md5=1b87b7adba74df7740a4c7c8ca9972b5> (дата обращения: 11.03.2022).

Bibliography

1. Valts L.L. On the problem of estrangement in Russian existential philosophy (N.A. Berdyayev, L.I. Shestov) // Vestnik of MSTU. 2007. Vol. 10. № 3.
2. The deputy of the Rada considers the inhabitants of Donbass are cockroaches who need to be persecuted. URL: <https://regnum.ru/news/2350824.html> (date of access: 15.03.2022).
3. Krivosheev K., Tarasenko P. For centuries, Ukrainians have tried to achieve the right to their own language // Kommersant. 2019. Apr. 25. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3955153> (date of access: 15.03.2022).
4. The tragedy of the south-east of Ukraine. White Book of Crimes / ed. Dr. of Law A.I. Bastrykin. 2nd ed., add. Moscow, 2015.
5. Dialectics of freedom and alienation in the space of the internet/ A.M. Safina, G.D. Leontyev, L.F. Gaynullina, etc.// Espacios. 2018. № 39(27). URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85051139886&partnerID=40&md5=1b87b7adba74df7740a4c7c8ca9972b5> (date of access: 15.03.2022).

**Небратенко Геннадий Геннадиевич
Nebratenko Gennady Gennadievich**

профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России, профессор кафедры теории государства и права Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: gennady@nebratenko.ru

Professor, Department of Theory of State and Law, Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor, Department of Theory of State and Law, South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

**Студеникина Светлана Викторовна
Studenikina Svetlana Viktorovna**

заведующая кафедрой процессуального права Донского государственного технического университета, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: stud.svetlana@yandex.ru

Head of the Department of Process Law, Don State Technical University, PhD in Law, Associate Professor.

**Татьянина Анжелика Владимировна
Tatiana Anzhelika Vladimirovna**

доцент кафедры уголовного права и процесса Таганрогского института управления и экономики, кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: a.karyagina@tmei.ru

Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Taganrog Institute of Management and Economics, PhD in Sociologic, Associate Professor.

**ДОНСКИЕ «НОМЕРНЫЕ СЫСКНЫЕ НАЧАЛЬСТВА»
КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ**

**Don «numbered detective authorities» as a regional phenomenon bodies
of preliminary investigation**

Становление российской полиции в досоветский период имеет множественные особенности региональной специфики. Часть специфических особенностей, связанных с историей органов внутренних дел, была порождена на территории Донского казачьего войска. Зарождение полиции в этой части Российской империи происходило самобытным, обособленным путем. Одним из правоохранительных институтов, функционировавших в Донском крае в конце XVIII века, стали так называемые сыскные начальства. Складывавшаяся изначально система этих органов не была устойчивой, развиваясь порой, на взор современников, хаотичным путем. В этом смысле трансформация донских сыскных начальств, пронумерованных для обеспечения логики их идентификации, является хорошим примером. Предложенная научная статья посвящена трансформации соответствующих органов, в свое время внесших важный вклад в обеспечение законности и правопорядка на Нижнем Дону.

Ключевые слова: сыскное начальство, сыскные дела, сыскной старшина, нарочный старшина, российская полиция, Донское казачье войско, история органов внутренних дел, полицеистика.

The formation of the Russian police in the pre-Soviet period has multiple regional specifics. Some of the specific features associated with the history of the internal affairs bodies were generated on the territory of the Don Cossack army. The origin of the police in this part of the Russian Empire took place in an original separate way. One of the law enforcement institutions that appeared in the Don region at the end of the XVIII century. became the so-called detective authorities. The system of these organs that was formed initially was not stable, developing, sometimes, in the eyes of contemporaries in a chaotic way. In this sense, the transformation of the Don detective authorities, numbered to ensure the logic of their identification, is a good example. The proposed scientific article is devoted to the transformation of the relevant bodies, which at one time made a decisive contribution to ensuring law and order on the Lower Don.

Keywords: detective authorities, detective affairs, detective foreman, special foreman, Russian police, Don Cossack army, history of internal affairs, policeistics.

Становление структурных подразделений полиции на территории Российского государства в досоветский период имеет в ряде случаев уникальный характер, и в этом смысле Донской край, именуемый в настоящее время Ростовской областью, является хорошим примером экспликации. С 1775 года в губерниях Российской империи вводились нижние земские суды как многофункциональные полицейские органы, осуществлявшие широкий перечень функций на территории подведомственных уездов. Их аналогом на земле Донского казачьего войска стали сыскные начальства, возникшие на основе прежде существовавших в крае канцелярий сыскных дел. Особенностью процесса зарождения донской полиции являлось то, что места дислокации ее структурных подразделений определялись сообразно гидрологическим особенностям края: вдоль русла Дона и его притоков, считавшегося в условиях неразвитости сухопутной транспортной сети основной магистралью путей сообщения.

В подтверждение вышесказанного особый интерес представляет функционирование донских номерных сыскных начальств, в целом сложившихся к 1797 года в виде Первого, Второго, Третьего и Четвертого Донского сыскного начальства. Кроме них, существовали и иные начальства, но они имели топонимические обозначения, впрочем, также связанные с речной тематикой. Данная нумерация происходила от дистанционного «в полицейском отношении» разделения русла Дона вверх по его течению начиная от Манычской станицы, первой после Усть-Оксайского сыскного начальства, и заканчивая Казанской, стоящей на северном кордоне края с южной оконечностью Центральной России. Первый Донской округ и Второй функционировали на постоянной основе до установления в крае советской власти и внедрения ею новых принципов районирования, выработанных с учетом численности населения, потенциале промышленного развития, а главное – особенностях сухопутных путей сообщения, в том числе появившейся железной дороги. Третий и Четвертый Донской округа и производные от них сыскные начальства прекратили свое существование (были переименованы) на рубеже XVIII–XIX столетий в результате укрупнения войсковых земель, инициированного региональным правительством.

Оформление Первого Донского округа, в рамках которого функционировало самостоятельное сыскное начальство, произошло в 1797 году, но на его месте за несколько десятилетий до этого функционировал другой «полицейский орган». Одно из ранних упоминаний об этом относится к 1769 году: в станице Нижней Михалевской функционировали Нижнедонские сыскные дела [1, с. 250], при этом сама станица путем объединения с Верхней Михалевской в 1836 году вошла в состав вновь образованной Николаевской. Согласно переписи населения, проводившейся в 1782 году (четвертая подушная ревизия), войсковой двор этого органа дислоцировался в Кочетовской станице Войска Донского. Дело в том, что в 1743–1782 годы места дислокации старшин, занимавшихся на Дону сыском беглых и их высылкой в Центральную Россию, менялись с периодичностью раз в 2–3 года. Поэтому, например, есаул С.З. Сорокин в 1788–1789 годы являлся «начальником для сыска беглых в Нижне-Каргальской и Нижне-Курмоярской станицах» [2, с. 417], расположенных в оформляющемся Первом Донском округе.

Кроме того, в 1790–1797 годы в округе функционировало Нижне-Донское сыскное начальство, которое не включило в свой состав Кочетовское, упоминаемое в послужных списках в 1787–1796 годах. Кочетовское сыскное начальство, вероятно, обслуживавшее одноименную станицу, было подчинено Нижне-Донскому сыскному начальству и в дальнейшем им поглощено. Однако в 1797 году в результате укрупнения нескольких сыскных начальств на базе Нижне-Донского сыскного начальства появилось Первое Донское сыскное начальство, включавшее казачьи городки и юрты на речной дистанции от Манычской до Кумшацкой станицы, а с 1800 года – до нею Цимлянской станицы, неподалеку расположенной с Кумшацкой.

В последней не позднее 1778 года также размещалось одноименное сыскное начальство, в 1782 году активно участвовавшее в переписи населения. В 1793–1796 годы на базе Цимлянского сыскного начальства осуществлялось расследование Есауловского бунта. Однако не позднее 1802 года административным центром Первого Донского округа стала Ведерниковская станица, и ее особый статус был закреплен в «Положении об управлении

Донского Войска» 1835 года, но в 1839 году произошло слияние Ведерниковского юрта и Бабьего, поэтому окружным центром стала Бабья станица, переименованная в Константиновскую (в честь великого князя). Именно она бессменно оставалась в досоветский период окружным поселением, где размещалось сыскное начальство, а в дальнейшем Первое Донское окружное полицейское управление.

Выше по течению Дона, на территории, составившей в конце XVIII века Второй Донской округ, до 1791 года функционировало Нижнечирское сыскное начальство, в 1791–1794 годы именовавшееся Чирским с передислокацией в Верхне-Чирскую станицу (упразднено в 1798 году). С 1795 до 1798 год в той же местности работало Средне-Донское сыскное начальство, и майор И.А. Воронин являлся начальником и Второго Донского начальства, и Средне-Донского [2, с. 81]. Поэтому в 1795–1799 годы в составе Второго Донского округа, до 1798 года именовавшегося Средне-Донским, фактически функционировало три сыскных начальства: Цимлянское и Чирское (зависимые), а также Средне-Донское (основное). Административным центром Второго Донского округа не позднее 1802 года стала Нижне-Чирская станица, в которой для расследования событий Есауловского бунта с 1793 года функционировала Генеральная комиссия военного суда, что, вероятно, и создало предпосылки для усиления значения этого места (в полицейском отношении).

Далее, историческими предшественниками Третьего Донского округа, на рубеже XVIII–XIX веков называвшегося Усть-Медведицким, можно считать три структурных подразделения зарождавшейся на Дону полиции: Качалинские, Медведицкие и Казанские сыскные дела, которые не позднее 1782 года дислоцировались соответственно вначале, посередине и в конце данного округа (по течению Дона). Самые ранние, хотя и фрагментарные, сведения о зарождении полиции в данной местности касаются Казанского войскового двора, относящиеся к 1747–1786 годам, потому что он имел кордонное значение на верхнедонской границе с Воронежской губернией. Появление на постоянной основе «нарочного по череду старшины» в этом городке относится к 1743 году. В 1744–1746 годы на этой должности работал М. Наследышев, который в 1778–1779 годы занимался сыском и высылкой беглых на дистан-

ции от Качалинской станицы до Казанской Донского [2, с. 293].

В то же время известно о существовании в 1769 году Верхнедонских сыскных дел, также имевших «войсковой двор» в Казанской станице [3, с. 250]. Однако в 1785–1786 годы наименования «войсковой двор» и «сыскные дела» в официальной переписке уступили место «Казанскому сыскному начальству», что свидетельствует о сохранении особой роли Казанской станицы, расположенной на окраине Войска Донского. В то же время одно из последних упоминаний о существовании Качалинских и Медведицких сыскных дел относится к 1785 году, затем речь идет о Качалинском и Медведицком сыскных начальствах.

Между тем с 1789 года в официальных документах говорится о функционировании Верхне-Донского сыскного начальства, при этом Казанское продолжало свою профессиональную деятельность еще более 10 лет. Однако обслуживаемая в полицейском отношении территория периодически изменялась, и в начале 90-х годов XVIII века она ограничивалась дистанцией от Казанской станицы вниз по Дону до Клетской. В то же время представляющие ценность сведения о Третьем Донском сыскном начальстве в настоящее время имеются за 1797–1798 и 1800–1802 годы.

Кроме того, следует отметить, что в 1797 году Третий Донской округ включал поселения на речной дистанции от Качалинской до Казанской станицы, т. е. расположенные на территории, аналогичной Верхне-Донскому округу, и возникающее в этом случае предположение о служебной преемственности сыскных начальств подтверждается некоторыми биографическими данными. В то же время сведения о работе Верхне-Донского сыскного начальства имеются за 1789–1801 годы, когда одновременно функционировали и Третье Донское сыскное начальство. Впрочем, параллельное существование нескольких органов правопорядка в рамках одного округа встречалось и раньше, причем в том случае, когда требовалось, например, завершить производством ранее заведенные дела (в качестве временной меры), чем и занимались чины упраздняемого сыскного начальства. Переходный период обычно занимал несколько лет.

Однако объективно в 1799–1800 годы территория Третьего Донского округа (прежде –

Верхне-Донского) уже обслуживалась Усть-Медведицким сыскным начальством, при этом дистанция между Трехостровянской и Кременской станицами в 1800 году перешла в ведение Второго Донского сыскного начальства. Поэтому район, обслуживаемый Усть-Медведицким, определялся дистанцией от Кременской станицы вверх по Дону до Казанской, но согласно войсковой грамоте от 27 ноября 1800 г. в компетенцию Усть-Медведицкого сыскного начальства дополнительно вошли еще поселения вверх по реке Медведице, от Березовской станицы до Островской [3, с. 264–265].

Таким образом, Усть-Медведицкой округ, включавший в себя дислокацию Казанского, Качалинского, Медведицкого, Третьего Донского и Верхне-Донского сыскных начальств, также охватывал верхнюю часть речной дистанции донского притока Медведицы. Однако на этой реке в 1755 году прежде располагался Глазуновский войсковой двор, находившийся в низовьях реки Медведицы (приток Дона), и предшественником этого двора являлось место дислокации «нарочного по череду старшины» С. Себрякова в Скуришенской станице. Впрочем, к 1769 году в станице Глазуновской по-прежнему находился старшина, в ведении которого состояли казачьи поселения, расположенные вдоль донских притоков Бузулука и Медведицы [1, с. 250].

В то же время следует предположить, что после Есауловского бунта 1892–1794 гг. Медведицкое сыскное начальство могло стать станичным, концентрировавшим свое внимание на вопросах обеспечения правопорядка в населенном пункте. Впрочем, в 1800–1801 годы Медведицкое начальство уже обслуживало обширное пространство на дистанции от устья реки Медведица вверх до Березовской станицы, что подтверждается текстом войсковой грамоты от 27 ноября 1800 года, в котором упоминается «усть-медведицкий начальник» А.Ф. Мелентьев и «медведицкий начальник» В.Е. Попов. В любом случае с 1802 года в Усть-Медведицком округе легально осталось только Усть-Медведицкое сыскное начальство, а прочие прекратили свое существование. Кроме того, следует заметить, что сложносоставной характер Усть-Медведицкого округа отчасти усилился тем, что в его состав в 1799–1800 годы кратковременно вошли еще два сыскных начальства. Такой вывод можно сделать на ос-

нове ознакомления с биографией генерал-майора Г.А. Бокова, возглавлявшего Усть-Медведицкое сыскное начальство и одновременно курировавшего Верхне-Хоперские и Бузулуцкие станицы после ликвидации Четвертого Донского начальства [4, с. 266].

Последнее является следующим по счету «номерным сыскным начальством», хотя по аналогии с 1, 2 и 3, называясь именем главной реки Ростовской области, но географически (в полицейском отношении) дислоцировалось не на самом Дону, а на его хоперском притоке. Поэтому более точным названием, ставшим в дальнейшем еще и официальным, выступает топоним «Хоперский округ», при этом, зрительно обращаясь к карте Земли войска Донского, Четвертое Донское начальство действительно находилось на самом севере региона, выше Третьего Донского.

В то же время Четвертое Донское сыскное начальство по хронологии существовало одновременно с Хоперским сыскным начальством, и, согласно имеющимся данным биографического характера, ими руководили различные начальники, что порождает дополнительные вопросы, актуализирующие предложенное исследование, например: «В какой станице располагался войсковой двор для «Четвертого начальства?». С большой долей вероятности следует предположить, что он дислоцировался в Алексеевской станице, стоящей в устье реки Бузулук, впадающей в полноводный хоперский приток Дона, и на это косвенно указывает биография И.А. Андриянова, служившего в Алексеевском сыскном начальстве в 1797–1798 годы, а затем в Четвертом Донском (1799) [2, с. 21].

Вследствие этого в основе зарождения хоперской полиции находилось несколько войсковых дворов, располагавшихся именно от устья до верховья реки Хопер: Букановский, Кумылженский и Михайловский, при этом о существовании Хоперских сыскных дел известно с 1768 года [4]. Однако Букановские сыскные дела (войсковой двор) находились в основе формирования Нижнего Хоперского сыскного начальства, располагавшегося на речной дистанции от Букановской до Бурацкой станицы (в дальнейшем – до Тишанской). Впрочем, до Букановской станицы Нижне-Хоперский войсковой двор размещался в Кумылженской станице, не позднее 1769 года,

а о существовании Букановских сыскных дел известно с 1776 года, но с 21 июня 1798 года его подчинили Четвертому Донскому и войсковой двор перенесли в Зотовскую станицу, что первоначально даже вызвало недовольство местного населения [5].

С появлением сыского начальства в Зотовской станице Нижне-Хоперское сыское начальство утратило свою необходимость, исключая завершение уже начатых дел, и войсковой грамотой от 27 ноября 1800 года предусматривалось его упразднение, осуществленное в следующем году.

Наконец, Михайловские сыские дела (войсковой двор) играли важную роль в осуществлении правоохранительной деятельности на севере Донского края, в 1767–1789 годы являясь Верхне-Хоперскими, расположенными на линии от Бурацкой станицы (или Тишанской) до Михайловской. Кроме того, в послужных данных эпизодически встречается синонимичное упоминание о существовании в 1787 году Михайловского сыского начальства.

Между тем с 1790 года, несомненно, уже функционировало Хоперское сыское начальство, при этом осуществлялась профессиональная деятельность Верхнего Хоперского сыского начальства, достоверные упоминания о котором относятся к 1782–1785 годам в формате сыских дел, а затем, до 1802 года, – начальства. Объяснением этого факта выступает войсковая грамота от 11 августа 1797 года, обязывавшая вновь назначенного хоперского сыского начальника М. Ермольева прибыть в Урюпинскую станицу (расположенную поблизости от Михайловской), чтоб «принять дела», при этом подведомственные войсковые дворы находились и в Михайловской, и Урюпинской станицах, позволяя «полиции» свободно менять свою дислокацию. Поэтому в 1791–1802 годы сыские начальники поочередно именовались верхнехоперскими и хоперскими, но их подчиненные продолжали работать и в одном, и в другом сыском начальствах, завершая начатое производство или возбуждая новые дела. Впрочем, в 1799–1800 годы Верхне-Хоперское сыское начальство стало зависимым от Усть-Медведицкого сыского начальства, получив соподчиненный статус.

Так продолжалось до 1802 года, но прежде в состав Хоперского округа, расположенного на дистанции от Буканской станицы до

Михайловской (по Хопру), влилось Бузулукское сыское начальство, располагавшееся от Алексеевской станицы до Филоновской (по реке Бузулук). О его существовании в формате сыских дел достоверно известно в 1782–1785 годы, хотя имеются отрывочные биографические сведения, относящиеся к концу 60-х годов XVIII века. Непосредственно о функционировании Бузулукского сыского начальства в настоящее время известно с 1784 года, но больше всего информации имеется за 90-е годы ограниченной 1799–1800 годами. К 1798 году оно было подчинено Верхне-Хоперскому сыскому начальству, в 1799–1800 годы – Усть-Медведицкому, а войсковая грамота от 27 ноября 1800 года определяла отнесение дистанции по Бузулуку – от Алексеевской станицы до Филоновской к ведению Хоперского сыского начальства, т. е. произошло упразднение Бузулукского начальства.

В завершение следует отметить, что нумерологический принцип идентификации донских сыских начальств представляет собой проявление особого направления их изучения, причем, не единственное, соседствуя с более распространенным топонимическим принципом обозначения органов правопорядка Дона. Одновременное функционирование Первого, Второго, Третьего и Четвертого Донского сыских начальств имело место на рубеже XVIII–XIX столетий. Преемницей Третьего Донского стало Усть-Медведицкое сыское начальство, Четвертого – Хоперское сыское начальство. В то же время Первый и Второй Донские округа с существовавшими на их территории правоохранительными учреждениями сохранились до 1924 года, когда в составе РСФСР появился Северо-Кавказский край.

Наличие донских номерных сыских начальств и производного от них принципа идентификации органов правопорядка, использовавшегося на территории Донского казачьего войска, является доказательством того, что при районировании региона использовался именно «речной принцип» разукрупнения. На рубеже XVIII–XIX веков полиция выполняла обширный перечень обязанностей, отчасти судебных, а также органов местного самоуправления, и следствием этого являлось распространение на нее того же «речного принципа» дислокации. Этот принцип обуславливался стабильностью водных путей сообщения в Донском казачьем войске и недостатками

развития сухопутных транспортных магистралей. В связи с этим большинство «ненормальных» сыскных начальств именовались по названиям притоков реки Дон, и этот факт достаточно проиллюстрирован в предложенной статье. Научно-теоретическим результатом данного исследования может стать выдвижение концепции речного принципа дислокации

донской полиции с целью ее дальнейшего обоснования и сопоставления с аналогичной практикой полицейского районирования, использовавшегося в губерниях Российской империи. Решения возникающих в связи с этим задач можно считать делом будущего, сопряженного с исследованием донского регионального феномена российской полиции.

Литература

1. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961.
2. Небрatenко Г.Г. Мартиролог донской полиции и жандармерии: учебно-практическое пособие: в 2-х ч. Ростов н/Д, 2021. Ч. 2.
3. Небрatenко Г.Г. Мартиролог донской полиции и жандармерии: учебно-практическое пособие: в 2-х ч. Ростов н/Д, 2021. Ч. 1.
4. ГАРО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 1006. Л. 7.
5. ГАРО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 576. Л. 9.

Bibliography

1. Pronstein A.P. Don Land in the 18th century. Rostov-on-Don, 1961.
2. Nebratenko G.G. Martyrology of the Don police and gendarmerie: educational and practical guide: in 2 parts. Rostov-on-Don, 2021. Part 2.
3. Nebratenko G.G. Martyrology of the Don police and gendarmerie: educational and practical guide: in 2 parts. Rostov-on-Don, 2021. Part 1.
4. GARO. F. 338. Op. 1. D. 1006. L. 7.
5. GARO. F. 339. Op. 1. D. 576. L. 9.

Айвазова Ольга Владиславовна
Aivazova Olga Vladislavovna

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru

Professor, Department of Criminalistics and Operational-Search Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛИЦОМ
СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ, КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО
ПОЗНАНИЯ: ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

**Crimes committed by a person using his official position as an object of scientific
knowledge: legal and forensic aspects**

Анализируется правовая природа преступных посягательств, в которых прямо или косвенно указывается на неправомерное использование лицом предоставленных ему служебных полномочий. Автор констатирует, что, несмотря на различия родовых объектов уголовно-правовой охраны в рассмотренных деяниях, которые обусловлены соответствующими сферами общества – государственным управлением либо свободной экономической деятельностью, с точки зрения конструкции составов данных деяний наблюдается ряд единых характеристик. Это обуславливают общность механизма преступного посягательства, в свою очередь формирующего единую природу следовой информации как источников доказательств по уголовным делам.

Ключевые слова: должностное лицо, управленческие функции, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, полномочия, государственные органы, муниципальные органы, коммерческие и иные организации, руководитель организации, орган управления, интересы службы.

The legal nature of criminal encroachments is analyzed, which directly or indirectly indicate the misuse by a person of the official powers granted to him. The author states that, despite the differences in the generic objects of criminal law protection in the acts considered, which are caused by the relevant spheres of society: state administration or free economic activity, however, from the point of view of the construction of the compositions of these acts, there are a number of common characteristics. This determines the commonality of the mechanism of criminal encroachment, which in turn forms a single nature of trace information as sources of evidence in criminal cases.

Keywords: official, managerial functions, organizational and administrative and economic functions, powers, state bodies, municipal bodies, commercial and other organizations, head of the organization, management body, interests of the service.

Уголовный закон Российской Федерации предусматривает обширную группу преступных посягательств, в которых в качестве базовых либо квалифицирующих признаков указывается на неправомерное использование лицом предоставленных ему служебных полномочий. Не претендуя на изложение всех уголовно-правовых норм, содержащих указанный критерий, обозначим данную ситуацию, иллюстрируя совокупностью характерных уголовно-правовых норм.

Статья 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» отражает общественную опасность использования должност-

ным лицом своих полномочий вопреки интересам службы. Статьи 285.1, 285.2 УК РФ представляют собой специфические разновидности использования должностным лицом предоставленных ему полномочий вопреки интересам службы, в данном случае в связи с освоением бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов [1, с. 127–136]. В статье 286 УК РФ криминализируются действия должностных лиц, свидетельствующие о явном выходе их за пределы предоставленных полномочий, а в статье 288 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за присвоение

государственным или муниципальным служащим (не являющимся должностным лицом), полномочий должностного лица.

Как известно, уголовно-правовой термин «должностное лицо» изложен в примечании к ст. 285 УК РФ. Не приводя дефиницию этого понятия в полном объеме, укажем на такие присущие ему основные характеристики, как выполнение (постоянно, временно или по специальному полномочию) функций: представителя власти; организационно-распорядительного либо административно-хозяйственного характера; в государственных либо муниципальных органах или учреждениях; в государственных внебюджетных фондах, в государственных корпорациях; в государственных или публично-правовых компаниях; в государственных и муниципальных унитарных предприятиях и хозяйственных обществах, где государство (субъект Федерации, а равно муниципалитет) правомочно распоряжаться более, чем 50 % голосов, либо избирать (назначать) единоличный или коллегиальный орган управления и т. д.

При этом в примечании к ст. 285 УК РФ законодатель оговаривает, что диапазон применения указанного определения ограничивается гл. 30 УК РФ, охватывающей своим содержанием «преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Вместе с тем понятие должностного лица встречается в уголовном законе и в ряде других норм, не ограничиваясь сугубо должностными преступлениями (гл. 30 УК РФ). Более того, указанный термин присутствует в конструкциях составов посягательств, которые, казалось бы, находятся в совсем ином правовом поле, исходя из наименования родового объекта уголовно-правовой охраны. Так, в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» имеется ряд деяний, инкриминируемых исключительно должностным лицам в связи с неправомерным использованием ими своего служебного положения. Таковыми являются ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности» (криминализирующее незаконное вмешательство в деятельность юридических лиц или индивидуальных предпринимателей), ст. 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом» (где речь идет об участии должностных лиц в совершении заведомо незаконных юридически значимых

действий в сфере оборота недвижимости) [2, с. 745–754; 3, с. 44–47; 4, с. 59–66].

Другая группа деяний предусматривает противоправную деятельность не должностных лиц, а субъектов, выполняющих управленческие функции в коммерческих либо иных организациях (не относящихся к ведению государственных или муниципальных органов, организаций, учреждений). По общему правилу перечень данных деяний представлен в гл. 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». Суть данных посягательств заключается в использовании лицом, наделенным управленческими полномочиями, своих служебных ресурсов вопреки интересам своей организации [5, с. 3–9; 6, с. 55–58; 7, с. 50–53], будь это злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 УК РФ), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). Понятие лица, выполняющего управленческие функции, изложено в примечании к ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями».

Как следует из обозначенного в примечании пояснения, к данным субъектам относятся лица, выполняющие следующие функции:

- единоличного исполнительного органа;
- члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа;
- организационно-распорядительного или административно-хозяйственного характера в этих организациях (постоянно, временно либо по специальному полномочию).

Уголовным законом РФ также предусмотрен ряд деяний, совершаемых субъектами с использованием своего служебного положения, однако без уточнения их принадлежности к руководящему звену государственных (муниципальных) органов либо коммерческих структур. Такими посягательствами, в частности, являются: мошенничество (ч. 3 ст. 159 УК РФ); мошенничество в сфере кредитования (ч. 3 ст. 159.1 УК РФ); мошенничество при получении выплат (ч. 3 ст. 159.2 УК РФ); мошенничество с использованием электронных средств платежа (ч. 3 ст. 159.3 УК РФ); мошенничество в сфере страхования (ч. 3 ст. 159.5 УК РФ); мошенничество в сфере компьютерной информации (ч. 3 ст. 159.6 УК РФ); присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ).

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Разъяснения по существу содержания указанного термина даны Пленумом Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», согласно п. 29 которого к лицам, использующим свое служебное положение, относятся: должные лица, соответствующие критериям, указанным в упомянутом выше примечании к ст. 285 УК РФ; государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами; лица, соответствующие критериям, указанным в примечании к ст. 201 УК РФ (т. е. лица, обладающие управленческими полномочиями в коммерческой организации).

Кроме того, отечественный уголовный закон содержит целый ряд деяний, субъект которых относится к категории специального. Конструкции их составов обуславливают возможность их совершения руководителями организации (например, незаконное предпринимательство, незаконная банковская деятельность, привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве и др. [8, с. 71–80]), т. е. лицами, по определению выполняющими управленческие полномочия, даже если законодатель специально не оговаривает этот критерий.

Наконец, если конструкции составов преступных посягательств не упоминают о причастности к деянию должностных лиц государственных или муниципальных органов, иных государственных или муниципальных служащих либо лиц, являющихся руководителями коммерческих или иных организаций, то анализируемый критерий может быть инкриминирован в виде обстоятельства, отягчающего наказание. А именно, в п. «м» ст. 63 УК РФ представлен такой вид отягчающего обстоятельства, как совершение деяния «с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора».

Очевидно, что, несмотря на различия родовых объектов уголовно-правовой охраны, в приведенных выше группах деяний, обусловленных прежде всего кардинально противоположными сферами гражданского общества – государственным управлением и свободной экономической деятельностью, с точки зрения конструкции составов данных деяний наблюдается немало сходства фактического характера. Дело в том, что УК РФ создавался в период широкомасштабных реформ конца

XX века, одними из ключевых идей которых стали: отход от тоталитарного советского наследия; децентрализация экономики; отказ от государственной монополии на средства производства; признание частной собственности; формирование свободных рыночных отношений, основанных на действии универсальных экономических законов; поддержка малого и среднего бизнеса и т. п. Поэтому на указанном этапе законодатель считал необходимым дифференцировать по различным главам и разделам УК РФ противоправные действия должностных лиц государственных либо муниципальных органов и субъектов, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, чем символически подчеркнуть самостоятельность свободной экономической деятельности.

Однако даже свободная экономическая деятельность нуждается в мерах регулятивного, разрешительного, контрольно-надзорного характера, осуществляемых на государственном уровне, что важно прежде всего в интересах обеспечения прав и законных интересов, а также безопасности всех субъектов гражданского общества. Аналогичным образом функционирование государственных или муниципальных органов, учреждений, организаций в условиях рыночной модели общества не может не сопровождаться вступлением их в гражданско-правовые отношения: заключением гражданско-правовых договоров и соглашений, выполнением вытекающих из них обязательств.

Поэтому даже в рамках правового поля неизбежно взаимовлияние и взаимопроникновение государственного и негосударственного (экономического) секторов. Однако факты противоправных действий, получившие распространение в связи с новыми, вплоть до коррупционных схем по перераспределению земли, недвижимости, крупных имущественно-хозяйственных комплексов и т. д. [9, с. 30–33], потребовали принятия соответствующих мер уголовно-правового воздействия.

В итоге в действующем уголовном законодательстве, а также в научной литературе получили отражение деяния, условно именуемые как экономическими преступлениями в сфере служебной деятельности, так и должностными (служебными) преступлениями экономической направленности [10; 11]. Указанные обстоятельства, на наш взгляд, свидетельствуют о необходимости комплексного подхода к исследованию указанных посягательств, рас-

смастривающих их с позиции единой правовой природы [12, с. 5–10].

Во-первых, субъект по должности наделен служебными полномочиями, позволяющими ему принимать юридически значимые решения, давать подчиненным сотрудникам указания и поручения, обязательные для выполнения, контролировать процесс и результаты трудовой деятельности других лиц, принимать решения об их поощрении, наказании, увольнении и т. д.

Во-вторых, в пределах полномочий субъект своими действиями и решениями может влиять на лиц, не находящихся у него в прямом подчинении по службе. Примерами являются: выдача должностным лицом официальных документов, отражающих юридически значимое решение (правомерное либо неправомерное), сведения (достоверные либо недостоверные); заключение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, выгодных либо заведомо невыгодных для организации сделок, отчуждение принадлежащей организации недвижимости, минуя процедуру обсуждения на заседании (совещании) коллегиального органа управления и т. д. [13, с. 49–52; 14, с. 130–134].

В-третьих, лицо имеет доступ к служебной информации, в том числе носящей конфиденциальный характер (например, касающейся объема финансирования, цели и назначения поступающих денежных средств, дефицита бюджета, низких показателей по производству или сбыту продукции, специфики организации и осуществления мероприятий контрольно-надзорного характера и т. д.), которую использует в целях более успешного осуществления преступного умысла.

В-четвертых, лицо обладает специальной компетентностью и корпоративными связями, которые старается поддерживать, в том числе в целях создания преувеличенного впечатления об успешности своей служебной деятельности на максимально возможный длительный период, а также обеспечения взаимовыгодно-

го сотрудничества с «проверенными деловыми партнерами» (в том числе вопреки публичным интересам либо показателям производительности и финансово-хозяйственной деятельности организации).

В-пятых, даже если субъект не имеет статуса должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, но относится к категории служащих, то он может обладать доступом к служебной информации, участвовать в подготовке проектов документов, отражающих юридически значимые решения, пользоваться авторитетом и доверием со стороны взаимодействующих с ним должностных лиц либо лиц, выполняющих управленческие функции, и т. п. Поэтому совершение таким лицом противоправных действий служебной направленности имеет единую природу с действиями должностных лиц, которые зачастую осуществляются в соучастии с ними.

В-шестых, наличие специальной компетентности, доступа к служебной информации в сочетании с корпоративными взаимосвязями обеспечивает сходство действий всех обозначенных выше субъектов по сокрытию преступления, а также осуществлению как негативной, так и позитивной посткриминальной деятельности [15, с. 129–135].

Указанные черты обуславливают также общность механизма преступного посягательства, в свою очередь, формирующего единую природу следовой информации. С точки зрения диалектического подхода общность состояния следовой информации продуцирует результативность единых методико-криминалистических рекомендаций. В связи с этим приобретает актуальность имеющий элементы научной новизны подход, на более глубоком уровне анализирующий закономерности совершения указанных посягательств и предлагающий более взвешенные и эффективные методико-криминалистические рекомендации в рамках формируемой комплексной криминалистической методики.

Литература

1. Варданян А.В. Общие положения допроса подозреваемых, обвиняемых по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / А.В. Варданян, А.А. Говоров // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1(88).

Bibliography

1. Vardanyan A.V. General provisions of interrogation of suspects, accused in cases of misuse of budgetary funds and funds of state extra-budgetary funds / A.V. Vardanyan, A.A. Govorov // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1(88).

2. Варданян А.В. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования / А.В. Варданян, В.В. Казаков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4.
3. Варданян А.В. Некоторые организационные и правовые проблемы расследования преступлений в сфере земельных правоотношений // Юристы-Правоведы. 2013. № 5(60).
4. Варданян А.В. Преступные нарушения земельных правоотношений как неотъемлемые деструктивные последствия либерализации прав на землю: генезис и механизм посягательства // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1.
5. Варданян А.В. Механизм злоупотребления полномочиями субъектами управленческих функций в коммерческих и иных организациях как методологическая основа для формирования частной криминалистической методики расследования преступлений / А.В. Варданян, К.В. Гончаров // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2.
6. Варданян А.В. Осуществление управленческих полномочий в коммерческой или иной организации вопреки интересам службы: актуальные проблемы расследования / А.В. Варданян // Философия права. 2014. № 6(67).
7. Варданян А.В. Методологические проблемы классификации исходных следственных ситуаций, типичных для расследования злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Юристы-Правоведы. 2013. № 1(56).
8. Макаренко И.А. Преступные нарушения законодательства об участии в долевом строительстве жилья и иных объектов недвижимости: уголовно-правовые и криминалистические аспекты / И.А. Макаренко, С.А. Григорян // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 1(31).
9. Варданян А.В. Преступления, связанные с нарушением земельного законодательства российской федерации: современные тенденции и проблемы расследования / А.В. Варданян, О.В. Мельникова // Философия права. 2014. № 5(66).
2. Vardanyan A.V. Criminalistic analysis of subjects of crimes related to obstruction of legitimate entrepreneurial or other activities as a factor in improving the effectiveness of the investigation / A.V. Vardanyan, V.V. Kazakov // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. № 4.
3. Vardanyan A.V. Some organizational and legal problems of investigation of crimes in the sphere of land relations / A.V. Vardanyan // Jurist-Pravoved. 2013. № 5(60).
4. Vardanyan A.V. Criminal violations of land legal relations as integral destructive consequences of land rights liberalization: genesis and mechanism of encroachment / A.V. Vardanyan // All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. № 1.
5. Vardanyan A.V. The mechanism of abuse of authority by subjects of managerial functions in commercial and other organizations as a methodological basis for the formation of a private criminalistic methodology for investigating crimes / A.V. Vardanyan, K.V. Goncharov // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2015. № 4-2.
6. Vardanyan A.V. Exercising managerial powers in a commercial or other organization contrary to the interests of the service: actual problems of investigation / A.V. Vardanyan // Philosophy of Law. 2014. № 6(67).
7. Vardanyan A.V. Methodological problems of classification of initial investigative situations typical for the investigation of abuse of authority by persons performing managerial functions in commercial and other organizations / A.V. Vardanyan // Jurist-Pravoved. 2013. № 1(56).
8. Makarenko I.A. Criminal violations of legislation on participation in the shared construction of housing and other real estate objects: criminal law and criminalistic aspects / I.A. Makarenko, S.A. Grigoryan // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2021. № 1(31).
9. Vardanyan A.V. Crimes related to violation of the land legislation of the Russian Federation: modern trends and problems of investigation / A.V. Vardanyan, O.V. Melnikova // Philosophy of Law. 2014. № 5(66).
10. Ivanov M.G. Service and economic crime in modern Russia (concept, essence, features of its manifestation and prevention). N. Novgorod, 2003.
11. Puchnin A.V. Features of the investigation of economic crimes related to official activity: author. abstract ... Cand. of Law. Voronezh, 2012.

10. Иванов М.Г. Служебно-экономическая преступность в современной России (понятие, сущность, особенности ее проявления и предупреждения) / М.Г. Иванов. Н. Новгород, 2003.

11. Пучнин А.В. Особенности расследования экономических преступлений, связанных со служебной деятельностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012.

12. Варданян А.В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Российский следователь. 2015. № 21.

13. Варданян А.В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А.В. Варданян, К.В. Гончаров // Юристы-Правоведы. 2015. № 2(69).

14. Варданян А.В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях / А.В. Варданян, К.В. Гончаров // Общество и право. 2017. № 3(61).

15. Варданян А.В. Криминалистические знания о посткриминальной деятельности: проблемы формирования и развития // Философия права. 2020. № 1(92).

12. Vardanyan A.V. Criminalistic classifications of crimes and their system-forming role in the formation of private criminalistic methods of investigating crimes as scientifically based complexes of criminalistic recommendations / A.V. Vardanyan, R.V. Kuleshov // Russian investigator. 2015. № 21.

13. Vardanyan A.V. Abuse of managerial authority in a commercial or other organization: the experience of law enforcement practice and some problems of initiating a criminal case and preliminary investigation / A.V. Vardanyan, K.V. Goncharov // Jurist-Pravoved. 2015. № 2(69).

14. Vardanyan A.V. General provisions of interrogation of witnesses and victims in cases of abuse of authority by persons performing managerial functions in commercial and other organizations / A.V. Vardanyan, K.V. Goncharov // Society and Law. 2017. № 3(61).

15. Vardanyan A.V. Criminalistic knowledge of post-criminal activity: problems of formation and development / A.V. Vardanyan // Philosophy of Law. 2020. № 1(92).

**Маилян Ани Варужановна
Mailyan Ani Varuzhanovna**

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: david.072014@mail.ru

Senior Lecturer, Department of Forensics and Operational Activities, Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ
КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА «ФИШИНГ»**

Actual issues of investigation and solution of cyber fraud «phishing»

В статье анализируются особенности формирования криминалистической методики расследования и раскрытия такого вида кибермошенничества, как фишинг. Обосновывается мнение о том, что эффективность расследования данной разновидности мошенничества во многом зависит от качества взаимодействия государственных правоохранительных органов между собой, а также с негосударственными структурами, выполняющими задачу по противодействию преступности в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации.

Ключевые слова: кибермошенничество, расследование, раскрытие, хищение, мошенничество, методика, совершение, характеристика, компьютерная информация, фишинг.

The article analyzes the features of the formation of a forensic methodology for investigating and disclosing phishing cyber fraud. The opinion is substantiated that the effectiveness of the investigation of this type of fraud largely depends on the quality of interaction between state law enforcement agencies among themselves, as well as with non-state structures that perform the task of combating crime in the field of telecommunications and computer information.

Keywords: cyber fraud, investigation, disclosure, theft, fraud, methodology, commission, characteristics, computer information, phishing.

Современное общество, безусловно, отличается от ранее существовавшего не только жизнедеятельностью, мировоззрением и взаимопониманием, но и средствами платежей за определенные товары или услуги. Со времен образования первой социальной общности и возникновения необходимости в каком-либо средстве труда или продукте питания люди начали использовать товарообмен, и первым средством платежа являлся тот товар, который было выгодно обменять обеим сторонам.

Развитие информационных технологий обусловило резкое увеличение преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий, основным выражением которых является кибермошенничество. Злоумышленники активно используют достижения информационных технологий в преступных целях. С каждым годом в России увеличивается количество киберпреступлений и мошенничеств. По данным Генеральной Прокуратуры РФ, «на кибермошенничество пришлось около 70 %

всех хищений, которые совершены путем обмана и злоупотреблением доверием» [1].

При расследовании и раскрытии кибермошенничеств особое место занимают разработанные криминалистикой различные методики, которые в различных вариациях применяются субъектами предварительного расследования. Методика расследования кибермошенничеств предполагает комплексное сочетание методики расследования мошенничества и некоторых специфических положений расследования преступлений в сфере компьютерной информации.

Основополагающим структурным элементом в методике расследования кибермошенничеств является криминалистическая характеристика данного вида преступлений. Этот вопрос подлежит совершенствованию ввиду того, что кибермошенничество является довольно прогрессивным и структурно сложным видом преступления, а быстро адаптировать методику расследования и раскрытия преступления к новым реалиям не всегда возможно.

В криминалистике выделяют два вида следов – материальные и идеальные. Безусловно, компьютерная информация выступает главным образом в качестве следов преступления, однако в связи с ее виртуальностью она не может быть отнесена ни к одному, ни к другому виду. В связи с этим предлагаем для совершенствования теоретической части методики расследования и раскрытия кибермошенничества ввести новый (промежуточный) вид – «виртуальные следы», к которым следует относить следы киберпреступлений. Это во многом облегчило бы деятельность субъекта расследования, т. к. при документальном оформлении своих действий указывались бы «виртуальные следы», по которым сразу становилось бы понятно, о чем идет речь [2, с. 37].

Фишинг (от англ. phishing, от fishing – рыбная ловля, выуживание) – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям. Это достигается путем проведения массовых рассылок электронных писем от имени популярных брендов, а также личных сообщений внутри различных сервисов, например, от имени банков или внутри социальных сетей. В письме часто содержится прямая ссылка на сайт, внешне неотличимый от настоящего, либо на сайт с редиректом. После того как пользователь попадает на поддельную страницу, мошенники пытаются различными психологическими приемами побудить его ввести свои логин и пароль, которые он использует для доступа к определенному сайту, что позволит преступникам получить доступ к его аккаунтам и банковским счетам.

«Сейчас в индустрии сложилось определенное разделение различных видов фишинга: – просто фишинг (phishing) – массовая рассылка сообщений, ведущая на фальшивые или зараженные сайты. Термин является общим для всех видов фишинга;

– spear phishing – фишинг, сфокусированный на конкретной жертве. По статистике, около 90 % всех целенаправленных атак (APT) реализуется именно через этот вид фальшивых сообщений;

– whaling – сфокусированный фишинг против высокопоставленных лиц (от английского слова whale);

– vishing – фишинг через IP-телефонию и иные VoIP-сервисы.

– smishing – фишинг посредством SMS- и MMS-сервисов» [3].

Существует также сервис рассылки фальшивых сообщений через социальные сети, но для него названия еще не придумали. К сожалению, организация фишинга сегодня не требует дорогостоящих инструментов. «Все можно сделать с помощью программ, которые свободно скачиваются из Интернета или входят в состав какого-либо дистрибутива, например Kali Linux. Обычно последовательность действий злоумышленников такова:

Собрать контакты. Вы удивитесь, сколь много информации о вас хранится в Интернете, особенно в различных соцсетях – Facebook, LinkedIn и других. Утилиты наподобие theHarvester или recon-ng способны выуживать эти данные, составляя таким образом базу для последующих рассылок e-mail или SMS/MMS.

Подготовить площадку для заражения и рассылки. На данном этапе злоумышленники создают сайты-клоны или сайты, похожие по своему названию на «жертву» (например, sbrrbank.ru вместо sberbank.ru), а также заражают легальные сайты вредоносными программами, размещают на них вредоносную рекламу (через баннерные сети) или просто перенаправляют пользователя на подставной сайт. Причем клонировать сайт на подставном домене не составляет большого труда – для этого можно использовать как специализированные утилиты типа Social Engineer Toolkit (SET) в составе Kali Linux, так и онлайн-сервисы, например Clone Zone.

Подготовить и разослать сообщение e-mail, SMS, MMS, VoIP также можно с помощью специализированных программ (тот же SET) или онлайн-инструментов, предназначенных для рассылки рекламы, спама или организации фишинговых рассылок.

Хорошо подготовленное ложное сообщение приводит к тому, что пользователь-жертва ловится на удочку (отсюда и термин phishing), и дальше злоумышленник выполняет поставленную задачу – получает конфиденциальную информацию (например, логины и пароли), перехватывает управление или выводит системы из строя. Ежедневно происходят тысячи фишинговых атак, которые могут принимать самые разнообразные формы» [3].

Как показывает практика и статистические данные, кибермошенничество является одним из тех видов преступлений, расследование которых находится на низком уровне. Раскрытие кибермошенничества – это нестандартный, а порой дискуссионный вопрос. Причина –

сложность процесса доказывания, несовершенство методики расследования и законодательства, регулирующего сферу компьютерных и информационных технологий, отсутствие следов совершения преступления, а в случае их наличия сложность установления расположения компьютера и конкретного исполнителя.

Проблемы столь быстрого возрастания уровня кибермошенничеств кроются в том, что во многом они остаются невыявленными, нераскрытыми (иными словами, фактовые дела). Причиной выраженной латентности является отсутствие материальных следов, указывающих на приготовление и совершение преступления, выступающих элементами криминалистической характеристики кибермошенничества.

Еще одна проблема – это, безусловно, большое количество различных способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации. Фишинг, вишинг, смс-рассылки, DDoS-атаки – это всего лишь часть способов. Они же, в свою очередь, постоянно совершенствуются, становятся более скрытными, защищенными и конструктивно сложными [4].

Определение события кибермошенничества вызывает некоторые трудности, а следовательно, сложности возникают в установлении времени и места совершения преступления. Место совершения киберпреступления может быть не одно, а дислоцироваться они могут на различных территориях и даже за пределами Российской Федерации. Что касается времени совершения преступления, то это одно из самых сложно устанавливаемых обстоятельств. Обычно с момента совершения преступления и его выявления проходит много времени, в результате чего следы преступления утрачиваются, следовая картина становится размытой. Поэтому при совершенствовании методики расследования и раскрытия кибермошенничеств следует повысить эффективность взаимодействия различных подразделений и служб не только Российской Федерации, но и с зарубежными правоохранительными органами. От быстрого выявления фактов кибермошенничества, начала расследования зависит полнота собираемой доказательственной базы, сохранность следов, выявление места совершения преступления, установление времени, а также способов совершения преступных действий и т. д. [5].

Повышение взаимодействия других подразделений с сотрудниками Управления «К» МВД России, входящего в состав Бюро специаль-

ных технических мероприятий, и субъекта расследования, т. к. сотрудники управления обладают специальными знаниями в области компьютерных технологий, поэтому чем раньше они выявят, соберут и передадут необходимую информацию, тем быстрее и в полном объеме субъекты расследования определяться с методикой расследования и раскрытия кибермошенничества.

В методике расследования и раскрытия кибермошенничества необходимо совершенствовать вопрос, касающийся следов преступления. Несомненно, виртуальность и неосязаемость киберпреступлений приводят к тому, что следы преступления легко уничтожить. Тем не менее алгоритм преступления, совершаемого применением компьютерной техники, выглядит следующим образом: с использованием компьютерной техники осуществляется воздействие компьютерной информации на саму компьютерную информацию. Поэтому она же может выступать в качестве как носителя следов, так и быть следом преступления [2, с. 33].

В методике расследования и раскрытия кибермошенничества основополагающую роль играют тактические приемы проведения следственных действий, т. к. кибермошенничество является специфическим видом преступления, который требует особых знаний. При производстве допроса у следователя зачастую возникают трудности ввиду того, что он не обладает теми знаниями, которые помогли бы ему построить правильную линию допроса. Кибермошенник, понимая, что следователь не владеет терминологией, использует ее в максимальном количестве, осложняя свои показания жаргонизмами. Поэтому данный фактор снижает эффективность допроса. Это также касается назначения судебных экспертиз, а именно постановки вопросов. Из-за неопытности и недостаточных знаний в области компьютерной информации следователь порой может ставить некорректные или же неправильно сформулированные вопросы, и в результате получить исчерпывающий ответ будет сложно. Следовательно, в рамках совершенствования методики расследования и раскрытия киберпреступлений целесообразно обучать следователей основам компьютерных и информационных технологий, киберпространства, повышать квалификацию в данной области, а также разработать методические рекомендации по расследованию типичных способов совершения кибермошенничества. Это бы во многом облегчило деятельность

следователей и сократило временные рамки подготовки и проведения допроса [4].

Совершенствование методики расследования и раскрытия кибермошенничества может выражаться также в повышении технических возможностей и количества криминалистических лабораторий, а также судебно-экспертных учреждений, которые осуществляют экспертизу [6, с. 23].

Сегодня наблюдается тенденция перегруженности государственных экспертных учреждений, из-за чего уходит достаточно большое количество времени на получение заключения эксперта и, следовательно, затормаживается процесс расследования и раскрытия кибермошенничества.

Литература

1. Киберпреступность в 2021 году выросла на 25 %. URL: <https://pravo.ru/news/232676/> (дата обращения: 22.11.2021).

2. Маилян А.В. Некоторые вопросы расследования хищения, совершенного с использованием электронных средств платежа // Сборник материалов Всероссийских научно-практических конференций по актуальным проблемам антикриминальной деятельности в России. М., 2019.

3. URL: <https://www.it-world.ru/> (дата обращения: 24.11.2021).

4. Потапов С.А. Совершенствование расследования и раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-rassledovaniya-i-raskrytiya-prestupleniy-v-sfere-kompyuternoy-informatsii> (дата обращения: 24.11.2021).

5. Нестерович С.А. Проблемы расследования киберпреступлений, которые стоят перед сотрудниками следственных органов // Вестник науки и образования. 2018. № 8(44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rassledovaniya-kiberprestupleniy-kotorye-stoyat-pered-sotrudnikami-sledstvennyh-organov> (дата обращения: 24.11.2021).

6. Варданыан А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81).

Важно также внедрять зарубежную методику расследования киберпреступлений. На сегодняшний день в нашей стране данный опыт применяется крайне редко.

Таким образом, кибермошенничество является злободневной проблемой современного мира. С развитием информационного пространства общества методы и способы совершения кибермошенничества совершенствуются и усложняются. Как видим, методика расследования и раскрытия кибермошенничества требует постоянного совершенствования, т. к. кибермошенничество – быстроразвивающийся и сложный вид преступления, к расследованию которого необходимо подходить комплексно и ответственно.

Bibliography

1. Cybercrime increased by 25 % in 2021. URL: <https://pravo.ru/news/232676/> (date of access: 22.11.2021).

2. Mailyan A. V. Some issues of the investigation of theft committed using electronic means of payment // Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conferences on topical problems of anti-criminal activities in Russia. Moscow, 2019.

3. URL: <https://www.it-world.ru/> (date of access: 24.11.2021).

4. Potapov S. A. Improving the investigation and disclosure of crimes in the field of computer information // Socio-economic phenomena and processes. 2016. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-rassledovaniya-i-raskrytiya-prestupleniy-v-sfere-kompyuternoy-informatsii> (date of access: 24.11.2021).

5. Nesterovich S. A. Problems of Investigation of Cybercrimes that Face Employees of Investigative Bodies // Bulletin of Science and Education. 2018. № 8(44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rassledovaniya-kiberprestupleniy-kotorye-stoyat-pered-sotrudnikami-sledstvennyh-organov> (date of access: 24.11.2021).

6. Vardanyan A. V., Gribunov O. P. Modern doctrine of methodological and forensic support for the investigation of certain types of crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2(81).

Шанько Виктор Викторович
Shanko Viktor Viktorovich

начальник кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России,
кандидат педагогических наук.
E-mail: v.shanko@mail.ru

Head of the Department of Tactical and Special Training, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, PhD in Pedagogics.

«ТЕРРОРИЗМ» КАК МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
(ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ)

«Terrorism» as a method of political struggle (political terrorism)

В статье раскрываются особенности феномена политического терроризма, анализируются причины его возникновения как общественно-политического явления. Анализируются такие нетождественные феномены общественного бытия, как террор и терроризм.

Ключевые слова: политический терроризм, террор, борьба, общественно-политическое явление, метод борьбы.

The article reveals the features of the phenomenon of political terrorism, analyzes the reasons for its emergence as a socio-political phenomenon. Such non-identical phenomena of social life as terror and terrorism are analyzed.

Keywords: political terrorism, terror, struggle, socio-political phenomenon, method of struggle.

Насильственные средства и методы политической борьбы, как и ненасильственные, чрезвычайно разнообразны. Каждый из них имеет свои, только ему присущие особенности и специфику применения. Одним из них является политический терроризм как крайний и наиболее жесткий метод насильственной политической борьбы. Изучение основных механизмов его детерминации и условий функционирования способствует созданию комплексной стратегии борьбы с политическим терроризмом.

Анализ научных источников и публикаций свидетельствует о том, что феномен политического терроризма представляет научный интерес для многих ученых. В частности, ему посвятили свои исследования такие авторы, как Н.Я. Лазарев («Терроризм как тип политического поведения»), А.А. Половко («Социально-психологические аспекты политического терроризма»), М.П. Требин («Современный терроризм»), В. Бушанский («Критика демократии и политический терроризм»), А.М. Бардин («Происхождение и корни терроризма»), А.М. Деменко («Феномен терроризма в условиях глобализационной динамики»), А.М. Максимова («Ресурсная база терроризма в современном мире»),

А.П. Клювань («Политический терроризм и политический экстремизм») и др.

Каждое из исследований в определенной степени дает понятное существенное наполнение этого феномена. Но, несмотря на многообразие взглядов, проблема изучения причин терроризма всегда будет принадлежать к наиболее актуальным, поскольку данный феномен в той или иной форме вечный.

Цель статьи состоит в раскрытии особенностей феномена политического терроризма, анализе причин его возникновения как общественно-политического явления. При этом феномен политического терроризма исследуется в его сущностном и содержательном измерениях на уровне социально-философской рефлексии.

Термин «терроризм» не имеет согласованного определения в современной науке, однако, как правило, его используют в негативном смысле, чаще всего для характеристики действий, которые угрожают жизни людей. Его могут использовать для характеристики как деятельности политически мотивированных групп негосударственного уровня, так и действий правительств. Сложность определения содержания понятия терроризма заключается

в том, что различные аспекты противостояния позволяют рассматривать террористическую деятельность с разных позиций. Так, в одном из аспектов он, бесспорно, является преступлением, нарушением закона, однако в другом – борьбой за национальное освобождение или другие высшие цели.

Террор и терроризм – нетождественные феномены общественного бытия. По нашему мнению, сегодняшние реалии требуют комплексного исследования и философского осмысления особенностей политического терроризма в глобализованном обществе.

Террор сопровождает не только особая социально-психологическая атмосфера страха, отраженная в том числе и в этимологии этого слова (от лат. *terror* – страх, ужас), но и своеобразная политико-правовая ситуация. Субъект террора или же вовсе отвергает любые нормативы, ограничивающие его действия, или же опирается на уникальное законодательство, которое санкционирует произвол и поднимает подозрение в ранг доказанной вины. Об одном из таких законов пишет Ш. Монтескье: «В Риме существовал закон о поспании Величества, направленный против тех, кто покушался на римский народ. Тиберий воспользовался им и стал применять его не к тем, против кого он был выдан, а ко всем, кого ему указывала его ненависть и недоверие». К этому можно отнести и знаменитый прерияльский закон 1794 года, в котором состав преступлений сформулирован настолько туманно, что, по выражению Ж. Жореса, «во Франции не было человека, которому бы не угрожал закон от 22 прерияля». Таков был и закон Луция Валерия Флакка, который, по сути, предоставил право Сулле лишать жизни любого римского гражданина.

Специфика террора объясняет, почему он используется далеко не во всех разновидностях политической борьбы. Опосредованность и превентивность насильственных действий, которые допускаются и предусматриваются террором, делают его методом прежде всего мысленной борьбы, но только тех ее форм, которые тесно переплетаются с истинной, при этом, как правило, крайне обостренной политической борьбой. Эти формы обычно намеренно инициируются одним или обоими участниками действительной борьбы с целью укрепления своих позиций и ослабления противника. Об этом свидетельствует практика ис-

пользования террора и в гражданских войнах в Древнем Риме, и во времена первых римских императоров, и в ходе опричнины Ивана Грозного, и во время Великой французской революции, и в трагические периоды советской истории. Отсутствие у террора любых политико-правовых нормативов объясняется тем, что он всегда присутствует только в политической борьбе, что выходит за рамки существующей политической системы, которая имеет целью ее трансформацию, или в противостоянии, которое ведется в условиях неустойчивой политической системы или такой, что находится в кризисном состоянии [1].

Политический терроризм известен издавна. «Необходимость насилия в истории, – отмечают юристы-международники И. Блыщенко и Н. Жданов, – детерминируется наличием противоречия, которое невозможно решить путем компромисса между носителями этого противоречия: государствами, классами или отдельными личностями».

В работе И. Блыщенко и Н. Жданова «Терроризм и международное право» отмечается необходимость различать: индивидуальный террор; террор класса, который ведет борьбу за власть, и террор класса, который находится у власти; терроризм революционный и контрреволюционный. В подавляющем большинстве случаев, по убеждению этих авторов, практически всегда присутствует его социальная, классовая направленность.

Политический терроризм – это метод борьбы, с помощью которого те или иные силы желают достичь определенных результатов. По нашему мнению, власть в таком случае имеет персонифицированный, конкретно определенный, физический характер, власть в лице ее носителей находится под угрозой насилия. Такие исследователи терроризма, как А.М. Бардин, А.М. Деменко, Н.П. Требин, В.В. Остроухов, доказали, что концептуальное изучение насилия и террора в рамках морально-мировоззренческих парадигм позволяет глубже понять эмоционально-психологические цели применения актов насилия и более конкретно определить специфику логики субъекта соответствующего действия [4].

В наше время наблюдается направление политического терроризма в отношении народов, государств, которое осуществляется хорошо организованными и технически оснащенными

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

государственными и международными корпорациями. Изменилась структура политического терроризма; структура власти и терроризма пересекаются на объекте. Борьба с политическим терроризмом в современных условиях должна заключаться в уменьшении его ресурсов. Ресурсами терроризма, по нашему мнению, являются все те средства, использование которых обеспечивает влияние субъекта на объект терроризма. «Ресурсы терроризма можно разделить на два типа: материальные и нематериальные. Материальные ресурсы: финансовые, человеческие, технические и силовые». К нематериальным относятся организационный, информационный, психологический и идеологический ресурсы, которые настолько взаимосвязаны, что трудно провести четкую границу между ними.

Средства массовой информации являются важным фактором в конфронтации между террористами и властью. Террористам необходима большая аудитория, благодаря вниманию масс-медиа происходит информационная легитимизация террористических организаций. Власть заинтересована в том, чтобы средства массовой информации не становились объектом манипуляции, направленной на достижение политических целей или применение методов терроризма.

Идеологическая платформа террористических организаций может представлять собой совокупность как ультралевых, так и правых, национал-экстремистских, сепаратистских или религиозных идейных установок, которые выступают теоретическим оправданием применения насилия в различной форме на нелегитимной основе для достижения политических целей.

Считаем, что фашизм и терроризм выступают самостоятельными формами политического экстремизма, однако терроризм, в отличие от фашизма, является силой, которая не имеет пространственной, социальной или национально-государственной локализации.

На протяжении всей истории (начиная с IV–III тыс. до н. э.) локальные цивилизации тесно были связаны, культурный и экономический обмен между ними усиливался, дойдя в начале третьего тысячелетия до стадии глобализации. Политический терроризм из политического фактора превратился в закономер-

ность функционирования современного общества. Применение самых жестких форм террора связано с процессами существенных моральных трансформаций общественного и индивидуального сознания, доминированием и распространением ложных теоретических, идеологических и моральных утверждений. Развитие христианства постепенно способствовало уникальному синтезу общественного сознания, развитию такой духовной культуры человечества, где социальное действие индивида увеличивалось в пределах определенной иерархии норм и ценностей. С периода средневековья терроризм, особенно политический, обуславливается объективными и субъективными факторами: исторической и региональной спецификой формирования общества и государства. В этой морально-мировоззренческой парадигме насилие осуждалось и определялось как проявление злой воли в человеческом существе. В марксистской материалистически-объективистской, морально-мировоззренческой парадигме отрицается весомость нравственных ценностей христианства и обосновывается моральный принцип оправдания социального, политического и экономического насилия, утверждается неотвратимость антагонизмов и столкновение интересов различных общественных групп и слоев. Цель пролетариата усматривается в революционном насильственном свержении и трансформации всего существующего общественного строя. Создание нацистской идеологии основывалось в первую очередь на возможности гиперболизации интересов, ценностей и нужд отдельного класса, нации, расы, а практика ужасного террора, холокоста и насилия выступала орудием таких воплощенных интересов, ценностей и потребностей. В середине XIX века получили развитие национализм, анархизм, социализм, а отождествление анархизма с терроризмом стало общим правилом [4].

Современный терроризм представляют южно-американские герильерос и исламские фундаменталисты, прежде всего террорист номер один Усама Бен Ладен и его организация «Аль-Каида»*. Повстанцы Южной Америки ограничивают свою деятельность активностью внутри своих государств. Наибольшую опасность представляют исламистские организации, которые поддерживаются радикальными

* Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

режимами Ближнего Востока. Политическая доктрина фундаменталистов включает две основные цели: уничтожение в исламских странах либеральных режимов, на смену которым должен прийти шариатский порядок, и интеграция исламских народов в единую общность.

Наиболее интенсивная террористическая борьба идет в таких странах, как Ирак (поддержка Народного Фронта освобождения Палестины), Иран (поддержка «Хезболлы», ХАМАС и др.), Куба (поддержка ЕТА), Ливия (поддержка ИРА и «Красных бригад»), Северная Корея (поддержка палестинских террористических группировок), Сирия (поддержка около 10 террористических групп), Судан (активная поддержка организации «Аль-Каида») (деятельность перечисленных организаций запрещена на территории Российской Федерации), и в бывших советских республиках Кавказа. Сугубо исламистские государства рассматривают международный терроризм как законное средство борьбы с еретиками [2].

В общем, поддержка официальными государственными режимами международных преступных группировок происходит по общепринятым моделям. Главный вид помощи – финансирование. Практическим воплощением предотвращения терроризма стали международные программы, первый шаг – программа НАТО «Партнерство ради мира». Завершение холодной войны поставило на повестку дня концептуальное значение будущей международной системы. Борьба между Западом и Востоком трансформировалась в противостояние за ось «Север–Юг». Современная цивилизация генерирует идею нового мирового порядка. В массовом сознании населения определенных частей света наблюдается склонность к архаизации, происходит некоторая регрессия, т. е. человечество довольно быстро может утратить признаки цивилизованности: превратить систему из цивилизованной в дикарскую. Не случайно В. Бушанский в своей работе «Кризис европейской цивилизации и проект М. Бердяева» подчеркивает, что «цивилизация есть воля к мировому могуществу, к обустройству поверхности земли. Цивилизация – интернациональная материя. Философия, искусство существуют лишь в культуре. Культура – религиозная, цивилизация – безрелигиозная» [3].

Терроризм является противоправным насилием или же угрозой его применения со стороны одного человека или группы лиц, порождающим страх в обществе и запугивание правительства и населения, направленным на достижение политической цели. Количество терактов, которое наблюдается в мире, свидетельствует о том, что терроризм является достаточно популярным в разных частях мира методом политической борьбы. Не является исключением и Российская Федерация, которая переживает активизацию террористических и сепаратистских движений. Соответственно, теракты, совершенные на территории нашей и других стран, свидетельствуют о необходимости проведения дальнейших исследований, связанных с современными проявлениями терроризма и способами противодействия ему.

Терроризм является противоправным насилием или же угрозой его применения со стороны одного человека или группы лиц, порождающим страх в обществе и запугивание правительства и населения, направленным на достижение политической цели. Количество терактов, которое наблюдается в мире, свидетельствует о том, что терроризм является достаточно популярным в разных частях мира методом политической борьбы. Не является исключением и Российская Федерация, которая переживает активизацию террористических и сепаратистских движений. Соответственно, теракты, совершенные на территории нашей и других стран, свидетельствуют о необходимости проведения дальнейших исследований, связанных с современными проявлениями терроризма и способами противодействия ему.

Литература

1. Войников В.В. Правовое регулирование борьбы с терроризмом в рамках ЕС // *Lex Russica* (Русский закон). 2019. № 2.
2. Долгов Б.В. Терроризм в Европе: Причины возникновения, практика и глобальный аспект // *Актуальные проблемы Европы*. 2017. № 4.
3. Потемкина О.Ю. Новые инициативы ЕС по противодействию терроризму // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2021. № 1.
4. Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России: сб. статей Междунар. научно-практ. конференции. Казань–Уфа, 2018.

Bibliography

1. Voinikov V.V. Legal regulation of the fight against terrorism within the EU // *Lex Russica* (Russian law). 2019. № 2.
2. Dolgov B.V. Terrorism in Europe: Causes, Practice and Global Aspect // *Actual Problems of Europe*. 2017. № 4.
3. Potemkina O.Yu. New EU initiatives to counter terrorism // *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*. 2021. № 1.
4. Terrorism and extremism as a threat to Russia's national security: compilation articles of the International scientific and practical. conferences. Kazan–Ufa, 2018.

**Щербинин Сергей Владимирович
Shcherbinin Sergey Vladimirovich**

председатель территориальной избирательной комиссии по Новоаннинскому району Волгоградской области, член Совета председателей территориальных избирательных комиссий при избирательной комиссии Волгоградской области, магистрант второго курса направления подготовки «Политология» Волгоградского государственного университета.
E-mail: tik3419@bk.ru

Chairman of the territorial election Commission for the Novoanninsky district of the Volgograd region, member of the Council of Chairmen of Territorial Election Commissions at the Election Commission of the Volgograd Region, second-year master's student in the field of Political Science, Volgograd State University.

**Лотарев Константин Анатольевич
Lotarev Konstantin Anatolyevich**

доцент кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук.
E-mail: lotarev@volsu.ru

Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, PhD in Politics.

**СПОСОБЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ МАССОВЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ
СОЗНАНИЕМ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭСКАЛАЦИИ ПРОТЕСТНОЙ
АКТИВНОСТИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ**

**Means of mass political consciousness manipulation as a tool for escalating protest
activity among young people**

В статье рассмотрена и проанализирована протестная активность в России последних лет. Основное внимание уделено участию в протестном движении молодежи и несовершеннолетних лиц, являющихся в немалом числе носителями оппозиционных идей. Рассмотрены причины мобилизации протестной деятельности в среде молодежи и подростков, главенствующие позиции среди которых занимает манипулятивное воздействие через сеть Интернет.

Ключевые слова: манипуляция массовым политическим сознанием, психо-информационное воздействие, информационная война, политическое поведение, управление протестом, мотивация политической активности, оппозиция, молодежь.

The article examines and analyzes the protest activity in Russia in recent years. The main attention is paid to the participation in the protest movement of young people and minors, who are not a few carriers of oppositional ideas. The reasons for the mobilization of protest activity among young people and adolescents, the dominant position among which is occupied by manipulative influence via the Internet, are considered.

Keywords: manipulation of mass political consciousness, psycho-informational influence, information warfare, political behavior, protest management, motivation of political activity, opposition, youth.

Социально-политический феномен протеста как ненасильственной общественной реакции на не соответствующие ожиданиям и воле граждан действия представителей власти в нашей стране не нов и потому относится к актуальной социально-политической проблематике как с теоретической стороны, так и с позиции практической политики.

Протестное политическое поведение возникло и получило широкое распространение в начале 90-х годов прошлого века, в период

становления новой демократической России. В это время объективных причин для нарастания социальной напряженности было недостаточно. Этому в немалой степени способствовала и экономическая обстановка в стране.

Именно тогда впервые было предложено классифицировать оппозиционно настроенные политические силы в зависимости от их отношения к действующей власти и готовности вести с ней конструктивный диалог.

С.А. Шапиро в своей работе «Лояльность как критерий в типологии политической культуры современной России (к постановке проблемы)» предлагает наиболее простой и логичный способ деления политических акторов исходя из их отношения к действующему государственному строю: «Политические оппозиции разделяют в зависимости от степени их терпимости по отношению к действиям правительства. На этой основе выделяют лояльную, полулояльную (умеренную) и нелояльную (непримиримую) оппозиции» [23, с. 48–54].

Протестная активность последнего десятилетия (2010–2021) существенно изменилась, перестала быть средством выживания граждан, столкнувшихся с действием «шоковой терапии» и последовавшей за ней гиперинфляции.

Протестная активность граждан 1990-х годов осуществлялась вынужденно от глубокой безысходности. Ныне же протестное поведение приобрело явный субкультурный характер, при этом степень его радикализации (выраженной непримиримости участников) имеет тенденцию к росту. Для молодежи это большей частью инструмент самовыражения.

Максимализм молодежи детерминирован состоянием романтического возраста. Это обстоятельство и предопределяет, толкает на защиту идеалов справедливости, демократии, свободы, прав человека, честных выборов и иных социально-политических и гражданских ценностей [10, с. 84].

Подобная картина, к слову сказать, наблюдается во всех развитых демократических государствах, где молодежь протестует по любому поводу, а зачастую и без него.

Причины бывают разные, в академической политологии их принято делить на три основных категории: недовольство (уровнем и бытовыми условиями жизни, качеством управления, уровнем обслуживания); недоверие (государственным институтам, органам власти, отдельным политикам и чиновникам); несогласие (с общим курсом проводимых реформ, внешней, внутренней и экономической политикой) [2, с. 50–65].

Однако нельзя забывать, что ненасильственный протест – это форма диалога с властью, но никак не способ ее свержения. Представляется убедительным суждение о том, что «социальный протест как проявление развитого гражданского общества служит связующим звеном между обществом и властью, протестная активность населения указывает органам государственной власти на те проблемы, которые существуют в обществе. Подавлять подоб-

ные акции протеста со стороны государства опасно потому, что, если не давать населению выпускать свое недовольство, акции протеста могут вылиться в массовые протесты антигосударственного характера. Социальный протест является достаточно эффективным стимулом для общественного развития в целом, при условии грамотного отношения к нему со стороны государственной власти» [1, с. 251–255].

В связи с этим хотелось бы особо подчеркнуть, что вне зависимости от декларируемых причин форма протеста должна строго соответствовать нормам действующего законодательства.

Острые, выходящие за рамки закона проявления протестных настроений неизбежно ведут к повышению социальной энтропии, стратификации общества, деструкции государственных институтов [7, с. 90].

Результаты таких протестов вряд ли будут соответствовать ожиданиям самих протестующих или, вернее сказать, лидеров (инициаторов) протеста, поскольку рядовые протестующие в большинстве случаев имеют весьма туманное представление о конечных целях протестных акций, ограничивающееся нередко общими иллюзорными идеями, нашедшими свое отражение в насаждаемых опытными манипуляторами когнитивных стереотипах [11, с. 156].

Анализируя идеологический базис протестного движения, год за годом дающий ему мотивационный импульс, а также цели, которые протест перед собой ставит, можно прийти к выводу, что между двумя этими явлениями наблюдается явный семантический диссонанс, они попросту не стыкуются.

Изначально на стадии привлечения сторонников лидерами протестного движения декларируются разнообразные популистские требования, обычно затрагивающие социально-бытовую сторону жизни общества, которая действительно волнует многих, однако позже, когда массы оказываются выведены на улицы, все скатывается к извечным претензиям к государству, «демократизация» которого любой ценой возводится в ранг сверхидеи [8, с. 43].

В дальнейшем в условиях искусственно обостряемого кризиса идеалы ненасильственного протеста могут уступать и зачастую уступают место более радикальным призывам и действиям.

Как отмечал Е. Минченко, протестная активность россиян вряд ли пойдет на убыль, напротив, станет только увеличиваться, достигнув своего максимума в сентября-ноябре 2021 года [25]. Прогноз Е. Минченко оказался

в целом вполне верным. Следует только помнить, что в условиях сетевого общества и формирующегося медийного мирового и сетевого пространства протестное движение можно определенное время не видеть на улицах и площадях. Оно постепенно перемещается в сети Интернет, развивается в них и сохраняет для власти крайне неприятную реальность, на которую невозможно эффективно воздействовать силовым образом.

Суд над А. Навальным и итоги выборов 19 сентября 2021 года – очередной источник недовольства и непризнания, которые охватили значительное число граждан России и не только молодежного возраста.

Как представляется, мобилизующих факторов для поддержания протестной активности населения в настоящее время достаточно. К ним в последнее время все более артикулировано присоединяются: снижение материального уровня жизни, затрудненность трудоустройства молодежи и особенно граждан более старшего возраста в регионах страны и др. Вновь становятся актуальными и идеологические основания.

Впрочем, протест как социально-политический процесс зиждется не на одних лишь продвигаемых в массы идеологических установках, которые нужны не столько, чтобы привлечь и мобилизовать политических сторонников, сколько для того, чтобы определить основу самого протестного движения, чем-то его оправдать. Массовость протестного движения во многом сегодня зависит от активного использования целого ряда сетевых средств координации.

Убедительно отмечается, что «координация деятельности в многочисленных социальных сообществах стала наиболее действенным фактором развития в распространении протестной кампании по городам России. Социальные сети сыграли ключевую роль не только в организации, но и в освещении протестной деятельности» [19, с. 80].

Впервые колоссальное значение коммуникации было отмечено после протестов на Чистых прудах, Болотной площади (2011–2013 гг.) и проспекте Сахарова (2019 г.). До этого периода российский протест был чем-то неорганизованным и потому аморфным, возникавшим стихийно и так же затухавшим.

Но после 2012 года ситуация кардинальным образом изменилась: протестное движение приобрело слаженность и упорядоченность действий, что привлекло внимание исследователей (политологов и социологов), а затем и компетентных органов.

Это особо подчеркивает М.В. Мамонов: «Протестное движение из аморфного и стихийного постепенно превращается в хорошо организованное, со своими каналами коммуникации (в основном Интернет) и организационными компонентами. Наличие сформированного ядра акций, ярко выраженная идеологическая предрасположенность участников (большая часть заявляли, что симпатизируют либералам и демократам) позволяют говорить о потенциале движения» [13, с. 5–22].

Вплоть до середины 2010-х годов контроль государства над Интернетом был номинален. Там царил полный хаос, в котором призывы к экстремизму и угрозы убийством, сопровождаемые оскорблениями всего и вся, считались делом самым обычным.

Попытка закручивать цифровые гайки оказалась малоэффективной: протестно настроенные граждане из числа пользователей сети Интернет легко меняли один информационный ресурс на другой, заблокированные группы и страницы быстро воссоздавались ими по другим адресам.

Подобное характерно не только для нашей страны. Исследователи отмечают: «Влияние социальных сетей на развитие протестных движений проявилось во множестве кейсов, самыми яркими из которых стали движение Occupy Wall Street и “арабская весна”. В ряде случаев социальные медиа показали себя как эффективные площадки для запуска информационных волн, набирающих обороты даже вопреки системам цензурирования со стороны национальных СМИ, а также мощные каналы для мобилизации молодой аудитории, невосприимчивой к другим вариантам агитации» [16, с. 233–234].

Координация протестного движения и по сей день осуществляется через популярные у политически активных пользователей ресурсы сети «ВКонтакте», Facebook, Telegram, Instagram, Twitter и пр.

Протест января 2021 года координировался через сервис TikTok, изначально ориентированный на подростковую аудиторию. Данный сервис функционирует с 2016 года и до сегодняшнего времени даже в теории был мало совместим с политикой.

Пока лидеры российской оппозиции не решили использовать его в целях протестной коммуникации. Короткие ролики с призывами приходиться на митинги за считанные часы собрали огромную аудиторию, исчислявшуюся десятками миллионов [26].

Возникают вопросы: «Почему именно TikTok? Это случайный выбор или вполне закономерный?».

Логика показывает, что не случайный: целью изначально было вовлечение в протестную активность молодежи.

В немалой степени это связано с психологическими особенностями протестной активности в среде несовершеннолетних, которая имеет ряд поведенческих предикторов, выделяющих ее на фоне аналогичных действий, совершаемых лицами иных возрастных групп [14, с. 432].

Манипулировать политическим сознанием людей со сформировавшейся психикой куда сложнее и потому затратнее. Молодежь же, а в свете последних событий и вовсе подростки, имеет куда более лабильную, податливую психику и экстернально ориентированное мышление [3, с. 91–95].

Их куда проще мотивировать на активные действия и, в частности, на проявления агрессии в отношении представителей правоохранительных органов.

А.Ш. Гусейнов выделяет следующие особенности политической активности несовершеннолетних: асертивность, импульсивность, враждебность, склонность к асоциальному поведению, агрессивность действий [4, с. 119].

Люди старшего поколения лучше знают законодательство РФ и понимают, какое наказание может последовать за нападение на сотрудника полиции при исполнении, и потому не пойдут на этот шаг без достаточной на то необходимости.

Иными словами, молодежь в деле протеста предпочтительнее, а значит, данная тенденция непременно найдет свое продолжение и в дальнейшем.

С другой стороны, правоохранительные и государственные органы тоже извлекли из событий 23 января хороший урок, следовательно, к последующим акциям протеста они подойдут в полной готовности.

Впрочем, нельзя недооценивать и возможности современных технологий медиаманипулирования, которые в наше время настолько плотно встроены в системы социальной и политической коммуникации, что практически от них неотделимы.

Важной особенностью современного российского протеста выступает значительный масштаб манипулятивного воздействия, осуществляемого в антигосударственных целях и ориентированного именно на молодежь, в частности на несовершеннолетних.

В современных социально-политических реалиях психологическое воздействие выступает основной и наиболее действенной стратегией реализации властных полномочий,

используемой сегодня повсеместно, на всех уровнях демократически ориентированных административно-командных систем, будь то государственный (федеральный в российской практике), региональный или местный [6, с. 528].

Манипулирование, или, как его нередко называют, управление массовым политическим сознанием, представляющее собой академически систематизированную совокупность техник и приемов, направленных на решение ряда руководящих задач, неизбежно встающих в любом индустриальном и постиндустриальном социуме, выступает высшей степенью психологического воздействия в межличностных и групповых отношениях между властью и гражданами [22, с. 50–54].

Задачи, решаемые посредством манипулятивных акций, можно разделить на три основные категории: мотивирование, координация, поощрение.

При этом нужно понимать, что управление массовым политическим сознанием как таковое, являясь методологической составляющей теории политической коммуникации, носит еще и маркерную функцию, выступая неотъемлемым признаком демократического государства (в противовес диктатуре, где вместо информационно-психологического воздействия применяется прямое принуждение) [20, с. 416].

Особое значение оно приобретает в период электоральной активности, когда в стране проходят выборные мероприятия.

Предвыборная кампания предполагает значительную интенсификацию политической коммуникации, которая в целях усиления манипулятивного эффекта реализуется с привлечением как можно более широкого видового состава СМИ.

Основной упор делается на использование телевидения и информационных площадок сети Интернет. Манипулятивный потенциал указанных СМИ чрезвычайно высок, позволяя политтехнологам максимально полно использовать электоральный ресурс, успешно агрегируя его вокруг продвигаемых политических персон и идей.

О.И. Зазнаев в контексте медиаманипулирования констатирует: «В обыденной жизни предел манипуляции – небольшая группа. Медиаманипулированию же подвластны миллионы и десятки миллионов. В межличностном общении манипулятор обладает скрытой властью над личностью или небольшой группой. Медиаманипулирование – власть над обществами и странами» [5, с. 248].

В последнее десятилетие политическая коммуникация все активнее переходит в цифровую плоскость, чему способствует быстрое развитие радиочастотных каналов передачи данных. Указанная тенденция наблюдается повсеместно, не только в нашей стране. Это, с одной стороны, облегчает и в то же самое время усиливает эффективность манипулятивных мероприятий, но с другой – делает их уязвимее перед нежелательной активностью оппозиционно настроенных политических сил.

Особую опасность такое противодействие приобретает, когда упомянутые оппозиционные силы действуют не внутри страны, а за ее пределами. В глобализованном мире с чрезвычайно разветвленной системой сетей Интернет это становится неизбежной реальностью. В этом случае можно говорить о таком плотно вошедшем в современную социально-политическую повестку дня понятии, как «информационная война».

«Информационная война – открытые и скрытые целенаправленные информационные воздействия систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере» [27].

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и, обратившись к теории политической науки, перечислить основные формы воздействия на целевую аудиторию, используемые в практике управления массовым политическим сознанием. Всего их три: деструктивная, нейтральная, конструктивная.

Конструктивное воздействие предполагает открытость манипулятивных акций, их соответствие правовым и общечеловеческим нормам, наличие обратной связи между акторами политического процесса – субъектами и объектами, в то время как деструктивное целиком и полностью зиждется на лжи, осуществляясь скрытно и без учета на законодательную базу того или иного, ставшего мишенью, государства [21, с. 110].

Информационная война всегда сопряжена с выраженными проявлениями деструктивного манипулирования, поскольку ведется, как и любая другая война, для того, чтобы причинить противнику, в данном случае стране, максимально возможный вред.

Проявления информационной войны в разные периоды заметны с различной степенью интенсивности и проводятся различными методами, иногда достаточно агрессивными.

Лояльность социальных слоев действующей власти в современных реальностях не может быть стабильным фактором и подобно синусоиде может снижаться и повышаться [9, с. 65–68].

Сегодня, в период весьма острых проявлений конфликтности в международных отношениях, российские политологи все чаще обращают внимание на враждебные настроения по отношению к России, которые охватывают не только чисто политические аспекты в межгосударственных отношениях. Общее определение таких настроений укладывается в понятие «русophobia».

«Русophobia – это западная по происхождению идеология, утверждающая злую природу русского народа. Логика русophobia основана на противопоставлении русского и западного как дурного хорошему», – именно такую трактовку данного понятия дает О.Б. Неменский [15, с. 26].

Суть манипулятивных мероприятий заключается в формировании негативного образа Российского государства как такового, дискредитации его внутриполитических и внешнеполитических решений. В.А. Савченко обозначает три основных пути достижения указанной цели: «В рамках современного революционного движения можно наблюдать три взаимопроникающих друг в друга процесса. Во-первых, формирование “критической массы” индивидов с контрэлитными качествами. Во-вторых, энергичная деятельность творческой интеллигенции по “форматированию” информационного поля с целью разрушения гегемонии действующей власти, использующей новейшие средства коммуникации и особенности мышления получателей пропагандистских материалов. В-третьих, активизация антиэлит под воздействием усилий творческой интеллигенции и призывов контрэлит» [18, с. 214].

Конечной целью выступает ослабление глобальных позиций России, ее экономической и военной мощи, а также доверия населения страны к действующей власти.

Для полноты понимания масштабов и вероятных последствий предпринимаемых извне манипулятивных акций перечислим направления, по которым ведется целенаправленное психологическое воздействие: государственный лидер (данное направление ориентировано на разрушение имиджа лидера страны и его доверенных лиц, снижение их политического влияния); граждане (воздействие в этом направлении имеет своей целью нарушение целостности структуры общества, его социальной стратификации); экономика (создание информационных поводов для введения новых антироссийских санкций, препятствование реализации внешнеэкономических проектов России); репутация на внешнеполитической арене (указанно-

му направлению уделяется особое внимание, выражающееся в упорных попытках Запада убедить мировое сообщество в нарушении Российской Федерацией тех или иных общепризнанных гуманитарных норм, что уже позволило сформировать коалицию ее противников, тем самым значительно увеличить изначальное информационное давление) [24, с. 51].

В первую очередь психо-эмоциональное воздействие, осуществляемое через Интернет, бьет по органам государственной власти РФ, которые представляются виновниками всех проблем страны.

Упомянутые манипулятивные акции имеют немалую эффективность, что подтверждают статистические данные, представленные В. Поповой. Исходя из них, наибольшее недоверие в молодежной среде вызывают перечисленные ниже государственные институты (в % от общего числа опрошенных): РПЦ (31,2); Государственная Дума РФ (19,4); президент РФ (19,3); Правительство РФ (18,9); Совет Федерации ФС РФ (17,7); полиция (17,2); местная администрация, муниципальный совет (13,2); ФСБ (12,8); армия (11,6).

Беспокойство при этом вызывает то, что тенденции роста протестной активности среди молодых людей в последние годы только увеличиваются, равно как и процент молодежи, индифферентно относящейся к политической жизни общества.

Подчеркивают тот факт, что: «социальный активизм молодежи находит проявление не только в исключительно социально одобряемых действиях (классический активизм), но и в явно социально не одобряемых (агрессивный активизм) на фоне латентного социального одобрения» [12, с. 98–108].

Это значит, что политическая ситуация в стране в последующие годы определенным образом будет зависеть от возрастающей численности активно настроенного меньшинства,

не приемлющего нынешней российской власти как таковой, приобретшего политический вес за счет индифферентности нейтрального или пассивного большинства.

Противодействие негативному информационному воздействию извне, осуществляемое посредством популярных у молодежи каналов распространения информации и в популярной в молодежной среде форме, видится нам единственным путем выхода из сложившейся ситуации, которая еще не критична, но стремится к тому.

Подводя итог вышесказанного, и для полноты понимания сути затронутой проблемы необходимо сделать ряд объективных выводов, поэтапно изложив ключевые моменты статьи:

– протестная активность граждан есть неотъемлемая составляющая любого демократического общества, но только при условии, что протест имеет естественный генезис и носит конструктивный характер;

– искусственно созданные протесты, спровоцированные извне путем нагнетания недовольства действующей властью и принимаемыми ею политическими решениями, являются не просто вредными для государства, они объективно опасны, что и обуславливается их высокий потенциал как оружия, активно используемого в информационных войнах Новейшего времени;

– последние российские протесты вызывают озабоченность прежде всего тем, что в них все чаще оказываются вовлечены молодежь и подростки, для которых неприязненное отношение к действующей власти стало чем-то вроде модного тренда;

– детальный анализ протестных акций, прошедших в Москве и других городах РФ в 2021 году, выявляет ряд закономерностей, специфических для так называемых «цветных революций» прошлых лет, что позволяет сделать выводы об иностранных истоках российского протеста.

Литература

1. Артюхина В.А. Социальный протест как проявление гражданского общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2011. № 3.
2. Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. 2012. № 3.
3. Готовность современной российской молодежи к реализации гражданской и политической

Bibliography

1. Artyukhina V.A. Social protest as a manifestation of civil society // Sociology in the modern world: science, education, creativity. 2011. № 3.
2. Baranova G.V., Frolov V.A. Methodology and methods of measuring social tension // Sociological research. 2012. № 3.
3. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.V., Pyrma R.V. The readiness of modern Russian youth to implement civil and political activity in the digital environment // Power. 2019. № 1.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

активности в цифровой среде / Е.В. Бродовская, А.В. Домбровская, Р.В. Пырма и др. // Власть. 2019. № 1.

4. Гусейнов А.Ш. Протест как фактор деструктивного поведения подростков и молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Социология. 2011. Вып. 2.

5. Зазнаев О.И. Проблема взаимосвязи Интернета и политики в современных отечественных исследованиях // Политическая экспертиза. 2019. Т. 15. № 2.

6. Кара-Мурза С.Г. Революции на экспорт. М., 2006.

7. Кленова М.А. Протестная активность как форма проявления социальной активности молодежи // Русская политология – Russian Political Science. 2020. № 1(14).

8. Технологии информационных войн против России / Н.Р. Красовская, А.А. Гуляев, А.Ю. Лахтин и др. // Власть. 2019. № 3.

9. Кобелева Х.А. Политическое доверие в аспекте культурологических и институциональных концепций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 2.

10. Крупеникова Л.Ш. Динамика массового сознания и протестная активность россиян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2.

11. Кутыгина Е.Н. Культура политического протеста: дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005.

12. Логинова Л.В., Щебланова В.В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // Logos et Praxis. 2019. Vol. 18. № 2.

13. Мамонов М.В. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2012. № 1.

14. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие. М., 2001.

15. Неменский О.Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 4.

16. Платонов К.А., Юдина Д.И. Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга в «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5.

17. Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или

4. Guseynov A.Sh. Protest as a factor in the destructive behavior of adolescents and youth // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2011. Ser. 12. Issue. 2.

5. Zaznaev O.I. The problem of the relationship between the Internet and politics in modern domestic research // Political expertise. 2019. Vol. 15. № 2.

6. Kara-Murza S.G. Revolution for export. Moscow, 2006.

7. Klenova M.A. Protest activity as a form of manifestation of youth social activity // Russian political science – Russian Political Science. 2020. № 1(14).

8. Information warfare technologies against Russia / Krasovskaya N.R., Gulyaev A.A., Lakh-tin A.Yu., etc. // Power. 2019. № 3.

9. Kobleva Kh.A. Political trust in the aspect of cultural and institutional concepts. // Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology. 2019. № 2.

10. Krupenikova L.Sh. Dynamics of mass consciousness and protest activity of Russians // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 2.

11. Kutygina E.N. Culture of political protest: diss. ... Cand. in Polit. Rostov-on-Don, 2005.

12. Loginova L.V., Shcheblanova V.V. Destructive civil activity of youth: theoretical and methodological conceptualization // Logos et Praxis. 2019. Vol. 18. № 2.

13. Mamonov M.V. Protest activity of Russians in 2011–2012: main trends and some regularities // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2012. № 1.

14. Mendeleevich V.D. Psychology of deviant behavior: textbook. Moscow, 2001.

15. Nemensky O.B. Russophobia as an ideology // Questions of nationalism. 2013. № 4.

16. Platonov K.A., Yudina D.I. The agenda of protest online communities of St. Petersburg in VKontakte // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2019. № 5.

17. Popova O.V., Lagutin O.V. Political moods of youth: loyalty or protest? // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political science. Part 21. 2019. № 4.

18. Savchenko A.V. The latest mass media as a factor of involvement in protest activities // Law and practice. 2020. № 1.

19. Sokolov A.V., Levchenko I.A. The performance of protest groups: indicators and their

протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. № 4. Ч. 21.

18. Савченко А.В. Новейшие средства массовой коммуникации как фактор вовлечения в протестную деятельность // Право и практика. 2020. № 1.

19. Соколов А.В., Левченко И.А. Результативность деятельности протестных групп: показатели и их апробация // Южно-Российский журнал социальных наук. 2018. № 2.

20. Соломыков В.С., Клоков И.А. О методах современной информационной войны // Известия ТулГУ. Технические науки. 2014. Вып. 11. Ч. 2.

21. Строганов В.Б. Конструктивный потенциал применения политической манипуляции в Интернете // Вопросы политологии. 2017. № 4(28).

22. Чирун С.Н. Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332.

23. Шапиро С.А. Лояльность как критерий в типологии политической культуры современной России (к постановке проблемы) // Философские науки. 2013. № 1.

24. Щербинин С.В., Лотарев К.А. Политические технологии медиаманипулирования массовым политическим сознанием в современной России // Издательство ВолГУ. 2021.

25. Власть недооценивает перемены в общественном настроении: политологи – о прошедших по всей стране протестах. URL: <http://www.bfm.ru/news/463373?noredir=true> (дата обращения: 04.09.2021).

26. Каждое третье видео – про «дворец Путина». Как «ТикТок» захлестнула протестная волна. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-55757215> (дата обращения: 04.09.2021).

27. Расторгуюев С.П. Очень краткая лекция по теории информационной войны. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/infowar.htm>. (дата обращения: 04.09.2021).

testing // Southern Russian Journal of Social Sciences. 2018. № 2.

20. Solomykov V.S., Klokov I.A. On the methods of modern information warfare // News of TulGU. Technical science. 2014. Issue 11. Part 2.

21. Stroganov V.B. The constructive potential of the use of political manipulation on the Internet // Questions of political science. 2017. № 4 (28).

22. Chirun S.N. Political activity and political participation of youth: problems and opportunities // Bulletin of the Tomsk State University. 2010. № 332.

23. Shapiro S.A. Loyalty as a criterion in the typology of the political culture of modern Russia (to the formulation of the problem) // Philosophical sciences. 2013. № 1.

24. Shcherbinin S.V., Lotarev K.A. Political technologies of media manipulation of mass political consciousness in modern Russia // Publishing house of VolGU. 2021.

25. The authorities underestimate changes in public mood: political scientists – about the protests that took place throughout the country. URL: <http://www.bfm.ru/news/463373?noredir=true> (date of access: 04.09.2021).

26. Every third video is about «Putin's palace». How TikTok was swept by a wave of protest. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-55757215> (date of access: 04.09.2021).

27. Rastorguev S.P. A very brief lecture on the theory of information warfare. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/infowar.htm>. (date of access: 04.09.2021).

Бредихин Алексей Леонидович
Bredikhin Alexey Leonidovich

доцент кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук.

E-mail: axel_b@mail.ru

Associate Professor, Department of State History and Law, St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Constitutional frameworks of the ideological function of the state

В статье рассматриваются положения Конституции РФ с точки зрения отражения основ идеологической функции государства. Выделяются материальные и процессуальные компоненты осуществления идеологической функции Российского государства. Показывается, что материальные нормы отражают идеологические установки, а процессуальные – порядок реализации идеологической функции государства, что также находит свое закрепление в нормах действующей Конституции РФ. Автор приходит к выводу, что в Основном законе России главным образом отражаются материальные нормы, а процессуальные нормы – лишь фрагментарно, однако, несмотря на это, они имеют важное значение для понимания конституционных основ идеологической функции государства.

Ключевые слова: идеология, идеологическая функция государства, Конституция РФ, идеологические установки, конституционные основы.

In this article examines the provisions of the Constitution of the Russian Federation from the point of view of reflecting the foundations of the ideological function of the state. The material and procedural components of the implementation of the ideological function of the Russian state are singled out. It is shown that material norms reflect ideological attitudes, while procedural norms reflect the procedure for implementing the ideological function of the state, which is also reflected in the norms of the current Constitution of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the Constitution of the Russian Federation mainly reflects substantive norms, while procedural norms are only fragmentary, however, they are also important for understanding the constitutional foundations of the ideological function of the state.

Keywords: ideology, ideological function of the state, the Constitution of the Russian Federation, ideological guidelines, constitutional foundations.

Рассматривая в качестве идеологической функции государства одно из его постоянных направлений деятельности по построению определенной модели общественно-политических отношений, важно опираться на правовую сторону существования государства, т. е. в первую очередь на его конституционный строй. Безусловно, вне зависимости от наличия конституции у того или иного государства и не учитывая историческую эпоху, идеологическая функция у государства имеется в любом случае. Однако содержание конституционных актов дает более четкое понимание того или иного государства, его основ, устройства и содержания государственной деятельности. Поэтому идеологическая функция государства также находит свое отражение в конституции, а конкретная идеологическая деятель-

ность государства соотносится с основным законом страны.

Несмотря на формальную идеологическую нейтральность, Конституция РФ содержит множество идеологических компонентов. Так, например, авторы учебника по конституционному праву наделяют Конституцию РФ идеологической функцией в форме признания идеологического многообразия [2, с. 29].

Конституция России 1993 года ознаменовала появление нового государства – Российской Федерации, которое кардинально отличается от СССР не только формой государства, но и идеями и принципами развития. Как отмечает Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, «Конституция – это надпартийный, надгрупповой, надэтнический, всеобщий источник идейного объединения,

на всех распространяющийся на постсоветском пространстве России» [3, с. 56].

Конституция России впитала в себя прогрессивные идеи существования государства и сохранила основные традиции российской государственности, определила видение будущего и отношение к прошлому, отразила широкие права субъектов Федерации, сохранив суверенитет и единство страны. За почти тридцатилетнюю историю общественные отношения и Конституция РФ пришли в согласие. Конституционный Суд РФ, выступая проводником в процессе взаимодействия Конституции РФ, общества и государства, истолковал многие ее положения, обеспечил прямую силу конституционных норм, устранил противоречия ей нормы и правовые институты.

Вместе с тем жизнь не стоит на месте, и Конституция РФ также нуждается в корректировке в соответствии с текущим состоянием общественно-политических отношений, поэтому в 2020 году приняты поправки к Конституции РФ, где в том числе отразились вопросы реализации идеологической функции государства.

Можно выделить два компонента идеологической функции, реализуемой в Конституции: материальный и процессуальный.

Первый компонент отражает идеологические установки, идеологемы, мифологемы и другие элементы, восприятие которых направлено на формирование сознательного отношения населения к государству и его институтам. Процессуальный же компонент определяет порядок и формы реализации идеологической функции государства.

Материальный компонент идеологической функции государства в Конституции РФ представлен следующими элементами:

1. Преамбула. Этот элемент структуры Основного закона России характерен для многих стран, имеющих конституцию, и основное его назначение состоит в формулировании обстоятельств принятия конституции, а также она выступает в роли введения к документальному тексту. М.В. Баглай по этому поводу замечает, что преамбулы обычно носят «торжественно-декларативный характер и не имеют юридической силы». Вместе с тем, по его мнению, в Конституции РФ с формальной точки зрения преамбулы нет, но содержится введение, состоящее из нескольких принципиаль-

ных положений. «Они объясняют причины и цели принятия Основного закона» [1, с. 69].

Нельзя в полной мере согласиться с названным ученым. Полагаем, что юридическую силу преамбула в любом случае будет иметь, т. к. является частью Конституции РФ, однако она непосредственно не применяется для разрешения тех или иных конституционных споров. Вместе с тем включение в текст Конституции РФ преамбулы неслучайно и значимо, т. к. содержащиеся в ней положения имеют основополагающее значение. Во-первых, следует отметить учредительный характер текста преамбулы, именно в ней выражается смысл волеизъявления многонационального народа России, который принимает Конституцию Российской Федерации. Здесь видим также идею легитимации учрежденного конституционного порядка, а также причины и предпосылки принятия Основного закона.

Кроме того, преамбула придает гармоничный вид процессу принятия Конституции РФ. Иными словами, текст Основного закона подготовлен профессиональными юристами, а не всем народом, поэтому факт голосования за Конституцию РФ не придавал бы ей такой легитимности без преамбулы, в которой бы выразилось осознанное заявление народа не только о ее принятии, но и о понимании ее смысла.

Е.Г. Тронина отмечает, что «преамбула осуществляет важную идеологическую функцию, определяя систему концептуально-мировоззренческих основ, развиваемых в последующем тексте Конституции», а также имеет большое воспитательное значение [5, с. 276–280]. Согласившись с наличием идеологических установок в преамбуле, все же нужно пояснить, что Конституция РФ не развивает «концептуально-мировоззренческих основ», выраженных в преамбуле. Наоборот, текст преамбулы как бы передает смысл и идею самой Конституции РФ. Таким образом, из преамбулы можно выделить некоторые идеологические установки, ставшие базисом Основного закона страны. Тем не менее при рассмотрении Конституционным Судом РФ дел, отнесенных к его компетенции, те или иные акты не оцениваются на предмет соответствия Преамбуле, что как бы отделяет ее от основного текста Конституции РФ.

2. «Основы конституционного строя» – это наименование гл. 1 Конституции РФ. Здесь

содержатся самые принципиальные и важные идеи, на которых базируется Основной закон, которым не могут противоречить другие положения Конституции РФ.

Среди главных основ конституционного строя имеются и те, что относятся к идеологической сфере, в том числе позволяющие определить параметры идеологической функции Российского государства.

Обозначение в ст. 1 Конституции РФ того, что Россия – «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», уже говорить о многом и позволяет сделать вывод о параметрах модели современного Российского государства. Статья 2 провозглашает высшую ценность человека, его прав и свобод, ст. 3 – власть народа и принцип народного суверенитета, ст. 7 – принцип социального государства.

В интересующем нас вопросе особняком стоит ст. 13, насчет смысла которой до сих пор идут споры. Обозначенное в нем положение о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», наводит на мысль, что государственной идеологии нет и быть не может. Однако представляется, что данное положение имеет ограничительное толкование. Как справедливо отмечается некоторыми авторами, «запрет на государственную идеологию, установленный ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, логически не дополняется другими правовыми нормами, включая и конституционные нормы» [6, с. 190].

Подобные нормы имеются и в конституциях других государств. Так, в ст. 4 Конституции Республики Беларусь закреплено, что демократия в этой стране осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан [4, с. 6].

Анализ ч. 2 ст. 13 Конституции РФ позволяет отметить главное. Идеология, существовавшая в Советском государстве, в современной России отсутствует, поэтому установленный запрет на идеологию вполне логичен и закономерен. Тем не менее идеологическую деятельность по реализации тех или иных идеологических установок государство не может не вести. Кроме того, важно понимать, что

идеология и идеологическая функция государства – это разные категории, поэтому запрет на установление определенной идеологии не может запрещать идеологическую функцию государства как таковую.

3. Глава 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина» подробно воспроизводит принцип прав и свобод человека как высшей ценности, провозглашенной в ст. 2 Основного закона России. Важно отметить указание в ст. 18 Конституции РФ на то, что права и свободы «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Следовательно, фактически концепция прав и свобод выступает частью правовой идеологии государства. В этой же главе определяется свобода мысли, массовой информации, совести и вероисповедания, что дополняет принцип деидеологизации общества.

4. Отдельные нормы и положения других глав. В других главах и нормах Конституции РФ материальный и идеологический компоненты выражены не столь явно, но так или иначе общие принципы Основного закона России реализуются и в федеративном устройстве, и в деятельности органов власти субъектов РФ и местного самоуправления, и в основных началах деятельности судебной власти и пр.

Отдельно нужно отметить новую ст. 67.1, которая введена Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ. В ней провозглашаются идеи исторической преемственности России, патриотизма и традиционных ценностей, которые явно обозначились в последние годы в российском законодательстве и общественно-политической жизни.

Все обозначенные конституционные положения формируют материально-правовые основания реализации идеологической функции государства, которые воспроизводятся в нормативных актах разного уровня, а также в конкретных идеологических установках.

Процессуальный компонент идеологической функции определяет порядок реализации идеологической функции государства, что также находит свое отражение в нормах действующей Конституции РФ.

Если материальные основы идеологической функции государства очевидны, то

процессуальные основы не так определенно выражены, что требует проведения более подробного анализа норм Конституции РФ.

Прежде всего нужно определить, что процессуальные нормы призваны обеспечить порядок и формы реализации норм материальных. Надо сказать, что Конституция РФ лишь фрагментарно определяет процессуальный порядок реализации идеологической функции государства, что согласуется с общим смыслом Основного закона страны.

Во-первых, в ст. 71, 72 и 73 Конституции РФ закрепляется распределение предметов ведения между различными уровнями власти. Здесь явно обозначено, что основы государственной политики, в том числе и в идеологической сфере, отнесены к полномочиям федеральной власти. Отдельные вопросы (например, в сфере образования и воспитания) отнесены к совместно ведению РФ и ее субъектов).

Во-вторых, в главах Конституции РФ, регламентирующих деятельность органов государственной власти, определяются конкретные полномочия и формы идеологической деятельности. Например, обозначены полномочия Президента РФ по утверждению военной доктрины (п. «з» ст. 83 Конституции РФ), обращению к Федеральному Собранию РФ с ежегодными посланиями (п. «е» ст. 84 Конституции РФ) и некоторые другие.

Задача Президента РФ по определению «основных направлений внутренней и внешней политики государства», обозначенная в ч. 3 ст. 80 Конституции РФ, предполагает широкие полномочия и формы такой деятельности, которые не исчерпываются положениями, обозначенными в конституционных нормах, и реализуются в федеральном законодательстве.

Таким образом, Конституция РФ определяет правовые основания реализации идеологической функции государства и главным образом материально-правовые. Процессуальный же аспект обозначается фрагментарно и в наиболее общем виде. Однако такая ситуация не удивительна, т. к. любая конституция в первую очередь содержит материальные нормы, на основании которых уже прорабатываются конкретные механизмы, формы, процедуры, алгоритмы в рамках законодательства или подзаконного нормотворчества. Тем не менее отдельные процессуально-правовые нормы позволяют сделать более подробные выводы. Например, из обозначенного в Конституции РФ распределения полномочий можно увидеть, что в рамках реализации идеологической функции государства они сконцентрированы в центральных органах федерального уровня власти, что еще раз подтверждает атрибутивность идеологической функции государства.

Литература

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М., 2002.
2. Зиновьев А.В. Конституционное право России. СПб., 2005.
3. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010.
4. Конституция Республики Беларусь. Мн., 2014.
5. Тронина Е.Г. Юридическое значение преамбулы Конституции Российской Федерации // Современный ученый. 2020. № 6.
6. Чернявский А.Г. Идеологическая функция права / А.Г. Чернявский, Ю.К. Погребная. М., 2015.

Bibliography

1. Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation: a textbook for universities. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 2002.
2. Zinoviev A.V. Constitutional law of Russia. St. Petersburg, 2005.
3. Zorkin V.D. The modern world, law and the Constitution. Moscow, 2010.
4. The Constitution of the Republic of Belarus. Minsk, 2014.
5. Tronina E.G. The legal significance of the preamble to the Constitution of the Russian Federation // Modern scientist. 2020. № 6.
6. Chernyavsky A.G. Ideological function of law / A.G. Chernyavsky, Yu.K. Pogrebnaya. Moscow, 2015.

Москаленко Сергей Григорьевич
Moskalenko Sergey Grigorievich

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент.
E-mail: moskalenko1963@mail.ru

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in History, Associate Professor.

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИЯМ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**
**Countering falsifications of the Russian statehood history:
theoretical and methodological problems**

В статье анализируются теоретико-методологические проблемы противодействия фальсификациям истории российской государственности. Особое внимание обращено на необходимость различать типы фальсификации истории: негативный и естественный, намеренный и ненамеренный.

Ключевые слова: естественная фальсификация истории, негативная фальсификация истории, холодная война, манипулирование сознанием людей.

The article analyzes the theoretical and methodological problems of countering falsifications of the history of Russian statehood. Particular attention is paid to the need to distinguish between types of falsification of history: negative and natural, intentional and unintentional.

Keywords: natural falsification of history, negative falsification of history, cold war, manipulation of people's consciousness.

Феномен злонамеренного фальсифицирования следует отличать от естественной фальсификации деформации исторической фактографии и особенно, в силу ее важности, фактографии, относящейся к эволюции государственности. Специфика исторического знания заключается прежде всего в том, что оно не может быть абсолютно свободно от деформаций различного генеза. Противодействовать можно только преднамеренной, сознательной фальсификации, со вторым типом «естественного» фальсифицирования борьба невозможна. Здесь необходимо принципиальное понимание его неизбежного присутствия в любом историческом познании как некоторого имманентного ограничения исследовательских возможностей и ожидаемых результатов.

Исторические факты в физическом смысле не существуют, их нельзя наблюдать непосредственно, эмпирически, «тактильно». Изучение событий прошлого становится возможным только после их реконструирования исследователями. Возникает ситуация, когда наблюдатель факта-события прошлого имеет дело с реконструкцией, а не с самим фактом.

Между ним и фактом прошлого находится посредник – текстовый или вещественный артефакт.

Невозможность полной реконструкции фактов прошлого является глубинной причиной неистребимости и непреодолимости деформаций наших представлений о прошлом. Количество источников информации об исторических событиях в большинстве случаев бывает недостаточным для наличия количественной критической массы, их сохранность фрагментирована, происхождение далеко не всегда убедительно достоверно.

А ведь именно из исторических фактов – атомарных, нерасчленимых далее элементов и складывается реконструируемый исследователем пазл – картина исторической эпохи в целом или по частям, представления, например, о государственной эволюции или отдельных институтах – гражданских, силовых, военных. Любые искажения в реконструировании атомарных фактов вызывают естественную деформацию восприятия, понимания и оценивания полученной таким образом картины исторического прошлого.

Данные искажения относятся к первому типу деформирования знаний о прошлом и называются естественной фальсификацией.

От естественного (невольного) фальсифицирования не свободен ни один исследователь прошлой реальности, которой уже нет, ни фактограф-реконструктор, ни интерпретатор-поисковик значений, связей и смыслов.

К естественной фальсификации приводит не только уже упомянутая ограниченность познания прошлого (физическое отсутствие факта для эмпирической фиксации и анализа, необходимость его реконструкции, фрагментарность как источников информации, так и сформированной на их основе картины исчезнувшей в течение времени картины, итоговое воссоздание факта не в физическом смысле, а в виде интеллектуальной конструкции в уме исследователя как преодоление фрагментированных данных для целостного восприятия факта только в такой идеальной форме), но и дефицит информации хорошего качества или информационная инфляция (избыток информации, ее обесценивающий).

Источником естественной непреднамеренной фальсификации является также невозможность на логических основаниях перейти от описательных фактографических суждений со связкой «есть» к ценностно-интерпретационным, содержащим предписание суждениям со связкой «должен». Данный методологический принцип получил справедливое название «Гильотина Юма». Преодолеть логично и непротиворечиво установленный Д. Юмом разрыв между миром фактов и миром ценностей абсолютно невозможно, и это порождает неизбежный зазор между фактографической и теоретико-спекулятивной историографией [1, с. 229–230]. Исторические тексты серьезно отличаются нарушением меры в составлении описательной стороны событийного потока: историки пишут не то, то действительно хотя бы гипотетически имело место, а то, что им хочется видеть с позиций современных представлений о настоящем и прошлом.

Источником естественной фальсификации является также отсутствие в большинстве случаев терминологии, адекватной задачам анализа. Так, хорошо известно общепринятое обиходное значение термина «крепостное право» – унижительная зависимость одних людей от других, их юридическая

разностатусность. Но в научном понимании, основанном на документальной реконструкции фактов прошлого, указанное понятие толкуется как компенсаторная система формирующегося и из-за этого еще достаточно слабого государственного аппарата, задача которого – привлекать инициативу частных лиц для общего контроля и экономической эксплуатации территорий, входящих в зону претензий данного государства.

Если следовать традиционным для классической исторической науки интерпретациям, то крепостное право, сложившееся в главных чертах только к XVIII веку, выступает как вариант полицейско-фискального управления половиной государственной территории и проживающим на ней крестьянством при невозможности контролировать земли и население профессионально-аппаратным, бюрократическим способом. Усиление профессионализации государственного аппарата, количественный его рост, качественный кастинг личного состава в институты государственного управления постепенно уменьшали компенсаторную роль крепостной системы. В 1861 году, когда государственное управление созрело и стало вполне профессиональным, крепостное право было отменено и вся масса сельских обывателей трансформировалась в равноценных граждан Российского государства.

Причиной естественной фальсификации, с которой невозможно бороться, но о которой нужно знать, является также зависимость историков от своего социального статуса, воспитания, наличия эгоистических целей и пр. Историю пишут не небожители, а простые смертные люди, допускающие, часто неосознанно, различные искажения в процесс как реконструирования фактов, та и их интерпретации. В силу этого обстоятельства, порой даже при сохранении неизменной фактографии, меняется с течением времени ее интерпретация. Часто происходит так, что события, участием в которых гордились и подчас хвастались, начинают скрывать либо отказываются признавать, что личное отношение к ним в том или ином смысле имело место.

В эволюции государственности можно выделить допороговые и сверхпороговые события и процессы. Сверхпороговые события оказывают влияние как на эволюцию государства в целом, так и на эволюцию его отдельных

институтов. Любое нарушение баланса в определении соотношения событий указанных типов неизбежно порождает фальсифицированную картину прошлого (неспособность отличить первые от вторых, переоценка одних и недооценка других). Например, при эмоционально негативном отношении к деятельности Ленина и Троцкого в начале генезиса коммунистической государственности будет большой ошибкой игнорирование их огромного влияния на диктаториальную направленность эволюции российской государственности, т. е. их принадлежность к сверхпороговому типу явлений истории страны должна быть констатирована со всей очевидностью.

В современных условиях сложилась ситуация, способствующая фальсифицированию и даже вытеснению им академических исследований из числа приоритетных государственных задач. Фальсифицирование утратило характер локальных попыток фрагментарной коррекции, осуществляемой, например, не в интересах поиска истины, а в целях реализации политически ангажированной «политики памяти». Сегодня существует тенденция к трансформации локального фальсифицирования в тотальное, перерастанию эпизодических вкраплений фальсификатов во фронтальную переработку всего массива представлений о прошлом, зафиксированных в сведениях о событиях, которые в силу естественного порядка вещей исчезли навсегда и не могут непосредственно эмпирически наблюдаться.

Общество и связанные с ним формы государственности непрерывно трансформируются, вызывая изменения социально значимых потребностей, преобразования представлений о фактах и процессах прошлого в соответствии с ними.

В этот процесс прямо или косвенно вовлечены огромное количество людей, специально обученных для добычи, обработки и интерпретации исторической информации. Эти специалистов целенаправленно организованы в институциональные сегменты с горизонтальными и вертикальными связями для формирования согласованной картины далекого и не очень прошлого.

Фактически происходит процесс не академического реконструирования фактов прошлого в интересах поиска научной истины, а параллельного и замещающего научную деятель-

ность создания картины прошлого, которая будет всеми средствами директивного навязывания государством внедряться в сознание людей в интересах текущего настоящего. Любые варианты реконструкции фактографии и ее интерпретации, не совпадающие или прямо противоречащие вновь созданной интерпретационной матрице, дискредитируются средствами массовой информации, ангажированной академической средой, политиками, деятелями культуры, игнорируются, директивно подавляются.

Возникает разветвленная система всеохватного манипулирования материалом прошлого в интересах настоящего. Если в прошедшие исторические эпохи элементы подобного личного фактографического материала уже использовались в прагматически-манипуляционных целях (например, католическими орденами бенедиктинцев, иезуитов, доминиканцев для создания собственной версии всемирной и национальных историй, а также протестантскими авторами, сформулировавшими конкурирующую с католической доктриной концепцию исторической эволюции), то в нынешних условиях цифровой революции и глобализации разрозненные некогда попытки оказываются интегрированными в монологическую интерпретационно-фактографическую версию, претендующую на единственность и удобную мировому центру влияния.

Особенно важным обстоятельством, заслуживающим первостепенного внимания, является абсолютно сознательный, планомерно-целеполагающий характер этого процесса. В его инициирование, инспирации включена злонамеренная воля. Это может быть со всеми основаниями отнесено к фальсифицированию истории первого типа, к намеренным, ангажированным, опасным и разрушительным фальсификациям. Фальсифицирование данного типа становится частью политического давления и даже основанием для уничтожения целых государств и культур. В период холодной войны (1946–1991) умышленное негативное фальсифицирование истории стало элементом арсенала военных средств «холодного типа» против СССР. Фальсифицирование истории преследовало генеральную цель – на просто исказить факты и процессы реального или предполагаемого прошлого, а создать такую картину прошлого, из которой СССР и русский

народ в целом оказались полностью вычеркнуты из истории и из любых упоминаний об исторически значимых событиях прошлого.

Данный процесс проходит организованно как реализация детализированных планов, требующих координации множества связанных с производством и циркуляцией информации институтов западного общества. Он мог слегка затихать в периоды кризисных явлений или провалов в эволюции прежнего СССР или нынешней Российской Федерации, но никогда не прекращался. Его интенсификация взрывного характера обязательно сопровождается усилением государства – объекта информационного подавления. Успехи СССР в 60-е годы XX века, превращение его в конкурента и угрозу западному миру резко усилили целенаправленное фальсифицирование реальной истории Российского государства. Российская империя, СССР, Российская Федерация в сформированной фальсификационной картине изображались как фиктивные типы государственности с исключительно деградиционным потенциалом, исключая любые значительные цивилизационные достижения и успехи не только в политическом и культурном развитии, но и в бытовом обиходе, спорте и даже, например, в поп-музыке.

Создается карикатурный образ настоящего и прошлого страны и населяющих ее людей, преследующий в конечном счете глобальную цель – изъятие упоминаний о России из памяти человечества вообще. Этот процесс сопровождается сопоставимыми по мощи и интенсивности усилиями для низведения народов России до уровня самых примитивных народов планеты.

Борьба с такими объемами фальсифицирования средствами научной полемики невозможна. Опровержению подлежит единичная ложь либо несколько взаимосвязанных ошибочных утверждений.

В современной ситуации фальсифицированием истории России в целом, от истоков и до нынешнего периода, заняты миллионы специалистов, профессионально способных осуществлять процесс фальсификаций в промышленных масштабах. В их распоряжении деньги, специальная техническая база, тщательно разработанные приемы и способы фальсифицирования. Все это нацелено отнюдь не на результативную научную полемику или культур-

ные контакты. Это арсенал войны, преследующей самые разрушительные и деморализующие население цели.

В период военной операции на Украине, нацеленной на демилитаризацию и денацификацию этой страны, согласованные информационные атаки западных стран со всей очевидностью показывают, что процесс фальсифицирования истории России серьезно институционализирован и в данный момент направлен уже не столько на карикатурную дегуманизацию культуры и истории России, сколько на тотальное стирание любой ее роли в истории. России как бы не было в истории [2, с. 119]. Профессиональные фальсификаторы стремятся даже наименование «Русь» отождествить не с русским народом, а с украинским. Если отец фальсификаторов всех времен и народов М. Грушевский соединял термины «Украина» и «Русь» в один – «История Украины-Руси», то нынешние радикально-националистические фальсификаторы истории Украины претендуют на лишение русских и их государства права называться «Русью» и рассматривать Киев как часть истории России и центр древней русской истории.

На украинском материале отчетливо видны предполагаемые цели миллионного сонма фальсификаторов западного мира. Им мало вычеркивания России из всемирной истории, им нужно приписать достижения России другим, а то, что совсем невозможно сделать за слугой кого-либо из-за очевидности связи фальсифицируемого явления с историей России, исказить. Довести процесс искажений, игнорирования и прямых вымыслов до такого количественного вала, что в не столь отдаленном будущем даже следы реальной истории России, ее государственности и культуры можно было бы разыскать только с помощью построения сложных гипотез, включая логико-математические, которые позволят предположить, что несколько столетий существовало огромное сильное государство с великой культурой мирового значения, игравшее ключевую мировую роль.

В современном мире конфигурация сил во многом делает неосуществимым процесс противодействия негативному типу фальсификаций исключительно средствами научной полемики. Таким образом, можно и нужно ограничивать в рамках возможного степень и роль

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

позитивной, ненамеренной, так называемой естественной фальсификации, вытекающей из органической ограниченности самой природы человеческого познания.

Негативная фальсификация не опровергается в силу своей злонамеренности и статуса важной части политики и практики холодной войны против Российской Федерации, а пресекается средствами государственной политики России как вид деструктивной, манипуляционной, опасной для нормального функционирования государственных институтов Российской Федерации и жизни ее граждан.

Фальсификации истории тотального характера, применяемые в России, давно уже полностью вышли за рамки статуса косвенного средства холодной войны и превратились в

разновидность прямых диверсионных действий. Эти действия, как и любая диверсионно-подрывная работа против Российской Федерации, направлены на разрушение культурно-психологических связей граждан страны с событиями истории, на их деморализацию и дегуманизацию, на формирование в итоге заниженной самооценки, карикатурного образа истории государства и его институтов. В этом качестве фальсифицирование истории должно быть признано серьезной угрозой национальной безопасности Российской Федерации, а противодействие ему должно включать в себя самый широкий арсенал средств, вплоть до возможностей политико-правового и силового подавления источников массивированной профессиональной фальсификации.

Литература

1. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. М., 1995.

2. Касьянов Г., Миллер А. Россия-Украина. Как пишется история. М., 2011.

Bibliography

1. Hume D. Treatise on human nature, or An attempt to apply the method of reasoning based on experience to moral subjects. Moscow, 1995.

2. Kasyanov G., Miller A. Russia-Ukraine. How history is written. Moscow, 2011.

Тишкин Дмитрий Николаевич
Tishkin Dmitriy Nikolayevich

заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: dntishkin@list.ru

Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training, Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Бабенко Светлана Владимировна
Babenko Svetlana Vladimirovna

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ростовского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону,
кандидат юридических наук.
E-mail: babenkoosokina@yandex.ru

Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Rostov Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don, PhD in Law.

Напханенко Игорь Павлович
Napkhanenko Igor Pavlovich

заведующий кафедрой административного права и уголовно-правовых дисциплин Ростовского
государственного университета путей сообщения, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: nip1966@yandex.ru

Head of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines, Rostov State University
of Railway Transport, PhD in Law, Associate Professor.

**ВОЗМОЖНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРИ КОРРЕКТИРОВКЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ КОМПЛЕКСНОГО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

**Possible priorities when adjusting the state policy
of comprehensive countering organized crime**

В статье анализируется онтогенез вариативных форм организованной преступности в российском и мировом социально-политическом пространстве, связанный с увеличением ее влияния на политические процессы в условиях гибридной войны. Авторы расставляют возможные приоритеты при корректировке государственной политики комплексного противодействия организованной преступности.

Ключевые слова: государственная политика, спецслужбы, война, организованная преступность, киберпреступность, информационное оружие, цифровизация, политические процессы.

The article analyzes the ontogenesis of variable forms of organized crime in the Russian and global socio-political space, associated with an increase in its influence on political processes in a hybrid war. The authors set possible priorities when adjusting the state policy of comprehensive counteraction to organized crime.

Keywords: state policy, special services, war, organized crime, cybercrime, information weapons, digitalization, political processes

Ретроспективный анализ, отраженный во множестве сохранившихся исторических документах и научных трудах, позволяет проследить неразрывную связь такого политического института, как государство (полития), с вариативными проявлениями и формами орга-

низованного насилия (война, убийства, преступность, экстремизм, терроризм и др.). Преступность, в частности ее множественные организованные формы, зародившись еще в древнеримской цивилизации, эволюционируя параллельно с политиями, к XX веку достигла

пика своей трансформации и уже объективно идентифицировалась как организованная преступность (далее – ОП).

Концептуальную корреляцию между войной и политикой описал древнекитайский мыслитель Сунь-Цзы, обозначив ее (войну) как «бесконечный путь хитрости», прокладываемый политикой в мирный (в качестве базиса) и военный (правильно и удобно подобранный) периоды, приоритетно определяя необходимость «заставить неприятельское войско покориться без сражения» [1, с. 30–31, 51]. На протяжении веков философия войны исследовалась представителями различных научных направлений, но актуальной и в XXI веке является дефиниция офицера Генерального штаба Российской империи (одновременно военного разведчика и ученого-геополитика) А.Е. Едрихина (Вандама) (1867–1933), сформулированная им в 1912 году, согласно которой политика понимается в качестве «особого искусства – высшей стратегии ... в непрекращающейся борьбе за жизнь» [2, с. 6].

В связи с этим представляется обоснованной позиция некоторых экспертов о том, что множество паттернов организованного насилия, таких как «война, политика, ОП, экстремизм и терроризм коррелируют на протяжении веков, одновременно обладая высокой долей келейных процессов», что требует от исследователей применения междисциплинарных методик с целью достижения достоверности и объективности при изучении данных явлений [3, с. 30].

Начало интенсивного изучения организованной преступности в СССР было положено на закате его существования, точнее, в 1970–80-е годы, когда аналитические подразделения МВД, Генеральной прокуратуры, КГБ начали все чаще принимать во внимание возникающие негативные проявления, говорящие о развитии организованного криминала в нашей стране. При этом в вышеуказанный период своего криминального генезиса российская ОП постепенно становилась «заметна» и в мировом социально-политическом пространстве, приобретая особенные параметры и характеристики, дающие возможность для системного и объективного анализа данного явления и понятия.

Уже в конце 80-х годов XX века советскими исследователями ОП оценивалась и рас-

сматривалась с позиций особой разновидностью патологии в социальной сфере, проявляющейся в константном и в каком-то смысле крупномасштабном размножении и «функционировании устойчивых преступных сообществ» [4, с. 17]. Представителями юридического направления науки на тот момент выделены следующие характерные параметры: ценностные стандарты-ориентиры, противопоставляющие себя социуму; принятие и строгое соблюдение криминального кодекса (своеобразная преступная концепция); паразитизм в отношениях с обществом, базирующийся на агрессивности, бездуховности и аморальности; выстраивание иерархической модели социальных отношений внутри групп на основе статусно-ролевых моделей, что объективно вело к образованию «государства в государстве», со свойственными ему атрибутами.

Постсоветский период, характерной особенностью которого стало ослабление властных институтов, расшатывание самой государственности и, соответственно, стремительное расширение масштабной деятельности организованного криминала, ознаменовался тем, что субъектами изучения этого негативного социально-политического явления стали ученые, обладавшие уголовно-правовой специализацией и, соответственно, внесшие весомый вклад в изучение обозначенной проблемы. Можно обратить внимание на российское классически определенное понятие ОП, выделенное и обозначенное признанным экспертом А.И. Гуровым, понимающим ее как структурированную систему преступных объединений, базирующуюся на следующих факторах: устойчивости; массовом характере функционирования; преступных деяниях как форме бизнеса; создании системы защитных действий от контроля со стороны социума, опирающейся на коррупционные практики и иные формы противодействия властным структурам [5, с. 239].

Э.Ф. Побегайло оценивает ОП в виде разновидности социальной патологии, обладающей высокими степенями опасности для социальных отношений и характеризующейся константной репродукцией форм преступных сообществ. Ученый указывает, что ОП имеет свойство сращиваться с коррумпированной бюрократией, а также выделяет такие виды организованной преступности, как общеуго-

ловная (гангстерская), экономическая (хозяйственно-корыстная), политическая (политизированная) [4, с. 41].

Делая промежуточный вывод, можно с уверенностью констатировать, что при всей множественности дефиниций организованной преступности эксперты определяют ее в русле следующих научных подходов: юридического (преобладающего в российской науке), экономического, социологического и политического.

В связи с вышеизложенным весьма объективной представляется позиция профессора В.С. Овчинского, который, изучая феномен ОП в течение десятилетий своей научной и практической карьеры (1986–1992 – ВНИИ МВД СССР; 1997–1999 – начальник Российского бюро Интерпола), считает более целесообразным применение дефиниции, используемой в документах ООН: это «сложное переплетение противоправных действий, совершаемых преступными формированиями с целью ...достижения сверхприбылей, используя коррупцию, насилие и запугивание конкурентов и населения» [6, с. 7], при этом выделяя ее как «новую особую форму социальной организации индивидов» [6, с. 9]. Далее В.С. Овчинский отмечает тренд планетарного масштаба – цифровизацию и виртуализацию всего и вся, включая организованный криминал, а соответственно, переход ОП в киберпространство превращает ее практически в неуязвимую «для “старых” – национальных и офлайн-органов правопорядка» [6, с. 2], при этом основной «болевым точкой» приложения криминальных «усилий» являются национальные государства (государства-нации (далее – ГН), «подталкиваемые» к реформативанию в государства-корпорации (далее – ГК) с последующим превращением в мафиозные государства, например Косово.

Представляются глубоко систематизированными научные изыскания, проведенные профессором Е.Г. Пономаревой в области специфики функционирования албанской мафии («почетная» часть транснациональной преступности) и ее международного аспекта, приведшие к констатации факта наличия в Европе множественных мафиозно-криминальных сетей, покровительствуемых международными латентными и открытыми структурами (при поддержке США и НАТО) на базе Республики Косово, являющейся мафиозным государством [7, с. 456–457].

Еще одним опасным трендом большинство исследователей признают то, что криминальный «прорыв» в киберпространство «стирает» хоть и невидимые, но достаточные для специалистов юридические разграничения «между войной (включая гибридную), терроризмом и преступностью» [6, с. 377].

Американский военный специалист Ф.Г. Хоффман в употребляемой им дефиниции, раскрывающей сущность гибридных угроз, помимо стандартного набора (различные «режимы ведения войны, включая нерегулярные тактики и формирования»), выделяет акты террора, сопровождающиеся криминальным беспорядком, насилием и принуждением [8]. При этом эксперт, ссылаясь на стратегию национальной обороны США, подчеркнул эффективное использование организованного криминала как удобного средства подрыва суверенитета «интересующего» национального государства и легитимности его правительства, связывая воедино нарко-террористические, транснациональные, террористические и просто преступные организации [8].

А.И. Владимиров основные параметры высшей формы современной войны описывает как «войну цивилизаций, т. е. войну смыслов их существования» [9, с. 26], где победителю будет даровано не столько пространство и легитимная возможность распоряжения ресурсной базой побежденного государства, сколько завоевание права на определение будущего «проигравшей» стороны.

И.П. Добаев, А.И. Добаев и В.И. Немчина в своем исследовании отражают тот факт, что с целью «недопущения утраты гегемонии» англо-саксами реально имплементируется концепция сетевых войн, константно ведущихся в информационной, когнитивной, социальной и физической областях «против противников, нейтралов и даже союзников ...используя идеологии: либерализма с ее ставкой на “права человека”, национализма и этнонационализма, радикального исламизма и т. д.» [10, с. 9].

Раскрывая проблемы, связанные с киберпреступлениями, авторитетный эксперт Б.Н. Мирошников еще в 2015 году обосновал предположения, нашедшие свое подтверждение годами позже, следующего характера: стремительная динамика ИТ-преступности будет сохраняться, а «борьба с ней еще долго не

будет иметь заметного успеха» и станет эффективной, когда бизнес осознает свою социальную ответственность и реально объединит собственные усилия в союзе с обществом и государством [11, с. 269–283]; рассматривая мировую паутину в качестве средства доставки информационного оружия и одного из базисов формирования политического климата, необходим мониторинг влияния на политические процессы в обществе с последующей своевременной корректировкой; «кибертеррористы реально возьмут на вооружение информационное оружие» [11, с. 269–283]; проведение информационных акций в глобальной сети посредством политики двойных стандартов, внедряя демократию и заставляя ее любить, понимая под ней в «современной» трактовке «лицемерие, доведенное до совершенства» [11, с. 269–283].

В свою очередь, М.П. Клейменовым и И.М. Клейменовым объективно установлена динамика выделения «современных форм преступного сообщества: коррупционного, общеуголовного, экстремистского, транснационального, террористического» [12, с. 156].

К.А. Фурсов в своих исследованиях отмечает особенную функциональность спецслужб «сверхдержав и некоторых других государств» глобального Запада в процессе деколонизации мирового пространства, связанную с выполнением нескольких ключевых ролей – «охранительной, подрывной и трансформирующей» [13, с. 35–36]. В этом процессе спецслужбами (в основном ЦРУ и МИ-6) в качестве своеобразного манипулируемого инструментария использовались вариативные формы ОП (террористические, коррупционные и др.), позволяющие симбиотично сочетать вышеуказанные роли для повышения эффективности при достижении искомого для глобальных акторов политического результата [13].

Еще одним негативно-деструктивным примером может служить стремительная экспансия такого квазигосударственного образования, как ИГИЛ*, расплывающегося, как раковая опухоль, и перерезающего сухопутные коммуникации Китая с Европой, а главное, враждебного России и с «закономерным» бенефициаром в лице США. Опасность возникновения подобного квазиобразования предрекал накануне Первой мировой войны на тот мо-

мент подполковник, а впоследствии генерал-майор (1917) А.Е. Едрихин: «Раскинувшись между Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, это государство плотно закрыло бы тот выход, которым Россия пока легко могла бы достигнуть Индийского океана. Такое государство не существует еще, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем» [14, с. 91].

С учетом геополитических аспектов многим исследователям главными объектами интереса разведывательного альянса «англосаксонских партнеров» представляются Китай и Россия. В русле исследования следует упомянуть так называемый альянс «Пять глаз» (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания и США), который де-юре не существует, а де-факто эффективно функционирует с целью тотального перехвата телефонных и электронных переговоров с помощью специальных станций электронного слежения, а также специальных компьютерных протоколов [15].

Этот условный «союз» зародился еще в 1940 году в результате соглашений о сотрудничестве разведорганов США и Великобритании, но в связи с взаимным недоверием окончательно двусторонне состоялся лишь в 1946 году, а как «Пять глаз» – только в 1956 году. Здесь следует отметить, что, иногда разрастаясь до «9 глаз» (к основным участникам присоединяются Франция, Дания, Норвегия, Голландия), «14 глаз» и более членов разведсообщества, весь информационный массив тотального перехвата для дешифровки и обработки автоматически поступает только в американское АНБ, используя остальных «союзников» как передаточное звено и подчеркивая их вассальное положение по отношению к «мировому гегемону» [15].

Академик А.И. Фурсов в своих исследованиях отразил последние «инновации» англо-американских спецслужб, которые совместно с историческими факультетами нескольких университетов США и Великобритании ввели программы подготовки историков по специальностям, отсутствующим в традиционной исторической науке: историк-системщик и историк-расследователь. А разведсообщество «Пять глаз», создав свой научно-исследовательский центр и используя сетевые принципы

* Террористическая организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

организации, а также общемировую тенденцию – «общеинтеллектуальную деградацию властных и интеллектуальных элит», пытается выступить «субъектом нового знания», что весьма симптоматично и свидетельствует о наступлении «последней Большой Охоты эпохи уходящего капитализма» [16, с. 21–23]. По мнению А.И. Фурсова, в российском и мировом социально-политическом пространстве происходит деполитизация социума, т. е. «политика превращается в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса», а главное, в ведущуюся на всех фронтах (метафизическом, концептуальном и информационном) психоисторическую (организационную) войну против России, а в период нарастающей неопределенности и управляемого хаоса «необходимым, но недостаточным условием победы представляется новая дисциплинарная сетка наук об обществе» [16, с. 21–23], сопровождаемая приоритетным развитием духовных ценностей.

Указанные в исследовании термины – «психоисторическая (организационная) война», «сетевая война», «гибридная война» – представляются синонимичными и четко идентифицирующими реализуемые глобальным Западом гибридные технологии ведения войн, еще более актуализировавшиеся в связи с проведением специальной военной операции на Украине. При этом субъекты политического управления и организованный криминал на этой территории являются объектами манипуляции со стороны глобальных акторов (США, Великобритании и других стран НАТО).

Дополнительно подчеркивая гениальность, а также глубину стратегического мышления А.Е. Едрихина, необходимо привести его слова об «англосаксонских партнерах»,двигающих народами «с таким расчетом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении: каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?» [14, с. 43–44].

С учетом вышеизложенного весь спектр исследованных форм организованного насилия «симбиотично встроен в понятие “гибридной” и “организационной” войны, а ОП, приобретая политические свойства, одновременно стала необходимым элементом этих войн» [3, с. 34].

Огромный кластер обозначенных в исследовании проблем находится под постоянным контролем высших органов государственной власти РФ. Так, 17 февраля 2022 года в ходе расширенного заседания коллегии МВД России Президентом России В.В. Путиным были отмечены следующие направления: приоритет в активной наступательной борьбе с криминалом, включая вызовы в сфере информационных технологий и телекоммуникаций; выработка эффективных превентивных мер в связи с ростом (более чем на четверть) в 2021 году преступлений, связанных с экстремизмом, особенно нейтрализации попыток использования для этого сети Интернет; принятие дополнительных мер, укрепляющих «взаимодействие подразделений МВД с коллегами из ФСБ и ФТС, совершенствуя международное антинаркотическое сотрудничество» [17].

Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев в своем докладе акцентировал внимание на следующем: наращивая внутренние ресурсы и внедряя новые средства документирования криминальных схем, прорабатывается решение по созданию в структуре МВД России головного подразделения, координирующего противодействие IT-преступности; «доказана причастность к совершению более 20 тысяч криминальных посягательств; к ответственности привлечено 35 лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии; во взаимодействии с ФСБ и Следственным комитетом России пресечена деятельность почти 250 организованных преступных групп, сформированных по этническому принципу» [17].

Таким образом, возможные приоритеты при корректировке государственной политики комплексного противодействия ОП, учитывающие активное применение в отношении России гибридных технологий ведения войны, представляются в следующем виде: «устранение антагонизма между социумом и элитой на платформе легитимизированной государственной идеи, сопровождаемое реактивными процессами в экономике и промышленности» [18, с. 80]; создание концептуальных условий системного характера, при которых выявление причин и предпосылок функционирования организованных преступных сообществ (групп) и принятия по ним адекватных и своевременных мер, свидетельствующих об их

реальном легитимном устранении, будет обязательно и объективно; внедрение «в субъекты политического управления “упреждающей” культуры принятия решений, основанной на константном мониторинге концептуальных решений геополитических противников» [3, с. 34]; «создание нового комплекса дисциплин о человеке и обществе» [16, с. 22–23] с учетом преобладания духов-

ных факторов; создание «единого ведомства (органа) по борьбе с киберпреступлениями», а также «госструктур, комплексно противодействующих гибридной агрессии» [19, с. 202]; совершенствование «оперативно-розыскной деятельности в российском и международном киберпространстве, используя технологии искусственного интеллекта и “анализа Big Data”» [20, с. 191].

Литература

1. Искусство войны / Сунь-Цзы / перевод, сост., предисл., коммент. В. Малявина. М., 2020.
2. Вандам А.Е. Наше положение. М., 2021.
3. Косов Г.В., Неведов С.А., Тишкин Д.Н. Направления корректировки государственной политики по противодействию организованной преступности в условиях гибридной войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1.
4. Побегайло Э.Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с ней. М., 1990.
5. Гуров А.И. Профессиональная преступность и ее предупреждение // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2001. № 2.
6. Овчинский В.С. Мафия: новые мировые тенденции («Коллекция Изборского клуба»). М., 2016.
7. Пономарева Е.Г. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика // De Conspiracione: сборник монографий / сост. А.И. Фурсов. 5-е изд. М., 2019.
8. Савин Л. Кто придумал гибридную войну? // Военное обозрение 28.02.2015. URL: <https://topwar.ru/69958-kto-pridumal-gibridnuyu-voynu.html> (дата обращения: 02.04.2022).
9. Владимиров А.И. Гибридная война в общей теории войны // Гибридные войны XXI века: материалы межвузовского круглого стола. М., 2015.
10. Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна / под общ. ред. И.П. Добаева. Ростов н/Д, 2015.
11. Мирошников Б.Н. Сетевой фактор. Интернет и общество. М., 2015.
12. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Детерминация служебной организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 1.

Bibliography

1. The Art of War / Sun Tzu/ translation, comp., foreword, comment. V. Malyavin. Moscow, 2020.
2. VanDam A.E. Our position. Moscow, 2021.
3. Kosov G.V., Nefedov S.A., Tishkin D.N. Directions of adjustment of the state policy on combating organized crime in the conditions of hybrid war // State and Municipal Management. Scientific notes. 2021. № 1.
4. Pobegailo E.F. Trends in modern crime and the improvement of the criminal law fight against it. Moscow, 1990.
5. Gurov A.I. Professional crime and its prevention // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2001. № 2.
6. Ovchinsky V.S. Mafia: new global trends («Collection of the Izborok club»). Moscow, 2016.
7. Ponomareva E.G. The Kosovo Project: Mafia, NATO and Big Politics // De Conspiracione. Collection of monographs/ comp. A.I. Fursov. 5th ed. Moscow, 2019.
8. Savin L. Who invented hybrid warfare? // Military Review. 2015. URL: <https://topwar.ru/69958-kto-pridumal-gibridnuyu-voynu.html> (date of access: 02.04.2022).
9. Vladimirov A.I. Hybrid war in the general theory of war // Hybrid wars of the XXI century: materials of the interuniversity round table. Moscow, 2015.
10. Dobaev I.P., Dobaev A.I., Nemchina V.I. Geopolitics and terrorism of the postmodern era / under the general editorship of I.P. Dobaev. Rostov-on-Don, 2015.
11. Miroshnikov B.N. Network factor. Internet and society. Moscow, 2015.
12. Kleimenov M.P., Kleimenov I.M. Determination of service organized crime // Bulletin of Omsk University. Series: Right. 2019. Vol. 16. № 1.

13. Фурсов К.А. Демонтаж колониальных империй: роли западных спецслужб // Свободная мысль. 2020. № 6(1684).

14. Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия. М., 2002.

15. Крутиков Е. «Пять глаз»: электронный шпионаж глобального масштаба // Национальная оборона. 2020. № 11. URL: <https://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2020/0604/172429487/detail.shtml> (дата обращения: 02.04.2022).

16. Фурсов А.И. Психоисторическая война, реальная картина мира и новая сетка общественных дисциплин // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: сб. материалов XV Международной научной конференции: в 2-х ч. / под общ. ред. И.М. Ильинского. М., 2019.

17. Расширенное заседание коллегии МВД России 2022 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/67795 (дата обращения: 02.04.2022).

18. Тишкин Д.Н., Бабенко С.В., Напханенко И.П. Возможные направления корректировки государственной политики России по противодействию организованной преступности в условиях «организационной войны» // Философия права. 2021. № 2(97).

19. Косов Г.В., Тишкин Д.Н., Солдатов Н.Ф. Организованная преступность как элемент гибридных войн: политологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4.

20. Тишкин Д.Н., Бабенко С.В. Актуальные аспекты противодействия вариативным формам организованной преступности XVIII–XXI вв.: политологический анализ // Философия права. 2021. № 3(98).

13. Fursov K.A. Dismantling of colonial empires: the roles of Western special services // Free Thought. 2020. № 6(1684).

14. VanDam (Edrychin) A.E. Geopolitics and geostrategy. Moscow, 2002.

15. Krutikov E. «Five eyes»: electronic espionage on a global scale // National Defense. 2020. № 11. URL: <https://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2020/0604/172429487/detail.shtml> (date of access: 02.04.2022).

16. Fursov A.I. Psychohistorical war, a real picture of the world and a new grid of social science disciplines // In the collection: Higher education for the XXI century: the role of humanitarian education in the context of technological and sociocultural changes XV International Scientific Conference. Reports and materials: in 2 parts/ under the general editorship of I.M. Ilyinsky. Moscow, 2019.

17. Extended meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/67795 (date of access: 02.04.2022).

18. Tishkin D.N., Babenko S.V., Naphanenko I.P. Possible directions of adjustment of the state policy of Russia on combating organized crime in the conditions of «organizational war» // Philosophy of Law. 2021. № 2(97).

19. Kosov G.V., Tishkin D.N., Soldatov N.F. Organized crime as an element of hybrid wars: a political analysis // State and Municipal Management. Scientific notes. 2020. № 4.

20. Tishkin D.N., Babenko S.V. Actual aspects of countering variable forms of organized crime of the XVIII–XXI centuries: a political analysis // Philosophy of Law. 2021. № 3(98).

Черныш Марина Алексеевна
Chernysh Marina Alekseevna

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, кандидат юридических наук.
E-mail: marichachere@mail.ru

Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don, PhD in Law.

СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И СИЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО

Strong state and strong civil society: confrontation or cooperation

В статье показано многообразие функций гражданского общества, разделение его на сектора: сверхактивный (и враждебный государству); активный (инициативно поддерживающий власть); инертный (бездеятельный, но лояльный) и латентный (безразличный к политике). Автор полагает, что все они, кроме первого сектора, прямо или косвенно обеспечивают легитимность власти и массой своей образуют глубинное гражданское общество. Обоснована ничтожность враждебной части по сравнению с другими секторами. Доказана взаимная выгода сильного государства и сильного гражданского общества от отношений конструктивного сотрудничества на основе общественных интересов.

Ключевые слова: сильное государство, узурпация власти, конфронтация, глубинное гражданское общество, критерий сотрудничества.

The article The variety of functions of civil society is shown, its division into sectors: overactive (and hostile to the state); active (proactively supporting power); inert (inactive, but loyal) and latent (indifferent to politics). The author believes that all of them, except for the first sector, directly or indirectly ensure the legitimacy of power and form a deep civil society. The insignificance of the hostile part in comparison with other sectors is substantiated. The mutual benefit of a strong state and a strong civil society from relations of constructive cooperation based on public interests has been proven.

Keywords: strong state, usurpation of power, confrontation, deep civil society, criterion of cooperation.

События, связанные с подменой гражданского общества наивными фанатами оппозиционера А. Навального, воспринятые на Западе как протест против «режима Путина», показали актуальность проблемы взаимоотношений государства и гражданского общества как для практиков, так и ученых.

Исследованием проблем гражданского общества в России, его формирования и развития, упорядочения правовых основ активно занимаются такие ученые, как А.А. Беляева, Н.Н. Гордеев, А.В. Зайцев, А.А. Канунников, Ю.М. Королев, А.Е. Мануйлов, А.М. Микеладзе, В.С. Незнанова, П.П. Фантров, А.Г. Чернышевский и др. В частности, ряд работ посвящен взаимоотношениям государства и гражданского общества, среди которых особо выделяется коллективная монография «Государство. Гражданское общество» [1]. В ней превагирует идея о доминировании государства

над гражданским обществом, с которой следует не только согласиться, но и положить в основу активной перестройки правовых взаимоотношений двух главных институтов, и добиваться изменения общественного мнения об их субординации.

В 2017–2020 годы защищены диссертации [2], в которых отразился уровень реальных отношений упомянутых институтов и которые укрепляют методологическую основу новых исследований. Многие статьи, опубликованные в журнале «Философия права» за последние 5 лет, также посвящены теоретическим и практическим вопросам взаимодействия гражданского общества и государства [3; 4; 5].

Сильное государство способно защитить себя и свое население не только от деструктивной оппозиции и сил, претендующих на власть, в конечном счете от дестабилизации общества, но и от порабощения агрессором.

Несмотря на все промахи Советского государства накануне и в начале Великой Отечественной войны, оно все же сумело беспощадно отразить агрессию фашистской Германии, полностью освободив оккупированные Вермахтом территории. Сильное давление Запада, которое в 2020 году ему удалось трансформировать в продолжительные протесты части гражданского общества против «авторитарного режима» в Республике Беларусь, было (не без помощи союзного государства) в конечном счете нейтрализовано. Слабое государство на Украине рухнуло в 2014 году под натиском международных террористов, отечественных олигархов и нацистов, формально недовольных внешним курсом Киева, а фактически ставших на сторону Вашингтона, давно готовившего здесь антироссийскую (идеологическую и военную) международную площадку.

После распада в 1991 году Советского Союза, воспринятого большинством входивших в его состав народов как величайшая трагедия, глобальные угрозы обрушились на правопреемницу СССР – Россию последовательно сменяемыми волнами. Однако надежно противостоять все разрушающей стихии и целенаправленным ударам высокопрофессиональных конкурентов новое Российское государство оказалось не способно. Так, 90-е годы XX столетия стали печальными страницами в его истории: разрушен ВПК, разграблены ресурсы, политическими оккупантами присвоены достижения науки и техники, а также результаты труда многих поколений, что сопровождалось активной эмиграцией отечественных талантов и даже частичной утратой государством и народом своего суверенитета.

Как свидетельствует история, при всех очевидных плюсах сильное государство (в соответствии с логикой собственного развития) способно вырождаться в библейского Левиафана – чудовище, уничтожающее собственный народ. Алчные преступные группировки из представителей элиты начинают использовать национальную машину не с целью защиты и обслуживания населения, а для его беспощадной эксплуатации, подавления свобод, т. е. как своего рода гильотину по отношению к недовольным и инакомыслящим. Неподконтрольная народу («оккупационная») власть, не связанная с ним идейно и нравственно, превращается из института общественного управления, т. е. из «слуги общества», в господина.

Будущий тиран, как утверждал Платон, обычно вырастает из народа постепенно.

Он живет среди людей, открыт, общителен, доступен и много всем обещает. Но в его стратегических целях есть своего рода «тайна» – делать врагов друзьями, а друзей – врагами. «...Если он заподозрит кого-нибудь в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю» [6; 7, с. 57; 8]. Удержание власти любыми средствами становится для тирана основной задачей.

Поэтому только граждане в состоянии «укротить» безгранично сильное государство и сдерживать его от чрезмерного возвышения над обществом. Причем в таком государстве самопровозглашенные гражданские институты, возникшие вне государственных структур на основе совместных, как правило, частных интересов людей как субъектов населения и участников производственных процессов, а также занятые общими делами, например на выборах депутатов, т. е. в политике, по идее, тоже обязаны быть сильными. В таком случае они не только сдерживают государство от произвола и насилия, от неадекватности по отношению к народу, но и обеспечивают эффективное функционирование государственных институтов, усиливая их волю и связь с населением, делают официальную власть легитимной и даже предотвращают распад государства.

Помимо сверхактивной агрессивной прослойки, в гражданском обществе выделяется институциональная надстройка и массовая часть гражданских организаций, которые обычно активно и открыто выражают свою поддержку власти. Кроме массового слоя, значительную роль в глубинном гражданском обществе играют также инертный (лояльный, но бездеятельный) сегмент и латентный сектор, частично бездеятельно-лояльный, немного оппозиционный.

Глубинное гражданское общество обеспечивает незыблемость национального менталитета, историческую преемственность поколений, общественную стабильность и надежную легитимность государства.

Из двух главных субъектов общества, государства и гражданского общества, ведущая роль в его формировании в России принадлежит государству: гражданские структуры строятся в основном не «снизу» согласно классическим западным образцам, а «сверху» – с учетом традиций и истории российской государственности. Именно государство определяет факт существования общественных институтов,

их компетентность и правовое поле, в котором происходит взаимодействие. Именно оно выступает в качестве управляющей системы по отношению к гражданскому обществу [1, с. 17].

Если сравнивать роль и силу «соперников» – государства и гражданского общества, то первый обычно более консервативен. Он тотален, его власть распространяется на всю территорию, все сферы общественной жизни и всех без исключения граждан и даже не-граждан, проживающих на его территории. На государстве объективно лежит ответственность за целостность территории и неприкосновенность границ. Его первейшая забота – это состояние армии и флота, эффективность экономики, снабжение населения всем необходимым, предотвращение преступности и болезней. Гражданское общество в лице своих партий, общественных организаций свободно от такой рутинной работы, как содержание дорог и канализаций, техническое обеспечение массовых коммуникаций, необходимость накормить и обогреть каждого на всей своей территории. Пожалуй, кроме партий, профсоюзов и экологов, его институты преследуют узкие цели, соответствующие интересам участников этих объединений. Поэтому гражданское общество свободно от обязанностей ко всему обществу, всегда требовательно и даже агрессивное, как «желтые жилеты» Парижа или противники локдауна в Брюсселе, добивающиеся «свободы», но не несущие никакой ответственности за легко прогнозируемые катастрофические результаты коронавирусной пандемии и провалы в социальной политике.

Исходя из вышеизложенного гражданское общество – это не только орудие сдерживания государства, действительно способного замыкаться на собственных и даже личных интересах политиков и чиновников в ущерб общественным целям, но и постоянный очаг смуты, источник нестабильности, средоточие людей с психологией человека, который всегда против. Он стремится к переменам, а значит, к разрушению – первоначально против застоя и затхлости, а в конечном счете – против стабильного развития. Гражданские институты выступают инициаторами таких революционных идей, реализация которых становится трамплином для еще более радикальных требований и фантастических проектов «активистов». Это в конечном счете препятствует концентрации общенациональных сил и ресурсов на главных направлениях и даже может при-

водить общество в состояние полной разбалансировки и хаоса, как это случилось в 1917 году в Российской империи и в 1991 году в СССР. Поэтому любые идеи, связанные с изменениями в обществе, имеют свои разумные критерии и здравые пределы.

Таким критерием является развитие в интересах общества. Если государство и гражданское общество преследуют одни и те же цели, которые благородны, т. е. направлены на пользу обществу, то у них нет принципиальной необходимости «выяснять отношения». Это предотвращает неподвижность телеги, в которую впряглись Лебедь, Рак и Щука. Такая «телега» непременно движется, можно лишь согласовывать нюансы по скорости и поворотам.

Следовательно, преимуществом сильного государства является не способность свергать неугодные режимы и оккупировать чужие территории, а реальная возможность обеспечить физическую безопасность своего народа в глобальном контексте и каждого отдельного гражданина в его реальной жизни. Оно сильно постоянной готовностью защитить «простого» человека от стихийных сил природы, «бездушного чиновника», всепожирающего рынка, преступности и пандемии.

Чем же сильно гражданское общество? Отнюдь не способностью обратить полицейских в бегство, разгромить их участок и поджечь служебные автомобили, как и не способностью свергнуть правительство. В идеале сильное гражданское общество (при слабом государстве) отличает способность выдвинуть общенациональных лидеров и ответить массовым положительным действием на такие частные проблемы каждого, которые стали для всех общими. (Например, всенародная поддержка призыва земского старосты К. Минина и начальника Судного приказа Д. Пожарского к сбору средств на Второе народное ополчение для освобождения Москвы и всей Руси от польско-литовской оккупации и шведов; герои навеки застыли в камне на Красной площади в Москве и на площади Народного единства в Нижнем Новгороде.) Современное сильное гражданское общество обладает способностью к конструктивному сотрудничеству с государством. В таком случае своими высшими структурами оно поддерживает постоянный диалог с властью, корректируя государственную политику в пользу населения: пенсионном возрасте, уровне зарплат и пенсий, защите от произвола работодателя, МРОТ, добровольности вакцинации и т. п.

Данная неконфронтационная трактовка взаимоотношений государства и гражданского общества особенно плодотворна для России.

Страна, расположенная в Европе и Азии, занимает выгодное географическое положение. Со строительством тоннеля через Берингов пролив и плотной международной эксплуатацией Северного морского пути (особенно Китаем и странами Юго-Восточной Азии) ее значение многократно возрастает. Она располагает самой большой площадью территории в мире (в 1,8 раза больше, чем США), огромными ресурсами пресной воды, лесов, угля, множеством судоходных рек и выходами к Мировому океану на севере, юго-западе и востоке. Крупнейший производитель и экспортер газа, нефти, никеля, алюминия, платины, палладия и др. редкоземельных материалов, без поставок которых целые отрасли мировой экономики исчезнут. Плотность населения в ней невысокая – в среднем 8,54 чел./1 км², а прирост населения составляет всего 0,33 % (2020 г.). При этом 90 % жителей занимают лишь 5 % территории (в европейском регионе). Заполучить такой лакомый кусок жизненного пространства столетиями мечтали в своих военных походах на Восток многие канувшие в Лету полководцы, а американцы эту территорию и сегодня считают «достоянием мирового сообщества».

Постепенно заполняет территориальные «пустоты» Сибири и Дальнего Востока почти полутора миллиардный Китай с плотностью населения 134,4 чел./1 км², уверенно идущий на I место в мире по ВВП (18 трлн против 21,4 трлн долл. у США в 2021 г.). КНР – единственная страна, избежавшая падения в экономике в связи с пандемией COVID-19 и в 2021 году увеличившая свой ВВП на 8,1 %.

Наибольшая и реальная угроза для России исходит из самой мощной державы – США с населением свыше 337 млн человек, с годовым естественным приростом, равным почти 1,5 млн, и плотностью 34,5 чел./1 км². В этой стране самые большие в мире военные расходы (740,5 млрд долл. в 2021 финансовом году), продвинутые наука и техника. Американцы, составляющие менее 5 % жителей нашей планеты, потребляют свыше четверти энергоресурсов мира. В 2021 году значительные усилия были направлены на «сдерживание» России: многосторонние военные учения со странами Европы; новые санкции против Северного потока–2; рост военного присутствия США в регионах восточного Средиземномо-

рья, военно-морские учения стран НАТО в акваториях Черного и Балтийского морей; миллиардные поставки военной «помощи» Украине и превращение ее в постоянно действующий антироссийский плацдарм.

Часть общих для Запада военных расходов США перекладывают на союзников. НАТО реализует стратегию по «сдерживанию России», суть которой – ослабить ее, а еще лучше – разрушить. В качестве устрашения поставлено ядерное оружие в Великобританию. На 15 базах НАТО в Европе размещено оружие передового развертывания. Ставится задача – создать дугу постоянного напряжения вдоль буферной зоны между «прогрессивно-свободной» Европой и «тоталитарной» Россией. Военная защита Восточной Европы строится на механизме «четыре по 30»: 30 механизированных батальонов, 30 авиаэскадрилий и 30 кораблей, способных к развертыванию за 30 дней. С 10 суток до 24 часов сокращается готовность самолетов-носителей к применению ядерного оружия. По замыслу, эта сила сдержит Москву, а при необходимости «принудит к миру».

Данный мировой порядок и доминирование США поддерживаются посредством примерно 1 тыс. военных баз и военно-политической напряженности во всех стратегически важных регионах мира. Авианосцы, подводные лодки, бомбардировщики, барражирующие в небе, вместе со спутниковым мониторингом делают земной шар для Вашингтона «прозрачным».

Подконтрольные США «международные» организации, например МВФ и МБРР, определяют планетарное экономическое развитие. Посредством печатания национальной валюты США, основанного на бесконечной эмиссии, и за счет прямого контроля над национальными банками и мировыми товарными потоками, над транснациональными компаниями мировая экономика запрограммирована на неэквивалентный обмен в пользу США и закрепление отставания развивающихся стран. Мировая олигархия делает все необходимое, чтобы не допустить их модернизации, сохранить как сырьевые добавки своей индустрии, выгодный рынок сбыта и источник дешевой рабочей силы. Она всячески препятствует изменениям в сложившейся системе международного разделения труда, принуждая отставших экономическими, политическими и военными средствами находиться на той ступени социального прогресса, на которой они волею судеб оказались [9, с. 104].

Мировой рынок заточен на обслуживание богатых стран и владельцев основного капитала. Именно страны «золотого миллиарда» потребляют большую часть производимых в мире благ – продовольствие, одежду и обувь, машины, жилье и способы развлечения. Это связано с тем, что доходы богатых всегда растут опережающими темпами.

Для поддержания своего господства в мире США применяют принудительные средства к потенциальным конкурентам. Подавляются независимая политика и экономические успехи, «полевение» и популярность в мире, региональное доминирование. Бывший сотрудник Госдепартамента, отказавшийся от службы из-за несогласия с проводимой политикой и войной во Вьетнаме, У. Блум описал эти средства и методы, проанализировав 56 открытых и тайных вмешательств США в дела суверенных государств [10]. Речь идет о подкупе, запугивании физической расправой, убийстве, фабрикации уголовного дела, искажении фактов и фейковой пропаганде, гражданской войне, вооруженной оккупации части территории или всей страны, «специальной» террористической операции типа взрыва на борту корабля или самолета. Регулярно используются вооруженные интервенции в слабые государства, например в Ирак (в результате был убит президент страны Саддам Хусейн (2003), в Ливию (привели к казни ее законного лидера Муаммара Каддафи (2010), а также Иорданию, Сирию (2011) и др.

Главное направление незатихающих ударов определено американцами вскоре после распада СССР, в 1992 году: «Наша основная задача заключается в том, чтобы предотвратить повторное появление нового конкурента на территории бывшего СССР или в другом месте, создающего угрозу, подобную той, которую представлял Советский Союз...» [11, р. 14].

Однако даже самым сильным подвластно не все в мире. Возродившаяся Россия является единственной сверхдержавой, которая с помощью своего военного потенциала может физически уничтожить любого агрессора. Военный эксперт, бывший глава израильской спецслужбы Я. Кедми констатирует наличие у России высокоточного оружия, способного наносить удары не только по военным объектам в США, но и центрам управления НАТО в Европе. Поэтому, полагает Я. Кедми, американцы «любыми способами будут избегать прямого вооруженного конфликта с Россией» [12].

Тем не менее воинствующая элита во главе с Дж. Байденом отступаться от своих долгосрочных планов не собирается. Она открыто выступает против многообразия мира, за его однополярность во главе с США, насаждает идеи превосходства Запада и второсортность восточных, православных культур, а также африканской, латиноамериканской, мусульманской цивилизаций. Она готова немедленно подавить любые вызовы, направленные на подрыв могущества США или ослабление их авторитета. «Глобальные расисты» игнорируют принципы мультикультуризма и толерантности, сосуществование разных культур и право каждого народа на суверенитет. Выступая в марте 2021 года в штаб-квартире НАТО в Брюсселе с речью о зарубежных альянсах и партнерах Вашингтона, госсекретарь Э. Блинкен заявил, что Россия, Китай, Иран и КНДР представляют собой военные угрозы для Запада. А Верховный представитель ЕС по иностранным делам Ж. Боррель сообщил, что Европа привержена идеям избирательных отношений с Москвой с учетом общих интересов европейских стран, а также поддержки «российского гражданского общества».

Известно, что ни Россия, ни какая-либо другая страна на официальном уровне не занимаются «поддержкой» гражданского общества в США. У всех достаточно собственных проблем. Но тогда следует разобраться, почему государство, считающее Россию своим противником, так озабочено состоянием ее гражданского общества?

Здесь следует пояснить, что под гражданским обществом стороны понимают разные структуры и противоположные процессы. Для России это гражданские институты, которые работают на благо страны. США же, ежегодно выделяющие огромные субвенции на поддержку своих агентов в России, понимают при этом все те структуры и акции, которые разрушают противника, по крайней мере ослабляют его власть, делают общество более разрозненным, а его центральную власть – нелегитимной. Западные спецслужбы и «прорицатели» надеются, что рано или поздно эта супердержава «развалится на 6–8 самостоятельных государств» [13, с. 206], которые станут территориями восточноевропейских стран, а также протекторатами США, европейских и азиатских государств.

В связи с этим видится целесообразным введение в научный оборот понятий «сверх-

активный», «активный», «пассивный» и «латентный» сегмент гражданского общества. Те три четверти российских граждан, которые заняты на производстве или вышли на заслуженный отдых и которые в процессе тайного голосования в течение более двух десятилетий подтверждают легитимность власти, но, отдавая предпочтение рыбалке и домашнему хозяйству, ни в субботу, ни в воскресенье по призыву соцсетей на Болотную площадь или другую улицу своего субъекта Федерации не выходят, потому что им не интересны ни сами «оппозиционеры», ни их отравление боевым отравляющим веществом, как и неожиданное выздоровление. Все эти десятки миллионов россиян вместе с их гражданскими структурами не являются предметом забот США, хотя именно они составляют главную и глубинную опору российской державы и ее режима. Американские спецслужбы предметно заняты лишь теми, кто сверхактивен за деньги – критикует власть, не согласен с проводимой политикой и требует свободы для средств западной агитации в целях ослабления России и ее разделения на протектораты.

В качестве основного рычага для свержения «режима Путина» Вашингтоном используется ничтожная часть гражданского общества: либералы-идеалисты, наивная молодежь, художественная и пр. интеллигенция, несведущая в мировой политике, националисты и представители маргинальных слоев, у которых жизнь по разным причинам не сложилась, но «виновата в этом власть».

Советник министра обороны России А. Ильницкий считает, что западные страны во главе с США развязали против России ментальную войну: «Если в классических войнах целью является уничтожение живой силы противника, а в современных кибервойнах – уничтожение его инфраструктуры, то цель новой войны – изменение ментальной, цивилизационной основы общества противника. Последствия такой войны проявляются через поколение, когда сделать что-либо уже невозможно» [14].

Можно согласиться с принципиальной постановкой вопроса. Вместе с тем в приведенном алгоритме не хватает многих звеньев. Что это за менталитет, тем более тысячелетний, который в сознании молодежи можно разрушить за одно поколение? Очевидно, что для этого нужна действенная «поддержка» самого государства и гражданского общества России. Как минимум надо заменить русские сказки для детей на западные или «еще лучше» сразу на

американские, противоположные по морали. Пересмотреть в пользу западных образцов отечественные программы обучения и воспитания в детских садах, а затем заменить российские школьные программы воспитания патриотизма, коллективизма, взаимопомощи, уважительного отношения к женщине и старшим на содержательно другие, по форме якобы «более продвинутые» американские программы. Еще можно расширить сектор западного информационного теле- и радиопространства, а также интернет-сетей, рассчитанных на молодежь. Завершить внутреннюю ментальную диверсию и в конечном счете национальное самоубийство можно созданием сети вузов по типу западных, построенных на отличающихся от наших принципах: рафинированном прагматизме и индивидуализме, отказе от патернализма взрослых к неуспевающим, правиле «каждый выживает сам», праве владеть огнестрельным оружием, ритуальных действиях, вытекающих из приоритетности ЛГБТ-сообществ и поддержанного властями США движения «Черные жизни имеют значение». Можно выразить категорическую уверенность в том, что этого не допустит ни глубинное государство, ни глубинное гражданское общество России.

Будучи гетерогенной, российская цивилизация испытывает глобальное давление со стороны Запада за счет распространения таких «европейских ценностей», как однополые браки и связанные с ними формы девиантного поведения, психология потребительства, гедонизм, проституция, легализация наркотиков. Американизированная глобализация нивелирует национальный менталитет, поэтому ограничение ее влияния и превращение Интернета в национальную российскую сеть (по типу китайской) являются логическим противодействием оккупационным планам Запада. В связи с этим станут более востребованными специалисты по информационному противодействию. Помимо движения «Россия – страна возможностей», государство может законодательно укрепить сеть детских и молодежных союзов по типу советских пионерских организаций и Союза молодежи. Они способны многократно усилить процессы социализации детей, юношества и молодежи. Использование советской практики проведения областных семинаров вузовских и школьных преподавателей общественных наук, повышение квалификации учителей и вузовских преподавателей в региональных институтах повышения

квалификации за счет госбюджета могут стать прочными каналами связи и диалога федеральных институтов государства с теми, кто непосредственно формирует мировоззрение молодежи. Важно поднять роль общества «Знание».

Логичным видится ужесточение политики государства к девиантным проявлениям активности, стремящимся навредить обществу (как отдельным гражданам, так и их сообществам). Примером может служить Закон об исторической памяти, принятый в марте 2021 года и регламентирующий ответственность за публичное унижение чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной войны, а также за распространение о них заведомо ложных сведений. Председатель Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации В. Володин предложил рассмотреть данный закон в качестве «модельного» в комитетах по делам СНГ, безопасности, а также в Парламентской Ассамблее ОДКБ и даже Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ [15]. Закон вносит изменения в ст. 354.1 УК РФ [16] о реабилитации нацизма: им устанавливается уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложных сведений о ветеранах, за оскорбление памяти защитников Отечества либо публичное унижение их чести и достоинства. Усилена ответственность за реабилитацию нацизма с использованием служебного положения, СМИ, Интернета, организованной группы.

Исходя из своей приоритетности, государство иногда облакает девиации, направленные против него и опекаемого им гражданского общества, в форму незаконных деяний. Дилемма «безопасность или права и свободы граждан» обычно решается в пользу безопасности без учета реакции своего гражданского общества и Запада. Так, ряд законов, принятых Государственной Думой Российской Федерации в конце 2020 года, направлен на существенное ограничение гражданских прав и свобод. Введены дополнительные территориальные запреты на проведение акций у зданий «экстренных оперативных служб» (полиции и ФСБ России), полностью запрещено иностранное и анонимное финансирование публичных мероприятий. Физические лица теперь могут признаваться иностранными агентами, а владельцы социальных сетей обязаны осуществлять мониторинг с целью выявления «информации, содержащей призывы к массовым бес-

порядкам, экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка», и ее блокировать.

Пакет законов, запрещающих государственным и муниципальным служащим, военным и некоторым иным категориям лиц иметь иностранное гражданство и вид на жительство за рубежом [17], согласно которому прекращена выдача неиммиграционных виз для деловых поездок, туризма, лечения, а также студенческих виз, виз для «узкоспециализированных категорий граждан» – ученых, артистов, спортсменов (за исключением дипломатических работников). На наш взгляд, подобные законы следовало принять уже давно, а сегодня – распространить на всех граждан России и сделать неукоснительно исполняемыми. Положительный эффект для стабилизации гражданского общества, сокращения его активно-агрессивного сегмента может иметь запрет на стажировку молодых специалистов в иностранных СМИ, муниципальных и федеральных органах управления и самоуправления, во время которых «нестойкие» соглашаются на небезвозмездную службу чужому государству. Логично было бы также ввести запрет на наличие недвижимости, счетов в иностранных банках, на обучение детей не только чиновников, но и политиков, бывших военных, творческой интеллигенции и общественных деятелей за границей. Опасение потерять свое имущество и преференции вынуждает их владельцев становиться агентами мирового финансового капитала и проводить в России политику, враждебную ее народу.

Продолжением политики, направленной на повышение уровня безопасности России, стал закон о регулировании просветительской деятельности и международного сотрудничества образовательных организаций (вступил в силу 1 июня 2021 г.) [18]. Закон, в частности, некоммерческим организациям, к примеру, фондам Сороса, Карнеги и пр. русофобам, под видом просветительской деятельности фактически заниматься антироссийской пропагандой в российских школах и вузах. Стремление иноагентов по-своему переиначить российское образование закономерно приводит к замене православных моральных ценностей американским прагматизмом, а также бездуховностью, в результате которой страна рискует получить действительно новое, но ментально иное поколение, которое, пройдя все ступени социализации,

через 20 лет волеется в структуры власти и делает ее чужой для общества.

Формирование законодательного поля не может сводиться к ограничениям и запретам. Полноценным и эффективным оно становится в том случае, если включает в себя формы материального и морального поощрения государством общественно полезной деятельности граждан и общественных институтов.

Итак, важнейшая функция гражданского общества – сдерживать государство от узурпации власти и ее использования во вред обществу. Однако недопустимо сводить все многообразие деятельности гражданских институтов к активному неприятию всего того, что исходит от государства, к противодействию ему и борьбе с ним. Целью общегражданских структур в конечном счете является созидание. Поэтому, кроме контроля, институты гражданского общества играют роль «приводных ремней» между государством и населением, становятся проводниками политики государства и в то же время его конструктивными оппонентами, постоянно добиваются корректировки деятельности законодателей и правительства в пользу рядовых граждан.

С целью выживания государство и гражданское общество не имеют права проявлять беспечность, а обязаны всегда находиться в состоянии полной боевой готовности. Пока россияне спят, на другом полушарии планеты днем и ночью разрабатываются планы, цель которых – подменить реальное глубинное гражданское общество недовольными властью, мотивировать их агрессию, привлечь в это антиобщество людей, не искушенных в политике, не знакомых с технологиями борьбы сверхдержав за влияние и власть в мире, и даже таких, которым просто не повезло с психическим здоровьем и уровнем интеллекта. Эта ничтожная активно-агрессивная социальная прослойка, не ведающая, что она творит, активно используется противниками России. Депутаты, политики, идеологи и ученые, понимающие суть проблемы, способны воспрепятствовать данным намерениям, прежде всего на правовом уровне. Поэтому союз «или» в названии статьи следует заменить на «и»: сильное государство и сильное гражданское общество действительно могут противостоять друг другу. Но во имя развития и укрепления единства общества они непременно сотрудничают.

Литература

1. Чернявский А.Г. Государство. Гражданское общество. Право / А.Г. Чернявский, Л.Ю. Грудцына, Д.А. Пашенцев; под ред. А.Г. Чернявского. М., 2017.
2. Зайцев А.В. Институционализация диалога государства и гражданского общества в сфере публичной политики современной России: дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 2017.
3. Незнанова В.С. Проблема взаимодействия гражданского общества и государственной власти: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2017.
4. Мануйлов А.Е. Контроль гражданского общества за государственным аппаратом: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
5. Беляева А.А. Правовые формы самоорганизации институтов гражданского общества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
6. Громакова В.Г. Российское общество и государство в условиях институциональной трансформации / В.Г. Громакова, А.Н. Осяк, Т.Г. Сапунова // Философия права. 2019. № 3(90).

Bibliography

1. Chernyavsky A.G. State. Civil society. Law / A.G. Chernyavsky, L.Yu. Grudtsyna, D.A. Pashentsev; ed. A.G. Chernyavsky. Moscow, 2017.
2. Zaitsev A.V. Institutionalization of the Dialogue between the State and Civil Society in the Sphere of Public Policy of Modern Russia: diss. ... Dr. of Politics. Kazan, 2017.
3. Neznanova V.S. The problem of interaction between civil society and state power: philosophical analysis: diss. ... Cand. in Philosophy. Moscow, 2017.
4. Manuilov A.E. Control of civil society over the state apparatus: theoretical and legal research: diss. ... Cand. in Law. Yekaterinburg, 2018.
5. Belyaeva A.A. Legal forms of self-organization of civil society institutions: diss. ... Cand. in Law. Moscow, 2020.
6. Gromakova V.G. Russian society and the state in the conditions of institutional transformation / V.G. Gromakova, A.N. Osyak, T.G. Sapunova // Philosophy of Law. 2019. № 3(90).
7. Kravtsova E.A. To the question of the concept of «civil society» and the classification of its institutions // Philosophy of Law. 2021. № 1(96).

7. Кравцова Е.А. К вопросу о понятии «гражданское общество» и классификации его институтов // *Философия права*. 2021. № 1(96).
8. Платон. Государство. Законы. Политика. М., 1998.
9. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. (Apres l'empire: Essai sur la decomposition du systeme americain). М., 2004.
10. Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны / пер. с англ. А. Чернова и Е. Логинова. 2-е изд. М., 2014.
11. Defense Planning Guidance for the Fiscal Years 1994–1999 // *New York Times*. 1992. March 8.
12. Кедми назвал российское оружие, способное преодолеть ПРО США // *Газета.Ru*. URL: <https://news.rambler.ru/troops/47503029-kedmi-nazval-rossiyskoe-oruzhie-sposobnoe-preodolet-pro-ssha/> (дата обращения: 10.03.2022).
13. Алексеев И.С. Войны. Мир. Власть. М., 2014.
14. Советник Шойгу заявил о «ментальной войне» США против России // *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4742751> (дата обращения: 10.03.2022).
15. Воронцова К. Дума приняла закон о наказании за оскорбление ветеранов // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2021/03/17/duma-priniala-zakon-o-nakazanii-za-oskorblenie-veteranov.html> (дата обращения: 10.03.2022).
16. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 25, ст. 2954.
17. Установлен запрет на замещение государственных и муниципальных должностей для граждан России, имеющих гражданство иностранного государства // *Официальные сетевые ресурсы президента России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/65495> (дата обращения: 10.03.2022).
18. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: федер. закон от 05.04.2021 № 85 // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104050036> (дата обращения: 10.03.2022).
8. Plato. *State. Laws. Politics*. Moscow, 1998.
9. Todd E. *After the empire. Pax Americana is the beginning of the end (Apres l'empire: Essai sur la decomposition du systeme americain)*. Moscow, 2004.
10. Bloom W. *Killing Democracy: CIA and Pentagon Operations during the Cold War / from English A. Chernov and E. Loginova*. 2nd ed. Moscow, 2014.
11. Defense Planning Guidance for the Fiscal Years 1994–1999 // *New York Times*. 1992. March 8.
12. Kedmi called Russian weapons capable of overcoming US missile defense // *Gazeta.Ru*. URL: <https://news.rambler.ru/troops/47503029-kedmi-nazval-rossiyskoe-oruzhie-sposobnoe-preodolet-pro-ssha/> (date of access: 03.10.2022).
13. Alekseev I.S. *Wars. World. Power*. Moscow, 2014.
14. Advisor Shoigu announced the «mental war» of the United States against Russia // *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4742751> (date of access: 03.10.2022).
15. Vorontsova K. The Duma adopted a law on punishment for insulting veterans // *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2021/03/17/duma-priniala-zakon-o-nakazanii-za-oskorblenie-veteranov.html> (date of access: 03.10.2022).
16. Criminal Code of the Russian Federation: fed. law d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on March 25, 2022) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1996. № 25, art. 2954.
17. A ban has been established on filling state and municipal positions for Russian citizens who have citizenship of a foreign state // *Official network resources of the President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/65495> (date of access: 03.10.2022).
18. On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation»: fed. law d.d. April 5, 2021 № 85 // *Official Internet portal of legal information*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104050036> (date of access: 03.10.2022).

Гайдай Мария Константиновна
Gaidai Maria Konstantinovna

начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, доктор социологических наук, доцент.
E-mail: mkgfir@mail.ru

Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sociology, Associate Professor.

Кадырова Чолпон Айзабековна
Kadyrova Cholpon Aizabekovna

начальник кафедры общественно-политических дисциплин Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Алиева Э.А., доктор юридических наук.
E-mail: kchopa@inbox.ru

Head of the Department of Socio-Political Disciplines, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after major general of militia Alieva E.A., Doctor of Law.

**ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК» И «СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ»
В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**The concept of «social appearance» and «social portrait» in the context
of the study of the personality of an employee of the internal affairs bodies**

В статье представлен анализ таких понятий, как «социальный облик» и «социальный портрет» применительно к изучению личности сотрудника органов внутренних дел. Отмечена практическая значимость исследования личности правоохранителя в современных условиях. Особое внимание уделено профессионально значимым характеристикам, которыми должен обладать сотрудник органов внутренних дел.

The article presents an analysis of such concepts as «social appearance» and «social portrait» in relation to the study of the personality of an employee of internal affairs bodies. The practical significance of the study of the personality of a law enforcement officer in modern conditions is noted. Special attention is paid to professionally significant characteristics that should be possessed by an employee of the internal affairs bodies.

Ключевые слова: социальный облик, социальный портрет, сотрудник полиции, сотрудник органов внутренних дел, личность сотрудника, профессионально значимые качества.

Keywords: social appearance, social portrait, police officer, employee of internal affairs bodies, employee's personality, professionally significant qualities.

В условиях трансформационных изменений, в том числе и вызванных угрозой распространения новой коронавирусной инфекции, особое внимание сегодня уделяется работе правоохранителей в разных странах и регионах мира. В сложившейся реальности происходит переосмысление и изменение форм и способов борьбы с преступностью, а также охраны общественного порядка, которая в условиях пандемии приобретает новые границы (работа по пресечению нарушений, связанных с изоляционными мероприятиями и т. п.). Повышенные требования стали предъявляться и к лицам, осуществляющим такую деятель-

ность. Поэтому изучение социальных характеристик лиц, выполняющих правоохранительные функции, видится актуальным и практически обоснованным.

Проведенный анализ научных источников позволяет констатировать, что исследователи, изучая личность и раскрывая основные ее характеристики, применяют различные понятия, подразумевая одно и то же. Из значительного числа категорий, используемых сегодня для обозначения личностных качеств человека, в данной статье речь пойдет преимущественно о двух основных понятиях – это «социальный облик» и «социальный портрет». Несмотря на

достаточно частое их употребление в научной литературе и наличие расхожих мнений о возможности использования указанных понятий в социологическом дискурсе, стоит отметить, что в содержательном плане данные понятия не вполне определены.

В толковом словаре С.И. Ожегова понятие «портрет» трактуется как изображение человека на картине, фотографии, в скульптуре, а также как художественное изображение, образ литературного героя, а понятие «облик» – во-первых, как вид, очертание, наружность, а во-вторых, как характер, душевный склад [1, с. 421]. Таким образом, можно говорить о внешних и внутренних составляющих понятия «облик». Что касается «портрета», то в социологию данное понятие перешло из области искусства для визуализации образа исследуемой личности. «Заимствование понятий из художественной сферы («социологический образ», «социальный портрет»), – пишет В.И. Казакова, – само по себе задает ориентацию создания некоего произведения искусства: элита, средний класс, пролетариат, маргиналы предстают через призму априорно заданных атрибутов, связь которых с эмпирическими коррелятами весьма проблематична» [2]. Не со всеми словами автора можно согласиться. Думается, что при изучении личности сотрудника правоохранительных органов визуализация социальных характеристик отчасти даже необходима для формирования позитивного имиджа с целью выполнения возложенных на него государством правоохранительных функций. Сколько бы в средствах массовой информации (СМИ) и интернет-коммуникациях сегодня ни критиковали правоохранительные органы в целом и полицию в частности, деятельность людей, избравших данную профессию, необходима в любом государстве. Требования, как отмечалось выше, тоже велики, поэтому эффективность выполнения поставленных задач, решения во многом обуславливаются наличием желания граждан страны оказывать помощь в раскрытии и расследовании преступлений, а также в осуществлении иных функций. Подобное желание нередко связано с уровнем доверия к правоохранительным органам, которое формируется долго и сложно, а подрывается одномоментно, в том числе и непроверенными (может быть, и искаженными) данными, ставшими общественным достоянием как необдуманно, так и целенаправленно.

Социальный портрет сотрудника органов внутренних дел, вырисовывающийся благодаря СМИ, не всегда отражает реальную картину, а в условиях информационного общества важное значение имеет информированность населения, соответствующая действительности.

Обратимся к работам ученых, изучавших понятие «социальный облик» при исследовании той или иной социальной категории.

В анализе социальных характеристик лиц, имеющих различные профессии, значительное внимание исследователей обращено к категории военнослужащих. Определяя норму и девиацию в поведении военнослужащих, коллектив авторов работы «Поведение военнослужащего: норма и отклонение: социологическое исследование пограничных явлений» в понятие «социальный облик» включают «совокупность характеризующих их социальных признаков» [3, с. 80]. И.М. Отмахов, проводя исследование военнослужащих в дисциплинарных воинских частях, определил социальный облик как «совокупность их объективных социальных характеристик, особенностей взаимоотношений и ценностно-нормативных регулятивов» [4, с. 16]. Данное определение социального облика коррелирует с взглядами Ж.А. Аттабиевой, которая, изучая молодежь на рубеже веков, определила социальный облик молодежи как «совокупность эмпирически фиксируемых социальных признаков, особенностей взаимоотношений молодежи и ориентаций на социальные ценности» [5, с. 13]. В раскрытии понятия «социальный облик» речь идет об определенных характеристиках (признаках), специфичности социальных взаимодействий и присущих ценностных ориентирах. В то же время компоненты социального облика могут быть как внешними (социальные признаки, особенности взаимоотношений), так и внутренними (социальные ценности). Таким образом, два последних определения (И.М. Отмахова, Ж.А. Аттабиевой) имеют три общие точки соприкосновения в трактовке социального облика: первое – социальные характеристики/признаки, второе – социальные взаимоотношения/взаимодействия, третье – ценности. Поэтому при рассмотрении вопросов социального облика/портрета сотрудника правоохранительных органов следует ориентироваться на указанные три составляющие. Ввиду того, что деятельность сотрудников ОВД

предполагает значительные психоэмоциональные нагрузки, к указанным составляющим социального портрета стоит добавить и психологические составляющие социального портрета (в литературе встречается в качестве психологического портрета сотрудника [6, с. 215]).

Исторической работой, отражающей вопросы социального облика, является исследование П.Н. Дмитриева, который определил рассматриваемое понятие как единство базовых бытовых, производственных и политических характеристик вне зависимости от отраслевой принадлежности [7, с. 149].

А.Н. Старостин, исследуя социальный облик имамов Урала, определил данное понятие как «совокупность социальных характеристик, присущих имамам Урала» [8], что схоже с позицией, предложенной коллективом авторов в книге «Поведение военнослужащего: норма и отклонение: социологическое исследование пограничных явлений», упомянутой выше.

Рассуждая о социальном портрете сотрудников органов внутренних дел, следует обратить внимание на то, что профессионально значимые характеристики, которыми должен обладать специалист, определены законодательно. Так, постановлением Правительства Российской Федера-

ции от 06.12.2012 № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» [9] утверждены указанные в названии приказа правила. Пункт 6 «Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» определяет исчерпывающий перечень личных и деловых качеств, которые подлежат изучению при профессиональном психологическом отборе граждан на службу в ОВД. Уровень развитости и степень их наличия у конкретного сотрудника позволяет определять категорию его профессиональной пригодности (п. 19–23 Правил). Итак, обозначенные качества входят в социальный портрет сотрудника ОВД.

Таким образом, социальный облик (социальный портрет) может пониматься как совокупность социально-демографических, нравственно-этических, духовно-ценностных, психоэмоциональных, поведенческих и иных характеристик личности, имеющих важное значение при ее социальной оценке. Определенный образ жизни, ценностные ориентации и приоритеты, характер социальных взаимодействий и профессиональная деятельность влияют на формирование тех или иных черт социального облика личности.

Литература

1. Аттабиева Ж.А. Социальный облик современной российской молодежи: дис. ... канд. соц. наук. М., 2001.
2. Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004.
3. Казакова В. И. Социальный портрет как объект феноменологического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1(21).
4. Луков В.А., Забара А.Л., Волков Е.П. Поведение военнослужащего: норма и отклонение: социологическое исследование пограничных явлений. М., 1999.
5. Нежкина Л.Ю., Ярославцева И.В. Диагностика личностных и деловых качеств сотрудника органов внутренних дел: технологии, содержание, результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1(77).

Bibliography

1. Attabieva Zh.A. The social appearance of modern Russian youth: diss. ... Cand. in Sociol. Moscow, 2001.
2. Dmitriev P.N. Social appearance of Udmurtia workers in the first decades of the XX century: social, industrial, political aspects // Workers in Russia: historical experience and current situation. Moscow, 2004.
3. Kazakova V. I. Social portrait as an object of phenomenological analysis // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2011. № 1(21).
4. Lukov V.A., Zabara A.L., Volkov E.P. Behavior of a serviceman: norm and deviation: a sociological study of border phenomena. Moscow, 1999.
5. Nezhkina L.Yu., Yaroslavtseva I.V. Diagnostics of personal and business qualities of an employee of internal affairs bodies: technologies, content, results // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1(77).

6. Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 06.12.2012 № 1259 [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/65015?items=10#:~:text=%> (дата обращения 16.02.2022).

7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1995.

8. Отмахов И.М. Военнослужащие в дисциплинарных воинских частях: Особенности социального облика: дис. ... канд. социол. наук. М., 1998.

9. Старостин А.Н. Социальный облик имамов Урала начала XXI века. Н. Новгород, 2009.

6. On the approval of the Rules of professional psychological selection for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 06.12.2012 № 1259 [Electronic resource]. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/65015?items=10#:~:text=%> (date of access: 16.02.2022).

7. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language / ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, 1995.

8. Otmakhov I.M. Military personnel in disciplinary military units: Features of social appearance: diss. ... Cand. in Sociol. Moscow, 1998.

9. Starostin A.N. The social image of the imams of the Urals at the beginning of the XXI century. N. Novgorod, 2009.

Березина Елена Александровна
Berezina Elena Aleksandrovna

доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета,
кандидат юридических наук.
E-mail: helalex@mail.ru

Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, PhD in Law.

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ КАК НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Technification of legal reality as a new vector for the community development

Статья посвящена одной из разновидностей социальных технологий – правовой технологии. Автор отмечает актуальность и необходимость технологизации современной правовой действительности как деятельности по выбору, обоснованию и внедрению способов и форм рационального ее преобразования. Выделяются принципы технологизации правовой действительности и факторы, которые обеспечивают возможность ее реализации.

Ключевые слова: правовая технология, социальная технология, Четвертая промышленная революция, технизация правовой среды, технологизация правовой действительности.

The article is devoted to one of the varieties of social technologies - legal technology. The author notes the relevance and necessity of technologization of modern legal reality as an activity for the selection, justification and implementation of methods and forms of its rational transformation. The principles of technologization of legal reality and the factors that provide the possibility of its implementation are highlighted.

Keywords: legal technology, social technology, Fourth Industrial Revolution, technologization of the legal environment, technologization of legal reality.

На современном этапе эволюционного развития общества и государства человечество вступило в эру Четвертой промышленной революции, которая характеризуется внедрением киберфизических систем во все сферы жизни общества.

Название «Четвертая промышленная революция» в 2011 году было предложено К. Швабом, одним из ее идеологов. Существенные изменения, свойственные данному этапу общественного развития, затронут и уже затрагивают не только производство и обслуживание населения, но и другие сферы жизни общества – науку, искусство, политику, воспроизводство и развитие самого человека, а также сложившиеся способы восприятия окружающего мира [1, с. 10–11]. Именно технологиям отводится главная роль в Четвертой промышленной революции. «Технологии и общество взаимно формируют друг друга. Мы являемся продуктом наших технологий в той же степени, в какой они являются создаваемым нами продуктом» [1, с. 414].

На первый взгляд кажется, что речь идет только об информационных и промышленных технологиях. Но нельзя ограничиваться исключительно узким подходом к анализу понятия «технология», нужно рассматривать его

шире: «чтобы обеспечить достижение интересов всего общества... необходимо глубокое понимание технологий, влияющих на отдельных людей, сообщества, организации и правительства» [1, с. 11].

С точки зрения широкого подхода к понятию технологии в него включаются и социальные технологии, разновидностью которых являются правовые технологии.

Некоторые ученые, говоря о социальных технологиях, не проводят разграничения между ними и производственными технологиями, поскольку «возможность технологизировать любой социальный процесс заложена в структуре человеческой деятельности и в самой природе человека» [2, с. 35].

Многие авторы, в частности К. Шваб, обращают внимание на то, что, помимо позитивных моментов, новых открытий в науке и достижений в технике, Четвертая промышленная революция несет в себе огромные риски: еще большую стратификацию общества, нестабильность политической системы, отчуждение человека, нарушение коммуникационных связей между отдельными членами общества, усиливающуюся зависимость человека от технологий.

В этой ситуации социальные, в том числе правовые, нормы не всегда успевают за столь

стремительным развитием общественных отношений. Законодательство, регламентирующее появившиеся и появляющиеся технологические процессы, пока только формируется, поэтому именно наука должна сейчас выполнять функцию осмысления всех позитивных и негативных моментов вступления человечества в новую эпоху своего развития. «Мы пока не знаем, как это будет развиваться, но ясно одно: ответ на него должен быть комплексным и всеобъемлющим, охватывающим все заинтересованные стороны от государственного и частного секторов до научных кругов и гражданского общества» [3].

Юридическая наука уже отвечает на вызовы времени, многие ученые обращают внимание на необходимость переосмысления роли права в регулировании общественных отношений в связи с изменяющимися условиями его функционирования. Ю.А. Тихомиров, размышляя о новой роли права в жизни общества, приходит к выводу, что она «не сводится к формальной фиксации тех или иных явлений и действий» [4, с. 155]. Право должно влиять на формирование новых общественных отношений, оно может направить развитие общества в новое русло, спрогнозировать социальные последствия негативного или позитивного характера, которые могут наступить в результате воздействия на общественные отношения, а также предотвратить их наступление или сгладить их социально-вредное воздействие.

Ю.А. Тихомиров говорит об актуальности, необходимости расширения и углубления научных исследований механизмов воздействия права на общественные отношения, взаимодействия юридической науки с экономической, социологической и другими науками. В этом ключе автор поднимает вопрос о возможных векторах развития правовой сферы, одним из них называя технизацию правовой сферы, с которой связывает ряд проблем, требующих решения: «Возможный предмет правового регулирования», своевременность (когда регулировать?) и способы регулирования (как регулировать?), вопросы принятия решений и ответственность, роль новых информационных технологий, ограничение роли человека, роботизацию, внедрение электронных документов и ряд других» [4, с. 140].

Помимо проблемы технизации правовой сферы, остро встает вопрос о ее технологизации – научном обосновании выбора способов и форм воздействия субъектов права на правовую действительность с целью формирования благоприятных условий функционирования и развития общества.

Если проблемы понимания правовой технологии и правовой инженерии уже станови-

лись предметом научного анализа правоведов [5–13], то вопросам технологизации правовой действительности уделялось должного внимания в правовых исследованиях.

Вместе с тем потребности юридической практики в придании различным видам юридической деятельности рационального, научного обоснования прослеживаются достаточно явно. Кроме того, в социологических науках зарубежные и отечественные ученые уже давно исследуют различные аспекты технологизации социального пространства, социальной действительности и государственного управления [14; 15].

Представляется, что теоретическая разработка вопросов технологизации правовой сферы жизни общества в эпоху Четвертой промышленной революции актуальна как никогда ранее.

Технологизацию правовой действительности можно представить как научную разработку, обоснование и дальнейшее применение системы взаимосвязанных между собой методов, способов, приемов, форм воздействия субъектов права на общественные отношения с помощью специальных юридических средств, базирующихся на соответствующих правовых технологиях.

Правовая система любого общества представляет собой совокупность различных правовых явлений и процессов, характеризующихся огромным своим многообразием. Для того чтобы поддерживать ее нормальное поступательное функционирование, обеспечить гармонизацию, с одной стороны, интересов личности, а с другой – потребностей всего общества и государства, повысить эффективность правового регулирования, требуется научиться результативно воздействовать с помощью определенного методологического инструментария на различные элементы правовой системы. Это обеспечит закрепление уже сложившихся в обществе отношений, будет способствовать дальнейшему развитию тех из них, которые желательны для социума, закреплению нежелательных и прогнозировать возникновение или даже формировать новые.

Правовая технологизация должна основываться на определенных принципах – основополагающих правовых идеях, началах осуществления деятельности по выбору, обоснованию и внедрению способов и форм рационального преобразования правовой действительности, которые определяют сущность и роль технологизации правовой действительности в жизни общества. К таким принципам можно отнести, с одной стороны, принципы, свойственные всем видам технологизации окружающей действительности (принципы научной обоснованности; целесообразности,

дифференцированности отдельных видов деятельности на определенные стадии, этапы, процедуры; планомерности осуществления данных видов деятельности; рациональности, рефлексивности; приоритета содержания над формой); с другой – принципы, свойственные именно технологизации правовой действительности (социальной справедливости, гуманизма, равноправия, приоритета прав и свобод человека, их признания в качестве высшей социальной ценности), которые и будут являться главными принципами. Именно они должны определять направленность и содержание правового регулирования, новые векторы развития общественных отношений, связанные с технологизацией, цифровизацией, информатизацией. И когда возникает коллизия данных принципов и принципов, свойственных любым видам технологизации, приоритет должен отдаваться первым – специально-юридическим принципам технологизации правовой действительности, которые, в свою очередь, являются общеправовыми принципами права.

Факторы, которые обеспечивают возможность технологизации правовой сферы жизни общества, обусловлены особенностями самого права как социального регулятора. Среди условий, при которых возможна технологизация правовой действительности, необходимо назвать: возможность формализации правовых явлений и процессов, что обеспечивается в том числе наличием признака формальной определенности права; наличие сложности и структурированности правовых явлений и процессов, что обеспечивается наличием признака системности права и правовой системы; наличие у субъектов воздействия научных знаний о закономерностях возникновения, развития, функционирования правовых явлений; возможность четкого определения объекта и предмета правового воздействия и регулирования, установления пределов вмешательства субъекта и создания благоприятной правовой основы для осуществления преобразований.

Здесь могут быть применены положения теории механизма правового регулирования, разработанные С.С. Алексеевым, который говорил о «среде правового регулирования», обосновывая ее зависимость от таких особенностей социальной действительности, как уровень активности субъектов социального взаимодействия, степень интенсивности правового

воздействия, «качество “энергетического поля” регулирования» [16, с. 377].

В качестве характеристики «среды правового регулирования» можно рассматривать и уровень обеспечения творческой, инновационной активности членов социума, который бы позволил не только постоянно воспроизводить особенности той или иной правовой системы общества, но и способствовал бы ее совершенствованию и развитию.

Значение и роль технологизации правовой действительности заключается в том, что благодаря ей все виды юридической деятельности (правотворчество, правосистематизация, реализация права, правоприменение и толкование права) приобретают более рациональный характер, опираются на новейшие достижения науки, приобретают упорядоченный «алгоритмический» характер, который позволяет повысить эффективность правового регулирования и с меньшими затратами обеспечить формирование благоприятных условий для нормального функционирования и развития общества. С другой стороны, необходимо особое внимание обратить и на риски технологизации правовой действительности, чтобы избежать негативных сценариев развития науки и техники, вероятного наступления эры «цифрового тоталитаризма, который может стать концом цивилизации, а не его очередной ступенью» [17, с. 30], а также появления иных отрицательных последствий набирающей оборот цифровизации правового регулирования. Важно, чтобы права и свободы человека не утратили ведущей роли и своего прежнего гуманистического потенциала в правовом регулировании современной «технологизированной» жизни общества. Необходимо, чтобы именно человек с его уникальными психо-физическими особенностями, морально-нравственными ценностями, эмоциями и духовной жизнью был, с одной стороны, субъектом, осуществляющим технологизацию правовой действительности, а с другой – ориентиром, позволяющим технологиям вообще и правовым технологиям в частности развиваться в правильном направлении, обеспечивающем поступательное развитие общества, а не его регресс. Для этого требуется конструктивно-критический анализ такого вектора развития общества, как технологизация правовой действительности, осуществление которого должна взять на себя юридическая наука.

Литература

1. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции: пер. с англ. М., 2018.

Bibliography

1. Shvab K. Technologies of the Fourth Industrial Revolution: trans. from English. Moscow, 2018.

2. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгород, 1993.
3. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respond // World economic forum. 2016. Jan. 14. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/> (дата обращения: 12.03.2022).
4. Тихомиров Ю.А. Векторы управления в фокусе права // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 1.
5. Карташов В.Н. Законодательная технология субъектов Российской Федерации / В.Н. Карташов, С.В. Бахвалов. Ярославль, 2010.
6. Бахвалов С.В. Законодательная технология: некоторые проблемы теории и методологии: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
7. Карташов Н.Н. Технологии нормотворчества (на примере МВД России): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
8. Колесник И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015.
9. Долотова Д.В. Техника и технология правовых актов: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012.
10. Власенко Н.А. Законодательная технология: теория, опыт, правила. Иркутск, 2001.
11. Бобров В.В., Черненко А.К. Правовая технология. Новосибирск, 2010.
12. Миронов А.Н. Юридическая технология подготовки нормативных правовых актов. М., 2010.
13. Червонюк В.И. Юридические технологии («правовая инженерия»): методологическое значение, природа, соотношение с юридической техникой, статус в системе правоведения // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5.
14. Бабинцев В.П. Противоречия и проблемы технологизации государственного и муниципального управления в регионе // Социально-технологическая культура как феномен XXI века: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л.Я. Дятченко. Белгород, 2006. Ч. 1.
15. Бурмыкина И.В. Проблемы социокультурной легитимации технологизации социального пространства // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право. 2008. № 4(44). Вып. 3.
16. Алексеев С.С. Право: азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
17. Овчинников А.И. Тенденции развития права в условиях нового технологического уклада // Философия права. 2018. № 3(86).
2. Dyatchenko L.Ya. Social technologies in the management of social processes. Belgorod, 1993.
3. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respond // World economic forum. 2016. Jan. 14. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/> (date of access: 12.03.2022).
4. Tikhomirov Yu.A. Vectors of management in the focus of law // Issues of state and municipal management. 2019. № 1.
5. Kartashov V.N. Legislative technology of the subjects of the Russian Federation / V.N. Kartashov, S.V. Bakhvalov. Yaroslavl, 2010.
6. Bakhvalov S.V. Legislative technology: some problems of theory and methodology: diss. ... Cand. of Law. N. Novgorod, 2006.
7. Kartashov N.N. Technologies of rulemaking (on the example of the Ministry of Internal Affairs of Russia): diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2004.
8. Kolesnik I.V. Theoretical model of law enforcement technology: diss. ... Dr. of Law. Nizhny Novgorod, 2015.
9. Dolotova D.V. Technique and technology of legal acts: diss. ... Cand. of Law. Vladimir, 2012.
10. Vlasenko N.A. Legislative technology: theory, experience, rules. Irkutsk, 2001.
11. Bobrov V.V., Chernenko A.K. Technology of law. Novosibirsk, 2010.
12. Mironov A.N. Legal technology of preparation of normative legal acts. Moscow, 2010.
13. Chervonyuk V.I. Legal technologies («legal engineering»): methodological significance, nature, correlation with legal technique, status in the system of jurisprudence // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 5.
14. Babintsev V.P. Contradictions and problems of technologization of state and municipal management in the region // Socio-technological culture as a phenomenon of the XXI century: materials of International scientific and practical conference / ed. by L.Ya. Dyatchenko. Belgorod, 2006. Part I.
15. Burmykina I.V. Problems of socio-cultural legitimization of the technologization of social space // Scientific Vedomosti BelSU. Ser.: Philosophy. Sociology. Right. 2008. № 4(44). Iss. 3.
16. Alekseev S.S. Law: alphabet, theory, philosophy. The experience of complex research. Moscow, 1999.
17. Ovchinnikov A.I. Trends in the development of law in the conditions of a new technological way // Philosophy of Law. 2018. № 3(86).

Девятковская Светлана Викторовна
Devyatovskaya Svetlana Viktorovna

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: sdevyatovskaya@yandex.ru

Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Ищенко Дмитрий Петрович
Ishchenko Dmitry Petrovich

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.
E-mail: idp161@yandex.ru

Associate Professor, Criminal Process Department, Rostov branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, PhD in Law.

Ищенко Галина Константиновна
Ishchenko Galina Konstantinovna

доцент кафедры уголовного права и криминологии Донского государственного технического университета, кандидат юридических наук.
E-mail: ishchenko.galia@yandex.ru

Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminalistics, Don State Technical University, PhD in Law.

**ЗАГЛАЖИВАНИЕ ВРЕДА КАК ИНСТРУМЕНТ
ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛЬЗЫ**
Reparation of harm as a tool for achieving social benefit

В статье анализируются актуальные примеры из судебной практики и нормативно закрепленные требования уголовного и уголовно- процессуального закона, регламентирующие порядок и основания возмещения (заглаживания) вреда при прекращении уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа. Рассматриваемый правовой институт активно применяется правоприменителем для решения задач уголовного судопроизводства. Отмечается, что, несмотря на то что правовые инструменты и механизмы рассматриваемого института обеих отраслей права находится в тесной взаимосвязи, многие аспекты урегулированы только судебной практикой. Делается вывод о необходимости дополнительного законодательного регулирования данного вопроса.

Ключевые слова: вред, заглаживание, уголовное преследование, штраф, инструмент достижения, социальная польза.

The article analyzes current examples from judicial practice and the normatively fixed requirements of the criminal and criminal procedural law that regulate the procedure and grounds for compensation (making amends) for damages upon termination of criminal prosecution in connection with the imposition of a judicial fine. The considered legal institution is actively used by the law enforcer to solve the problems of criminal proceedings. It is noted that, despite the fact that the legal instruments and mechanisms of the institution under consideration of both branches of law are closely interconnected, many aspects are regulated only by judicial practice. The conclusion is made about the need for additional legislative regulation of this issue.

Keywords: harm, atonement, criminal prosecution, fine, achievement tool, social benefit.

Защита прав и свобод личности, права собственности, общественного порядка, общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя от преступных посягательств, а также профилактика преступлений

обеспечиваются в том числе мерами уголовного законодательства [1].

Помимо нормативно закрепленных задач уголовного закона, как в теории, так и в правоприменительной деятельности преследуют не менее

важные задачи как уголовного преследования, так и наказания, – восстановление социальной справедливости и исправление преступника. Достигаются они исправительными и воспитательными мерами воздействия путем исполнения уголовного наказания, в том числе для реализации таких задач уголовного закона, как профилактика совершения новых преступлений.

В рассматриваемом контексте предупреждение, а фактически профилактика новых преступных деяний, выступает как социально полезная цель ввиду того, что предупреждение совершения новых преступлений прежде всего защищает социум и государство от новых преступных посягательств. Превенция в данном контексте носит как общий характер (направлена на неопределенный круг лиц), так и частный (профилактирует противоправное поведение конкретного правонарушителя).

Под социальной пользой понимается совершение положительных, позитивных поступков и действий как для общества, так и государства. Каковы же способы достижения социальной пользы в уголовном судопроизводстве?

В рамках уголовного судопроизводства достижение социальной пользы тесно связано с целью восстановления социальной справедливости и исправления лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

В данном контексте необходимо учитывать личность правонарушителя. Для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, зачастую характерно девиантное поведение, склонность к рецидиву преступлений. Сама криминологическая характеристика преступника, его преступная направленность априори исключают инициативную и что не менее важно добровольную заинтересованность в привнесении каких-либо благ обществу или государству.

Считаем важным отметить, что в нормах уголовного закона не только не говорится о необходимости достижения социальной пользы в уголовном судопроизводстве, но и нормативно не регламентированы способы и механизмы ее достижения.

Одна из целей наказания – восстановление социальной справедливости направлена прежде всего на неотвратимость, т. е. за совершение преступного деяния должно наступать соразмерное воздаяние в соответствии с личностью привлекаемого к уголовной ответственности, виновностью лица, обстоятельствами совершения преступления, степенью общественной опасности и причиненного вреда.

Восстановление социальной справедливости необходимо воплощать не только путем наложения и исполнения наказания, но в течение всего процесса уголовного судопроизводства. Важно учитывать, что суть института восстановления социальной справедливости состоит в правовых механизмах, оно реализуется политическими, социальными и морально-нравственными способами. В рассматриваемом контексте с уголовно-правовой позиции речь идет о восстановлении общественных отношений, пострадавших от совершения преступления.

Данный процесс может заключаться в компенсации вреда и ущерба от преступления как в узком смысле – непосредственно потерпевшему, так и в широком – государству и, конечно, обществу. Способ возмещения ущерба может выражаться в форме публичного принесения извинений, оплаты лечения, выплаты стоимости уничтоженного или похищенного имущества [2].

Выбор и назначение наказания должны соответствовать размеру общественной опасности преступления. При выборе наказания необходимо учитывать характеристики личности преступника, особенно входящие в предмет доказывания, а именно обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. Назначение наказания должно быть справедливым, строго соответствовать положениям санкции конкретной статьи уголовного закона, которая инкриминируется правонарушителю.

Не менее важным является принцип недопустимости наказания дважды за одно преступление, исходя из которого лицо должно нести ответственность только за совершенное им преступное деяние.

Цель наказания должна состоять в его неизбежности и достигаться без излишней жестокости, т. е. без унижения человеческого достоинства, причинения психических и физических страданий и использования негуманных способов.

Перечисленные требования уголовного и уголовно-процессуального закона к возмещению вреда предельно ясны и не вызывают дополнительных вопросов. В то же время правоприменительная практика, в частности прекращение уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, по основаниям возмещения вреда перед потерпевшим не только не единообразна, но и вызывает вопросы нормативной регламентации.

Рассмотрим несколько примеров сложившейся в ряде регионов судебной практики прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа за оскорбления представителя власти.

Так, в 2020 году гр. С., находясь в состоянии алкогольного опьянения в государственном учреждении здравоохранения, осознавая, что сотрудник полиции А.С. находится при исполнении своих должностных обязанностей, посягая на порядок управления, действуя умышленно, публично, в присутствии посторонних лиц с целью нарушения нормальной деятельности сотрудника и подрыва его авторитета высказал в адрес А.С. оскорбления в грубой нецензурной форме, унижающие честь и достоинство последнего как представителя власти [3]. По данному факту гр. С. привлечен к уголовной ответственности.

Адвокатом от имени подсудимого заявлено ходатайство об освобождении подсудимого от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. В качестве обоснования адвокатом приведены следующие обстоятельства: подсудимый ранее не судим, совершенное им преступление небольшой тяжести. Более того, после совершения преступления подсудимый загладил причиненный ущерб, а именно письменно принес свои извинения начальнику отдела полиции за оскорбление находящегося при исполнении должностных обязанностей сотрудника полиции, а также произвел благотворительный взнос в государственное бюджетное учреждение здравоохранения.

Судом прекращено уголовное преследование в отношении обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в сумме 15 тыс. рублей.

В данном случае путем освобождения от уголовной ответственности одновременно реализуются и соблюдаются принципы гуманизма и справедливости. Таким способом решены задачи, стоящих перед уголовным законодательством, при этом эффект наказания достигнут без излишней жестокости.

Факт возбуждения уголовного дела и его рассмотрение судом уже подразумевают уголовную ответственность за содеянное, и цель восстановления социальной справедливости и исправление виновного могут быть достигнуты в том числе путем освобождения последнего от уголовной ответственности.

Приведенный пример не является единственным, аналогичная судебная практика сложилась в ряде регионов, но не повсеместно.

Аналогичное преступление – оскорбление представителя власти при схожих обстоятельствах совершено в 2019 году в Самарской области. Отличие заключается в заглаживании вреда – адресате и размере оказанной благотворительной помощи. Судом так же принято решение о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа [4].

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа отдано на усмотрение суда. Освобождается лицо от уголовной ответственности при наличии условий, прямо предусмотренных законом, и оснований для этого: утрата общественной опасности лица либо существенном ее уменьшении и совершении преступления определенной категории. Следовательно, даже при наличии всей совокупности условий и обстоятельств суд вправе как освободить подсудимого от уголовной ответственности, так и отказать в удовлетворении такого ходатайства, если придет к выводу, что это лицо не утратило общественной опасности.

Действующее законодательство и, соответственно, правоприменительная практика предусматривают уголовную ответственность лишь за оскорбление представителя власти при исполнении должностных обязанностей. Исходя из этого, оскорбление гражданина предусматривает административную ответственность.

Государство с момента своего образования обеспечивает действенное функционирование своей системы, защищая своих представителей от всевозможных противоправных посягательств [5]. Более того, оно обеспечивает эффективность функционирования государственной системы.

Состав рассматриваемого преступления является двухобъектным: основным объектом выступает авторитет государства, нормальная деятельность властных органов (общественная опасность состоит в том, что данное преступление подрывает авторитет государства); дополнительным объектом – честь и достоинство представителя власти.

В рассматриваемом примере подсудимый возместил вред и ущерб или «иным образом» загладил причиненный преступлением вред.

Однако избранный способ заглаживания вреда вызывает сомнение, по содержанию

преступное посягательство было направлено на 2 объекта и, соответственно, осуществлено заглаживание вреда по:

– дополнительному объекту посягательства – оскорбление нанес конкретному сотруднику, а извинения принес руководителю отдела полиции;

– основному объекту – произвел благотворительный взнос в учреждение здравоохранения.

Согласно постановлению суда учреждение здравоохранения является одним из государственных органов, внесение благотворительного взноса которому вполне может расцениваться как заглаживание вреда перед обществом и государством.

У суда не вызвало сомнений, что избранный С. способ заглаживания вреда представляет собой законный характер и не нарушает прав других лиц, в контексте требований закона является одним из возможных и надлежащих способов заглаживания вреда.

Принятое судом решение основано на судебной практике. Нормы закона, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности, были предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации, который в своем решении указал: «...федеральный законодатель, реализуя принадлежащие ему полномочия, правомочен ...определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения» [6].

Уголовный кодекс РФ регламентирует, что от уголовной ответственности может быть освобождено лицо, если оно загладило причиненный потерпевшему вред (ст. 76). Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает правило, согласно которому суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон (ст. 25).

Вытекающее из взаимосвязанных положений ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ полномочие суда, следователя и дознавателя отказать в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон направлено на достижение конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений и

тем самым защиты личности, общества и государства от преступных посягательств.

При этом указание в названных статьях на возможность освобождения от уголовной ответственности, на право, а не обязанность прекратить уголовное дело не означает произвольное разрешение данного вопроса уполномоченным органом или должностным лицом, которые, рассматривая заявление о прекращении уголовного дела, не просто констатируют наличие или отсутствие указанных в законе оснований для этого, а принимают соответствующее решение с учетом всей совокупности обстоятельств, включая вид уголовного преследования, особенности объекта преступного посягательства, изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда.

Факт возбуждения уголовного дела и его рассмотрение судом уже подразумевают привлечение к уголовной ответственности за содеянное. При определенных обстоятельствах достижение целей наказания может быть достигнуто путем прекращения уголовного преследования и применения иных мер уголовно-правового характера.

Констатируем тот факт, что установление достаточности оснований прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа отдано на усмотрение суда.

В первую очередь возникает вопрос, если извинение приносятся физическому лицу, то речь идет об административном правонарушении или о уголовно наказуемом деянии, потому что оскорбление нанесено конкретному физическому лицу в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Во-вторых, почему извинения приносятся руководителю подразделения, а не «оскорбленному».

В-третьих, факт оскорбления стал достоянием третьих лиц, виновным данное обстоятельство осознавалось. В связи с этим закономерно возникают следующие вопросы: носят ли принесенные извинения публичный характер? соответствует ли «заглаженный» вред причиненному ущербу?

Оказание спонсорской и благотворительной помощи, несомненно, приносит социальную пользу как обществу, так и государству. Однако соразмерна ли оказанная материальная помощь – привнесенная социальная польза причиненному ущербу авторитету государственной власти? Имеется ли необходимость

таким образом подменять государственные и общественные институты? Фактически речь идет о понуждении лица, привлекаемого к уголовной ответственности, к оказанию спонсорской и благотворительной помощи.

И наиболее важный вопрос, который возникает при анализе приведенного примера из судебной практики, – это отсутствие нормативно регламентированного механизма заглаживания вреда, а именно кто определяет адресата благотворительной помощи и ее размер.

Следует обратить внимание на уровень дохода, платежеспособность подозреваемого (обвиняемого) [7, с. 182–186]. Так, лицо, материально обеспеченное, имеет возможность загладить причиненный вред путем оказания какой-либо помощи государственным учреждениям, осуществляющим поддержку различным категориям граждан.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021). Часть 1 статья 2 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Постановление о прекращении уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по делу № 1-93/2020-4. URL: https://mirsud.yanao.ru/files/docs/DecisionTextsUS/01-0093_4_2020_89RS0004_Postanovlenie_o_prekraschenii_proizvodstva_po_delu.doc (дата обращения: 16.02.2022).

4. Постановление о прекращении уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. URL: <https://pravo163.ru/postanovleniem-mirovogo-sudi-podzashhitnyj-osvobozhden-ot-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-sovershenie-prestupleniya-predusmotrennogo-st-319-uk-rf-ugolovnoe-delo-i-ugolovnoe-presledovanie-v-otnoshenii-n/> (дата обращения: 16.02.2022).

5. Ищенко Д.П., Басов А.В., Ищенко Г.К. Декриминализация уголовной ответственно-

Фактически все свидетельствует о том, что способ и порядок заглаживания причиненного вреда есть не инициативное решение подозреваемого (обвиняемого) либо защитника, а заранее согласованное решение с органами предварительного расследования, стороной обвинения и судом. Соответственно, еще до начала судебного разбирательства принимается решение о виновности и предполагаемом наказании. Данное обстоятельство говорит о нарушении основных принципов уголовного судопроизводства.

Проведенное исследование свидетельствует о необходимости дополнительного правового регулирования, а именно нормативного закрепления возможности заглаживания вреда, причиненного государству и обществу, и определения эффективных механизмов реализации данного правового института.

Bibliography

1. Criminal Code of the Russian Federation: fed. law d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on July 1, 2021) (as amended and supplemented, effective from December 1, 2021). Part 1, art. 2 // Access from reference legal system «Consultant-Plus».

2. On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. 27.06.2013 № 19 // Access from reference legal system «ConsultantPlus».

3. Resolution on the termination of criminal prosecution with the appointment of a criminal law measure in the form of a court fine in case № 1-93/2020-4. URL: https://mirsud.yanao.ru/files/docs/DecisionTextsUS/01-0093_4_2020_89RS0004_Postanovlenie_o_prekraschenii_proizvodstva_po_delu.doc (date of access: 16.02.2022).

4. Resolution on the termination of criminal prosecution with the appointment of a criminal law measure in the form of a court fine. URL: <https://pravo163.ru/postanovleniem-mirovogo-sudi-podzashhitnyj-osvobozhden-ot-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-sovershenie-prestupleniya-predusmotrennogo-st-319-uk-rf-ugolovnoe-delo-i-ugolovnoe-presledovanie-v-otnoshenii-n/> (date of access: 16.02.2022).

5. Ishchenko D.P., Basov A.V., Ishchenko G.K. Legal assessment of insults as an administrative

сти за оскорбление личности: требуется не либерализация, а модернизация законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7(73). № 4.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 4 июня 2007 г. № 519-О-О // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. Проблемные вопросы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Актуальные проблемы предварительного расследования [Электронный ресурс] : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Волгоград, 26 ноября 2021 г. / ред. колл.: Б.П. Смагоринский, Н.С. Костенко, С.Ю. Бирюков. Волгоград, 2021.

offense and a criminally punishable act // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University of Legal Sciences. 2021. Vol. 7(73). № 2.

6. Refusal to accept for consideration the request of the Leninsky district court of the city of Makhachkala about the verification of constitutionality of article 25 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the constitutional Court of the Russian Federation d.d. June 4, 2007 № 519-Oh // Access from reference legal system «ConsultantPlus».

7. Ishchenko D.P., Ishchenko G.K. Problems of the transformation of arrest in the current work process // Actual problems of preliminary investigations [Electronic resource] : collection of articles based on the materials of the Inter-International Scientific and Practical Conference, Volgograd, Nov. 26, 2021 / B.P. L. Smagorinsky, N.C. Kostenko, S.Yu. Biryukov. Volgograd, 2021.

Богун Олег Николаевич
Bogun Oleg Nikolaevich

адъюнкт кафедры криминалистики Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: bon_161@mail.ru

adjunct of the Department of Criminalistics, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ «ОСМОТР МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ»

Tactical operation «inspection of a traffic accident scene»

Раскрыто содержание тактической операции, связанной с актуальными действиями начала расследования дорожно-транспортного происшествия, а именно с местом его совершения. Автор предлагает структуру тактической операции, в соответствии с которой можно оптимально организовать, спланировать и провести осмотр места происшествия. Подробно раскрывается каждый элемент предложенной структуры с целью ориентировать следователя как главного процессуального участника осмотра на решение важных задач, которое обеспечит получение криминалистически значимой информации для раскрытия и расследования совершенного дорожно-транспортного происшествия.

Ключевые слова: тактическая операция, осмотр места происшествия, дорожно-транспортное происшествие.

The content of the tactical operation associated with the actual actions of the beginning of the investigation of a traffic accident, namely with the place of its commission, is disclosed. The author proposes the structure of a tactical operation, in accordance with which it is possible to optimally organize, plan and conduct an inspection of the scene. Each element of the proposed structure is disclosed in detail in order to orient the investigator as the main procedural participant in the inspection to solve important problems that will ensure the receipt of forensically significant information for the disclosure and investigation of a traffic accident.

Keywords: tactical operation, inspection of the scene, traffic accident.

Тактическая операция отражает структуру того следственного мероприятия, которое призвано предоставить в распоряжение следователя широкий спектр криминалистически значимой информации, способной обеспечить определенный «прорыв» в решении тактических задач расследования, для достижения его тактических и стратегических целей.

Тактическая операция «Осмотр места дорожно-транспортного происшествия» в зависимости от характера тактических задач может включать в себя следующие элементы*: 1) особенности подготовки к осмотру места происшествия, в том числе рекогносцировку на месте; 2) организацию взаимодействия с участниками осмотра, планирование и реализацию основных тактических приемов осмотра [1]; 3) исследование совместно с судебно-медицинским экспертом трупа пострадавшего

го пешехода; 4) исследование автотранспортного средства (если оно оставлено водителем) и обстановки места дорожно-транспортного происшествия [2]; 5) организация розыска автотранспортного средства и его водителя по горячим следам (оперативно-розыскные мероприятия, связанные с осмотром места дорожно-транспортного происшествия: организация и направление указанных мероприятий; обследование района, прилегающего к месту происшествия; поиск по следам; выявление свидетелей; организация преследования и проведение иных мероприятий).

Отметим, что осмотр мест дорожно-транспортных происшествий, где результатом наезда на пешехода стала его смерть или причинение тяжкого вреда здоровью, требует оперативного выезда следователя с группой специалистов и других сотрудников правоохранительных

* Данная система элементов рассматриваемой тактической операции не является закрытой и в зависимости от характера исходной ситуации расследования может быть изменена и дополнена.

органов с тем, чтобы осмотр был начат в кратчайшие сроки после установления факта наезда.

Сложность подобных осмотров предполагает, что следователь прибывает на место дорожно-транспортного происшествия совместно со всеми профильными специалистами, о которых упомянуто выше.

На месте следователь проводит рекогносцировку [3; 4; 5; 6], ставит задачи каждому участнику мероприятия и приступает к осмотру места дорожно-транспортного происшествия в соответствии с проведенной оценкой посткриминальной ситуации и ситуации расследования. Опросы следователей и сотрудников правоохранительных органов свидетельствуют о том, что после постановки задач каждый участник приступает к ее выполнению самостоятельно. Следователь же должен выделить для себя приоритетные объекты осмотра с тем, чтобы обнаружить и зафиксировать важнейшие следы-последствия дорожно-транспортного происшествия. Он должен также участвовать в осмотрах важнейших объектов указанного места (трупа пешехода, автотранспортного средства и пр.) совместно со специалистами, для того чтобы оперативно получить от них криминалистически значимую информацию и распорядиться ею для оптимизации действий по осмотру и организации розыска водителя автотранспортного средства.

Основным в таких обстоятельствах должно стать правило, согласно которому в первую очередь следует осматривать участки местности, где могут находиться наименее устойчивые следы (следы колес автотранспортного средства, биологические следы человеческих выделений и пр.), а во вторую – объекты с более устойчивыми следами.

В связи с этим актуальными участками местности на дороге являются места, где находится труп пешехода и оставленное водителем автотранспортное средство. Иногда в эту систему могут быть включены и другие объекты, например детская коляска, велосипед и т. п. Следователь должен планировать осмотр этих объектов по узлам в зависимости от их значимости.

Практика свидетельствует, что следователь совместно с судебно-медицинским экспертом первыми осматривают труп пострадавшего

пешехода, который подлежит фото- и видеофиксации в соответствии с криминалистическими правилами (поза трупа, ориентиры и пр.) в обстановке и обстоятельствах его фактического обнаружения.

На трупе и его одежде могут находиться предметы, которые впоследствии можно будет признать вещественными доказательствами, связанными с произошедшим дорожно-транспортным происшествием. Например, наручные часы потерпевшего, разбившиеся и оставившиеся в момент наезда, мобильный телефон и пр. В одежде могут оказаться осколки стекла разбившейся фары автомобиля, отслоившиеся фрагменты грунта с его колес. На жестких предметах одежды (пуговицах, пряжках, металлических застежках и пр.) при контактом взаимодействии автомобиля и пешехода возможна фиксация и последующее обнаружение лакокрасочных отслоений с кузова автомобиля. Данная информация имеет важное криминалистическое значение для розыска автотранспортного средства, которым был совершен наезд на пешехода, тем более что криминалистами разработаны соответствующие экспертные методики [7].

В связи с этим важной является предварительная информация судебно-медицинского эксперта о причине и времени наступления смерти пешехода, пострадавшего от наезда автотранспортного средства.

Прежде чем приступить к детальному осмотру участка дороги, где произошло дорожно-транспортное происшествие, следователь должен составить общее представление об этом участке и месте происшествия. Проводя рекогносцировку, следует сделать их обход и уяснить в общих чертах характеристику происшедшего события (возможные условия, способствовавшие наезду), тип дорожного покрытия (асфальт, грунт и пр.), его рисунок (поворот, развилка, перекресток и пр.) и профиль (спуск, подъем и пр.), состояние дорожного покрытия (сухое, влажное и пр.) и дорожной разметки, погодные условия и видимость, установить наличие дорожных знаков и светофоров, регулирующих движение.

Осмотр участка, на котором обнаружены следы автотранспортного средства, следует расширить в соответствии с ситуацией осмотра по направлению движения и в обратную сторону, а также в левую и правую стороны от

указанного места с целью обнаружения следов предметом, веществ и отображений, которые могут быть связаны с совершенным дорожно-транспортным происшествием и важны для розыска автомобиля и его водителя.

Осмотр дороги от места, где был совершен наезд на пешехода, в указанных направлениях следует проводить до тех пор, пока этому соответствует объективная оценка возможности обнаружения следов последствий происшествия, т. е. следов автотранспортного средства (осколков стекла фар, частиц лакокрасочного покрытия его кузова, частей деталей, почвы, отслоившейся от ходовых частей, и пр.), водителя автотранспортного средства и пострадавшего пешехода (предметов их одежды, следов биологических выделений и пр.).

Все места обнаружения предметов, которые, по мнению следователя, являются относимыми к дорожно-транспортному происшествию, должны быть зафиксированы (протокол, дополнительные средства фиксации [8, с. 63–77] в соответствии с криминалистическими рекомендациями в протоколе осмотра. Эти данные могут быть использованы для розыска автотранспортного средства и его водителя, производства судебных экспертиз и прочих действий, связанных с расследованием.

Описываемый этап осмотра места дорожно-транспортного происшествия как элемент тактической операции должен связываться следователем с ситуацией, в которой он протекает и которую отражают различные факторы и обстоятельства, всегда индивидуальные для конкретного осмотра как по обстановке осмотра, так и по характеру включенных в осмотр объектов.

Осмотр автотранспортного средства следователь может начать со специалистом-автотехником (данные судебно-следственной практики свидетельствуют о том, что такой специалист привлекался к осмотру в 36 % случаев) с тем, чтобы освидетельствовать его техническое состояние. Если имеются сведения о том, что автотранспортное средство неисправно, желательно определить характер и время причинения повреждений, а также возможную связь с причиной дорожно-транспортного происшествия. Если оно произошло в темное время суток, обязательно прове-

ряются осветительные приборы автотранспортного средства.

Исследуются его видимые повреждения, которые соотносятся с травмами погибшего пешехода, для того чтобы убедиться, что именно этим автотранспортным средством совершен наезд (статические и динамические следы удара, следы крови, мозгового вещества, волос и т. п.).

Особый интерес для следователя представляет салон автомобиля, т. к. именно там сосредоточено наибольшее количество следов, которые могут указывать на то, кто сидел за рулем в момент наезда на пешехода (такие следы могут быть и на внешней части кузова, но их значительно меньше).

Рассматриваемая тактическая операция приобретает особую эффективность, когда параллельно со следователем и специалистами (криминалистами, автотехниками, судебными медиками и пр.) осмотром занимаются сотрудники оперативных служб (в том числе участковые оперуполномоченные) правоохранительных органов и органов ГИБДД, которые в соответствии с ориентирующей и вспомогательной криминалистически значимой информацией также занимаются розыском транспортного средства и его водителя [9; 10].

Следователь должен иметь представление о способах оперативно-розыскной работы, т. к. это знание позволяет ему правильно взаимодействовать с оперативными сотрудниками, направляя их деятельность в нужном ему розыском направлении. Это взаимодействие на месте дорожно-транспортного происшествия может реализовываться как через устные, так и письменные поручения следователя, которые обязательны для выполнения всеми оперативными сотрудниками.

Если в ходе осмотра места дорожно-транспортного происшествия удастся установить личность водителя, который мог совершить наезд на пешехода и скрыться с места происшествия, следователь дает указание на определение его местонахождения и задержание.

Важной криминалистически значимой информацией розыскного характера является установление судебно-медицинским экспертом причины и времени наступления смерти пострадавшего в результате наезда пешехода. Этот факт поможет понять, как далеко водитель мог удалиться от места дорожно-транспортного

происшествия, какими транспортными средствами мог воспользоваться, кем мог быть замечен и т. п.

Для обнаружения следов-последствий дорожно-транспортного происшествия традиционным является эксцентрический тактический прием (возможно использование и других приемов), основанный на обследовании местности с постепенным удалением от центра события (нахождение трупа пострадавшего пешехода, автотранспортного средства, следов наезда, при отсутствии трупа и автотранспортного средства) [11, с. 103–120].

Особое значение для расследования дорожно-транспортного происшествия, связанного с наездом на пешехода, в исходных ситуациях, когда водитель скрылся с места происшествия, имеет розыск свидетелей-очевидцев происшествия.

В ходе осмотра могут быть получены данные, непосредственно указывающие на конкретных граждан, которые могут быть свидетелями, либо ограничивающие поиск известным кругом лиц, если происшедшее можно слышать или видеть из определенного места. Не следует пренебрегать высказываниями, догадками, слухами, которые могут возникать среди присутствующих при осмотре граждан, необходимо стремиться установить источник информации.

Когда событие произошло на открытой местности, то работа по установлению свидетелей представляется достаточно сложной. Оперативные сотрудники, решая эту часть тактической задачи, должны найти свидетелей среди лиц, проживающих в ближайших домах, следовавших в определенное время с работы или на работу, в различные учреждения (культурные, зрелищные, торговые и пр.). Следует предпринять попытки установления лиц, которые в соответствии со своими профессиональными обязанностями (почтальоны, курьеры и т.п.) могли находиться рядом с местом дорожно-транспортного происшествия во время его совершения. Это же относится и к водителям автотранспортных средств, которые в соответствии со своим графиком движения могли проезжать мимо указанного места [12, с. 322–327].

Конкретные обстоятельства дорожно-транспортного происшествия могут подсказать и другие пути установления свидетелей, вы-

явление которых должно проводиться в ходе осмотра и продолжаться до его окончания.

Организация розыска автотранспортного средства и его водителя по горячим следам осуществляется следователем на основе той криминалистически значимой информации, в соответствии с которой возможно определить их идентификационные особенности и направление розыскной деятельности, а также имеющимися в распоряжении следователя силами и средствами. Данный вид деятельности связан не только с физическим преследованием, но и оперативным информированием всех заинтересованных в розыске автотранспортного средства и задержании его водителя субъектов правоохранительной деятельности.

Предложенная модель тактической операции в значительной степени обеспечивает решение тактических задач, обусловленных изучением обстановки места дорожно-транспортного происшествия и розыском водителя, скрывшегося с места аварии, а ее розыскная ценность для исходных ситуаций расследования заключается в собирании криминалистически значимой информации доказательственного, розыскного и вспомогательного характера о:

1) пешеходе, пострадавшем от наезда автотранспортного средства (его личности, причине и времени наступления смерти, причинении тяжкого вреда здоровью, характере и локализации телесных повреждений, следах-последствиях наезда автотранспортного средства на одежду и теле пострадавшего и т. п.);

2) месте наезда автотранспортного средства на пешехода, что весьма важно для последующего расследования, проведения судебных экспертиз и установления виновности (невиновности) водителя автотранспортного средства;

3) следах движения автотранспортного средства до и после наезда на пешехода, а также следах-последствиях наезда, пригодных для идентификации автотранспортного средства и его розыска;

4) следах-предметах, следах-веществах и следах-отображениях, обнаруженных в автотранспортном средстве и на нем, актуальных для розыска и идентификации его владельца как водителя, совершившего наезд на пешехода.

Литература

1. Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений. М., 2010.
2. Технично-криминалистическое сопровождение расследования преступлений: учеб. пособие / под ред. А.М. Багмета. М., 2016.
3. Леви А.А., Цыпарский Я.Г. Применение метода реконструкции при расследовании. М., 1975.
4. Куванов В.В. Реконструкция при расследовании преступлений. Караганда, 1978.
5. Лузгин И.М. Реконструкция при расследовании преступлений. Волгоград, 1981.
6. Драпкин Л.Я., Кокурин Г.А. Криминалистическая рекогносцировка как организационно-тактический метод разрешения поисковых ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. Екатеринбург, 2005.
7. Плоткин Д.М., Ищенко Е.П. Новейшие методы исследования вещественных доказательств в криминалистике. Рязань, 2005.
8. Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений. М., 2010.
9. Мешков В.М., Попов В.Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности использования полученных результатов в ходе предварительного расследования. М., 2012.
10. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А.С. Овчинского. 2-е изд., доп. М., 2017.
11. Мамонов В.С., Степанов В.В. Осмотр места происшествия: правовые, научные основы и практика применения. М., 2010.
12. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2010.

Bibliography

1. Demidova T.V. Interaction of the investigator with the employees of forensic divisions in the investigation of traffic crimes. Moscow, 2010.
2. Technical and forensic support for the investigation of crimes: textbook / ed. A.M. Bagmet. Moscow, 2016.
3. Levi A.A., Tsyparsky Ya.G. Application of the reconstruction method in the investigation. Moscow, 1975.
4. Kuvanov V.V. Reconstruction in the investigation of crimes. Karaganda, 1978.
5. Luzgin I.M. Reconstruction in the investigation of crimes. Volgograd, 1981.
6. Drapkin L.Ya., Kokurin G.A. Forensic reconnaissance as an organizational and tactical method for resolving search situations in the process of detecting and investigating crimes: a tutorial. Yekaterinburg, 2005.
7. Plotkin D.M., Ishchenko E.P. The latest methods for the study of material evidence in forensic science. Ryazan, 2005.
8. Demidova T.V. Interaction of the investigator with the employees of forensic divisions in the investigation of traffic crimes. Moscow, 2010.
9. Meshkov V.M., Popov V.L. Operational-search tactics and features of the use of the results obtained during the preliminary investigation. Moscow, 2012.
10. Ovchinsky S.S. Operative-search information / ed. A.S. Ovchinsky. 2nd ed., add. Moscow, 2017.
11. Mamonov V.S., Stepanov V.V. Inspection of the scene: legal, scientific basis and practice of application. Moscow, 2010.
12. Theory of operational-search activity: textbook / ed. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilova. Moscow, 2010.

Фисаков Максим Юрьевич
Fisakov Maxim Yuryevich

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: fisakov_m@mail.ru

Senior Lecturer, Department of Criminal Proceedings, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Trends in the development of preliminary investigation bodies

В статье анализируются этапы развития следственных органов начиная с момента появления «майорских» следственных канцелярий и по настоящее время. В ходе проведенного исследования автором делается вывод о необходимости изменений действующего уголовно-процессуального законодательства в части внесения поправок в ст. 151 УПК РФ, а также предлагаются возможности реформирования следственных органов и их деятельности.

Ключевые слова: государство, законодательство, правоохранительные органы, следователь, следственные действия, «майорские» следственные канцелярии, органы предварительного следствия.

The article analyzes the stages of development of investigative bodies, starting from the moment of the appearance of «major» investigative offices and up to the present. In the course of the study, the author concludes that there is a need to change the current criminal procedure legislation in terms of amendments to article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and the author also suggests the possibilities of reforming investigative bodies and their activities.

Keywords: state, legislation, law enforcement agencies, investigator, investigative actions, «major» investigative offices, preliminary investigation bodies.

Вопрос становления и развития органов предварительного следствия давно обсуждается как в научном сообществе, так и среди практиков. До настоящего времени рассматриваемая деятельность и орган, ее осуществляющий, являются предметом пристального внимания и обсуждения.

На сегодняшний день основными вопросами для дискуссий являются:

- создание единого следственного органа на базе действующего Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России);
- возвращение СК России в состав прокуратуры;
- проведение судебной реформы, введение должности судебного следователя и др.

Для того чтобы понять логику существующих дискуссий, а также выработать навыки для дальнейшего развития органов предварительного следствия, необходимо обратиться к истокам возникновения данной деятельности, т. е. рассмотреть исторические аспекты ее зарождения и дальнейшего развития. Как верно указывает Ю.А. Цветков, «именно в недрах

истории следует искать ответы на самые сложные и запутанные вопросы реформирования системы досудебного производства по уголовным делам» [7, с. 33]. Таким образом, можно утверждать, что исторический опыт позволяет выявить устойчивую связь между всеми периодами развития следственных органов. Существенное влияние на становление органов, осуществляющих предварительное следствие, оказали как различные этапы развития государства, так и эволюция преступного мира, что приводило к необходимости повышения качества профессионального мастерства лиц, занимающихся расследованием преступлений, и разработки более эффективных методик и тактик их расследования [5, с. 24–30].

Говоря об истории становления и развития органов предварительного следствия, можно утверждать, что на сегодняшний день нет точного понимания, с какого периода оно берет свое начало. Так, ряд ученых, среди которых Д.О. Серов, утверждают, что первым органом предварительного следствия необходимо считать «майорские» следственные канцелярии,

появившиеся в 1713 году в ходе реформ Петра I. В то же время другие ученые убеждены в том, что за основу необходимо принимать появление в ходе Судебной реформы 1860 года такого должностного лица, как судебный следователь. Однако, наряду с этим, недостаточно обсуждается вопрос о самой деятельности, которая, по нашему мнению, зародилась в давние времена, т. к. с появлением преступности государство принимало меры по борьбе с ней, т. е. устанавливало лицо, совершившее преступление, и осуществляло его наказание. Согласимся, что до 1713 года действительно не было единого органа, осуществляющего расследование. Как правило, до указанного периода расследованием преступлений занимались органы, не имеющие единого центрального управления.

В ходе своего развития органы, осуществляющие предварительное расследование, не раз подвергались различного рода модернизациям, начиная от реформирования и заканчивая ликвидацией. Сегодня наблюдаются как положительные, так и отрицательные аспекты такого реформирования. Как уже было указано выше, принято считать, что первыми органами, осуществляющими предварительное следствие, являлись «майорские» следственные канцелярии [2, с. 76–80], функционировавшие с 1713 по 1723 год. Затем они были ликвидированы, и вплоть до 1860 года расследование преступлений поручалось различным органам, в основном городской и земской полиции. В период с 1860 по 1917 год расследование проводилось судебными следователями. В советскую эпоху органы предварительного следствия не только стали частью правоохранительной системы государства, но и претерпели ряд изменений, касающихся, например, смены подчиненности, а также появления в различных ведомствах, таких как Министерство внутренних дел СССР.

В современной России также не обошлось без реформ органов предварительного следствия. Так, в 2011 году из состава прокуратуры было выведено следственное подразделение (ныне – СК России), а в 2016 году ликвидирована Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, и следственное подразделение, входившее в ее состав, стало частью Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Рассматривая более подробно современный период развития органов предварительного следствия Российской Федерации, считаем целесообразным начать с 1991 года, т. к. изменение территориальной целостности государства, названия, экономического и политического состояния, законодательства, рост преступности обусловили необходимость реформирования действующих следственных органов и создания новых.

После распада СССР свое место сохранили и еще более укрепили следственные подразделения, находящиеся в подчинении прокуратуры, МВД России и органов государственной безопасности (в последующем ФСБ России). Однако как выше было сказано, позднее сложившаяся обстановка в стране продиктовала новые условия для развития и реформирования следственных органов. В 1993 году, после проведения ряда реформ и изменений в структуре правоохранительных органов, появилась налоговая полиция, в которой было образовано следственное подразделение. Данная служба просуществовала до 2003 года, после чего была упразднена, а ее следственный аппарат передан МВД России. В 2002 году образована Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (далее – ФСКН России), в которой для более эффективной борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, был создан следственный аппарат. Хотелось бы отметить, что ФСКН России, как и предыдущая рассматриваемая служба, в 2016 году была упразднена, а ее функции и личный состав переданы в МВД России.

Таким образом, с 1991 по 2021 год, т. е. в течение 30 лет, было создано и упразднено 2 правоохранительных органа, выполняющих функции предварительного следствия. В то же время история современных органов предварительного следствия также не стоит на месте. Так, следственный аппарат МВД России с 1995 по 2011 год возглавлял Следственный комитет при МВД России, в последующем он был переименован в Следственный департамент МВД России. В 2011 году следственные органы прокуратуры были выведены из ведения прокуратуры и был образован самостоятельный вневедомственный орган – СК России. Следственный аппарат ФСБ России

также не остался без изменений, одно из основных – это появление в ходе реформирования и переименование в 1995 году самого ведомства [9]. Следственные органы указанного ведомства, как и другие, на протяжении своего существования не оставались без пристального внимания со стороны государства, в связи с чем реформировались, вплоть до ликвидации и восстановления [6, с. 32–33].

Изучая историю становления следственных органов Российской Федерации, можно прийти к выводу, что они появлялись, ликвидировались и развивались под воздействием различных факторов, среди которых экономическое и политическая обстановка в стране, рост преступности и мн. др. В связи с этим можно утверждать, что, как бы ни называлось наше государство и какой бы период его развития нами ни рассматривался, существование следственных органов, их положение в правоохранительной системе государства зависят от вышеуказанных факторов.

Рассматривая каждый следственный орган в отдельности, можно прийти к выводу, что их история уникальна и разнообразна. Однако с точки зрения истории развития государства можно заключить, что они неотделимы друг от друга, возникают и развиваются в зависимости от его потребностей, тем самым формируя единую историю становления указанных органов и их деятельности. Это также можно объяснить еще и тем, что опыт, приобретенный одним следственным органом в ходе своего существования, непременно будет передан другим для их развития и совершенствования.

Оборачиваясь назад и используя медицинскую терминологию, можно провести такую аналогию, что следственные органы являются антибиотиком, государство – организмом, а преступность – вирусом, который все время изменяется под воздействием различных факторов. Когда вирус размножается и старается ослабить организм, т. е. государство, оно принимает антибиотик. Здесь хотелось бы напомнить, что в различные периоды истории следственные органы ликвидировались, однако в последующем восстанавливались, поэтому считаем, что как бы ни развивалось государство, а небольшая часть «антибиотика» всегда должна находиться в организме.

В современной России продолжают применять и развивать лучшие традиции следственной деятельности органы предварительного следствия МВД России, ФСБ России и СК России. Причем если обратить на них внимание, можно увидеть, что сегодня существуют следственные органы двух типов – ведомственные и вневедомственные. Так, к первой категории можно отнести следственные органы МВД России и ФСБ России, т. к. они находятся в структуре соответствующих ведомств, а ко второй – следователей СК России.

На сегодняшний день сложно говорить о том, какая из моделей, а именно ведомственная или вневедомственная, наиболее эффективная, т. к. государством для каждого следственного органа поставлена своя задача по обеспечению противодействия преступности, разграничив их деятельность ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ). Считаем, что данная структура является наиболее эффективной, однако и она не лишена недостатков, в связи с чем и возникают дискуссионные вопросы о реформировании следственных органов.

Рассматривая вышеуказанные дискуссионные вопросы, хотелось бы отметить следующее:

– ряд ученых, а также практиков предлагают создать единый СК России на базе имеющегося, который будет расследовать все преступления. Данное предложение имеет свою логику. Обращаясь к истории, следует отметить, что опыт, например, «майорских» следственных канцелярий, безусловно, является положительным, т. к. подчинение непосредственно главе государства привело к возможности расследовать уголовные дела в отношении ряда важных государственных служащих. В то же время, вспоминая судьбу первого следователя, приходим к выводу, что нельзя допускать монополии на следствие, т. к. это может привести к возникновению преступности в самом следственном органе;

– возвращение СК России в ведение прокуратуры, с одной стороны, приведет к повышению качества взаимодействия между следователем и прокурором, а с другой – может проявиться один из негативов ведомственной принадлежности, а именно следователь частично утратит свою процессуальную независимость;

– проведение судебной реформы и утверждение должности судебного следователя. Так, если данная реформа будет проведена и имеющиеся следственные органы будут ликвидированы, то можем прийти как к имевшемуся в истории опыту или, как говорилось выше, к монополии на следствие, чего допустить нельзя. В случае если другие следственные органы не будут упразднены, то вообще теряется смысл создания обсуждаемого органа.

Как уже было указано выше, действующая система органов предварительного следствия не лишена недостатков, однако считаем, что любые вопросы, связанные с реформированием указанных органов, должны быть тщательно рассмотрены с точки зрения целесообразности, логики, экономического положения и т. д.

Вспоминая причины и условия, служившие созданием таких органов, как налоговая полиция и ФСКН России, можно сказать, что они были основаны с целью противостояния складывающейся в стране криминогенной обстановке, но при этом они в полном объеме не смогли справиться с поставленными перед ними задачами. Одной из причин, послуживших основанием ликвидации ФСКН России, явилось сокращение государственного финансирования, что, в свою очередь, привело к уменьшению штатной численности сотрудников ведомства, а это увеличило нагрузку на оставшихся и сделало невозможным своевременное и качественное расследование уголовных дел. Осознавая, что ФСКН России не справляется с поставленными перед ним задачами, при отсутствии возможности повышения финансирования, вызванного различного рода экономическими сложностями в государстве, в том числе введением экономических санкций рядом иностранных государств, руководством страны с целью стабилизации обстановки, связанной с недопущением роста преступности в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, приняло наиболее верное решение. Данное решение помогло сэкономить бюджетные средства, т. к. по различным причинам не все сотрудники указанного ведомства перешли на службу в МВД России. Хотелось также обратить внимание на тот факт, что на момент ликвидации ФСКН России имела динамика к снижению преступлений в данной сфере.

Так, по информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за период с января по апрель 2016 года сотрудниками ФСКН России выявлено 24 414 преступлений, что на 15,9 % меньше, чем за аналогичный период 2015 года. При этом сотрудниками МВД России выявлено 50 261 преступление, что на 10,2 % меньше показателей их деятельности за аналогичный период 2015 года [8].

С каждым годом в Российской Федерации увеличивается количество преступлений, совершенных с использованием средств мобильной связи и сети Интернет, при этом большая часть таких деяний находится в производстве следователей МВД России. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 11 месяцев 2021 года совершено 215,3 тыс. мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что составляет 73,6 % от всех видов мошенничеств. Киберпреступления занимают более четверти от всех видов преступлений, т. е. 494 тыс., что составляет 26,7 %, при этом от киберпреступности пострадали 60 тыс. пенсионеров, 6 тыс. несовершеннолетних и 2,5 тыс. инвалидов [8].

С учетом роста данных преступлений считаем возможным при соблюдении ряда условий, таких как повышение финансового благосостояния государства, невозможность действующих правоохранительных органов влиять на складывающуюся обстановку, связанную с увеличением указанного вида преступлений, создание специализированного ведомства, в том числе и следственного органа. В настоящее время сотрудники МВД России регулярно проходят курсы повышения квалификации по информационной грамотности, кибербезопасности, а также по выявлению, пресечению и расследованию данного вида преступлений. В ряде образовательных организаций МВД России реализуются образовательные программы для курсантов, которые позволят им в последующем выявлять и расследовать преступления данного вида.

По нашему мнению, в настоящее время отсутствует необходимость в создании новых или ликвидации имеющихся следственных органов, т. к. сложившаяся система является наиболее стабильной и эффективной, имеет большой практический опыт. Однако назрел

вопрос, связанный с реформированием данных органов и законодательства Российской Федерации, а именно основное внимание необходимо уделить информационной аналитической деятельности, оснащению органов предварительного следствия современной техникой, повышению профессионального мастерства следователей и т. д.

Что касается внесения изменений в российское законодательство, то считаем необходимым пересмотреть ст. 151 УПК РФ «Подследственность», а именно расширить ч. 5 с тем, чтобы первый орган, выявивший преступление, мог незамедлительно приступить к его расследованию без необходимости тратить время на передачу уголовных дел из одного следственного органа в другой. Так, данную категорию считаем необходимым дополнить преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, преступлениями против порядка управления и т. д. Говоря о других изменениях в законодательстве, считаем необходимым рассмотреть возможность производства ряда следственных действий, таких как допрос потерпевшего или свидетеля, с использованием видео-конференц-связи, а также внедрения электронной формы уголовного дела.

Важным моментом в реформировании следственных органов является развитие и изменение информационно-аналитической деятельности [4, с. 124–126]. Так, все большую популярность в разработке и внедрении получает искусственный интеллект [3]. Считаем, что это перспективная разработка во всех сферах деятельности государства, в том числе и правоохранительной. Данная система могла бы сама анализировать имеющуюся у органов предварительного следствия информацию о совершенном преступлении, сообщать сведения о совпадении с аналогичными фактами по всей территории Российской Федерации, анализировать и сравнивать голоса людей, совершающих преступления с использованием средств мобильной связи, и т. д. Это позволило бы снизить нагрузку на следователей и увеличить количество раскрытых преступлений.

Хотелось бы обратить внимание на то, что на качество и результаты расследования любого преступления влияют различные факторы. При этом основными факторами можно считать профессионализм следователя и материально-техническое обеспечение его деятельности. Таким образом, какие бы реформы и преобразования следственных органов ни происходили, если следователи не будут грамотны и профессиональны, результаты этих реформ могут быть провальными.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.09.2021) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Андреева О.А., Фисаков М.Ю. Формирование следственных органов в истории России XVI–XVIII веков // Российский следователь. 2019. № 5.
3. Проходаков Э.М. Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 23.05.2022).
4. Фисаков М.Ю. Информационно-аналитическая деятельность следственных органов // Юристы-Правоведы. 2018. № 3(86).
5. Фисаков М.Ю. Историческая ретроспектива начальных периодов формирования ин-

Bibliography

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: fed. law d.d. 18.12.2001 № 174-FL (ed. dated 23.09.2021) // Access from reference legal system «ConsultantPlus».
2. Andreeva O.A., Fisakov M.Yu. The formation of investigative bodies in the history of Russia of the XVI–XVIII centuries // Russian investigator. 2019. № 5.
3. Prokhodakov E.M. The current state of artificial intelligence // Scientific research. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-iskusstvennogo-intellekta> (date of access: 23.05.2022).
4. Fisakov M.Yu. Information and analytical activity of investigative bodies // Jurist-Pravoved. 2018. № 3(86).
5. Fisakov M.Yu. Historical retrospective of the initial periods of the formation of the institute of preliminary investigation and methods of

ститута предварительного следствия и методик расследования преступлений в России // История государства и права. 2019. № 2.

6. Хохлов В.А. Следственный аппарат органов государственной безопасности: история и современное состояние // Российский следователь. 2010. № 15.

7. Цветков Ю.А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. 2015. № 3.

8. URL: <http://www.crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 23.05.2022).

9. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history/creation.htm> (дата обращения: 23.05.2022).

investigation of crimes in Russia // History of the state and law. 2019. № 2.

6. Khokhlov V.A. Investigative apparatus of state security bodies: history and current state // Russian investigator. 2010 № 15.

7. Tsvetkov Yu.A. Historical stages of development of preliminary investigation bodies in Russia // History of the state and law. 2015. № 3.

8. URL: <http://www.crimestat.ru/analytics> (date of access: 23.05.2022).

9. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history/creation.htm> (date of access: 23.05.2022).

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
 - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
 - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).
9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.
13. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
14. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
15. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
16. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
17. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**